

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

К 9(с)
К 10-95

ОЧЕРКЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Издѣлованіе члена-секретаря Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета Л. Б. ВЕЙНБЕРГА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(XVI—XVIII в.)

ВОРОНЕЖЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1890.

Проездное 1938 г.

~~91553~~

ОЧЕРКЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

338 (47 39)

ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ИР.-18

Издѣваніе члена-секретаря Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета Л. Б. ВЕЙНБЕРГА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(XVI—XVIII в.)

ВОРОНЕЖЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1890.

Р 9 (с)
R 0-95

Печатано по постановленію Воронежскаго губ. Статистич. Комитета.

Воронежская областная
библиотека
им. И. С. Никитина

Б0171659

120

Пр 1940

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ВОРОНЕЖА И ДО ОТКРЫТІЯ НАМѢСТНИЧЕСТВА.

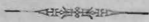

овременное экономическое положеніе Воронежской губерніи не блестяще: почти всѣ отрасли мѣстной промышленности находятся въ незавидномъ положеніи, — и это неутѣшительное явленіе, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, не можетъ быть признано временнымъ — ведутъ безусловно хроническій. Эпидеміи, эпизоотіи, градобитія и неурожаи, идя рука объ руку, становятся все чаще и чаще, такъ что замѣчается даже нѣкоторая связь между ними, а между тѣмъ всѣ эти бѣдствія были еще довольно рѣдки даже въ концѣ прошлаго столѣтія. Очевидно, изучить причины, ихъ обуславливающія, возможно только историческимъ путемъ, — что и составляетъ главная задача настоящаго труда, раздѣленнаго нами на два главныхъ, хотя и не равныхъ періода. Первый — отъ основанія *польскихъ* городовъ и до открытія Воронежскаго намѣстничества, — который можно по всей справедливости назвать періодомъ возрожденія мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, и *второй* — по настоящее время — періодъ постепеннаго упадка ея. Второй выпускъ надѣемся издать въ недалекомъ будущемъ.

Очеркъ составленъ частью по мѣстнымъ актамъ, изданнымъ Н. Второвымъ и А. Дольникомъ, Ѡ. де-Пуле и нами, частью же по неизданнымъ еще матеріаламъ мѣстныхъ архивовъ. Въ виду совершеннаго почти отсутствія изслѣдованій по этому вопросу, мы не ссылались на литературу, приведенныя же у насъ величины *кости* и *мортки* заимствованы изъ статьи А. Доброклонскаго (*).

Въ концѣ очерка мы помѣстили рядъ собранныхъ нами фактовъ, прямо или косвенно связанныхъ съ исторіею мѣстной сельско-хозяйственной промышленности. Этотъ перечень, названный „Лѣтописью“, надѣемся постепенно дополнить и исправить.

Л. Вейнбергъ.

(*) Его статья „Оч. изъ жизни Солотчинскаго монастыря“ въ Труд. Ряз. Уч. Арх. Ком., за 1888 годъ.

Начало сельско-хозяйственной промышленности при-Донского края—Бортничество.—Медоварение и воскобойное производства.—Хлѣбонашество и винокуреніе.—Ловля и виденіе рыбы.—Бобровые горы.—Имущественный инвентарь при-Донского обитателя въ началѣ XVII в.—Четвертное землевладѣніе.—Наплывъ бѣглыхъ.—Цѣны, существовавшія на хлѣба и скоть.—Мѣропріятія Правительства къ развитію сельскаго хозяйства.—Роль Черкасскъ въ исторіи мѣстнаго сельскаго хозяйства.—Причины малорусиности въ началѣ и замѣтнаго развитія сельскаго хозяйства во второй половинѣ XVII в.—Заботы царей Алексѣя Михайловича, Петра I и Екатерины II.—Учрежденіе Воронежскаго акціонернаго общества.—Успѣхи Воронежской сельско-хозяйственной промышленности въ XVIII в. и цѣны существовавшія въ этомъ столѣтіи.—Мѣстная метрологія.—Торговые пути.—Сухопутныя дороги и судоходство.—Правительственными и общественными мѣропріятія къ ея развитію въ прошломъ столѣтіи.—Современное положеніе.—Лѣсоводство.—Коневодство.—Коннозаводство.—Опытъ сельско-хозяйственной лѣтописи.—Характерныя особенности сельско-хозяйственной промышленности при-Донскаго края.

Н е знаемъ, какъ въ другихъ областяхъ, по въ придонскомъ краѣ заботы Правительства относительно развитія сельско-хозяйственной и заводской промышленности начались очень рано. Отдѣльныя мѣропріятія въ этомъ отношеніи можно прослѣдить въ концѣ XVI в., т. е. одновременно съ основаніемъ городовъ и даже рабѣ того. Сюда относятся бортничество или лѣсное ичеловодство и тѣсно связанная съ нимъ медовареніе или *медовая стапка*, какъ тогда говорили, и воскобойное производство, рыболовство, звѣриный промыселъ, въ которомъ видное мѣсто занимали бобровые горы. Хлѣбонашество съ самаго начала объимаетъ собою почти всѣ тѣ полевныя и огородныя растенія, какія и понныѣ встрѣчаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за исключеніемъ конечно картофеля, появившагося у насъ лишь въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка и то на первый разъ въ немногихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, и, вѣроятно, салата и такихъ зонтичныхъ и ллейныхъ растеній, какъ сельдерей и порей и имъ подобныхъ, кои намъ ни разу не встрѣчались въ историческихъ документахъ XVII в.

Въ царствованіе Михайла Феодоровича, въ періодѣ времени съ 1632 по 1633 г., были проданы воронежскимъ губнымъ старостомъ съ публичныхъ торговъ *опальные животы* нѣкоторыхъ атамановъ и крестьянъ; сохранившіяся купчія отнеся и росписа дадутъ намъ наглядное понятіе не только о сельско-хозяйственной промышленности воронежцевъ того времени, но и о существовав-

шихъ дѣлахъ какъ на сельскохозяйственные продукты, такъ и на домашній скоть.

Такъ, напримѣръ, наличное имущество усманца Кодрашки Кодулина заключалось въ слѣдующемъ. Жорнова въ клѣти, въ закрои четыре чети ржи; коробы основная, а въ ней двое штаны, кожаные да сермяжные; попова Турская, два блюда, братина бражная; конюшня, кобыла савраса ногайская да жеребенокъ рыжъ ногайской, корова сама-друга, три осминника ржи, осминникъ ячменю, полосминника гречихи, двѣнадцать ульевъ ичель. Прошлогоднего или какъ тогда выражались *уживаго* хлѣба: пятнадцать копенъ ржи, восемь копенъ пшеницы яровой, четырнадцать копенъ ячменя. Кромѣ этого, за какую то вину, были еще продажи на великаго государя слѣдующіе опальные животы Кодулина: дворъ, а на дворѣ изба и дворовая городба, клѣть съ прикѣтомъ омшеникъ, 3 лошади, 10 овецъ, 5 свиней и проч.

У другаго усманца, у Тимошки Лебеяднова непроданными оказались:

Дворъ, конюшня, клѣть, анбаръ, двѣ повѣти, тинюмъ огорожены; въ избѣ въ подѣ жорновы, коробы основная, въ коробѣ двѣ рубашки женскія, скатерть, двои портки, рубашка мужская посконная (суконцо сермяжное тонкое, окрашено, оденадцать аршинъ *), сукно сермяжное бѣлое, шапка ланчетая подъ сукномъ, два зинуна сермяжные вѣчаны, двѣ шубы борави, шесть братинокъ малыхъ, едовка съ вноскомъ винная деревяная, три корчаги бражике, четыре ваполы липовые, бочка въ четверть, двѣ рукавицы, двѣ узды сиромятные, блюда деревяная, два топора дровосѣчныхъ (сошники съ полицею), масла горшокъ коровы, пятадцать гривенокъ, сапоги женскія вѣчавые, (двое лошадей) двѣ коровы, трое телятъ, три десятны ржи въ земля, три осминника ерового хлѣба, овса осминникъ, ячменю, овца, двадцать куревъ старыхъ и молодыхъ, на огородѣ высева полосминны конопель, восемь грядъ капусты, пять грядъ огурцовъ.

Кромѣ этого, изъ его животовъ было продано губнымъ старостю: 4 свиньи, 5 лошадей, 2 коровы, 5 овецъ, суконникъ да сошникъ съ полицею 2 братины, 3 деревяныя блюда да 10 ложекъ.

У третьяго усманца, Богдашки Тарасова, въ наличности оказывается:

Жорновы, три копы овса, три копы ржи, три телѣги гречихи, въ земля десятно ржи съ осминникомъ, осминникъ пшеницы, двое лошадей, двѣ телицы лояскія, теленокъ селѣтокъ, свинья, четыре гусей, семь куровъ, топоръ, косарь, три десятка посконы, двои сани, двѣ телѣги двоеколки, корыта, почвы, три коробы, судна основная, два мѣшечка ленова сѣмени, кузовъ борщу, десять мочалниковъ, четыре хомуты, четыре дуги, братина, ен(дова?), пять братинокъ, едовка, винная чарка, два ковша, два блюда, ставень, сумки перешетныя, три сумки сиромятные, стула, лопата, толкачъ, три лукошка съ шерстью, чаша хлѣб . . . , два арчакъ, два кувшина бражныхъ, тр . . . пы . ку(в)шинъ водоносной. 139 году у жите(ли?) Богдашкова Пробитого-Дба хлѣба полше(с)ты копы ржи.

Кромѣ того продано губнымъ старостю клеблю пшеницы, 7 овецъ, стойку да ваполець липовый, весь усманскій дворъ, корову черную и свинью.

*) Слова въ скобкахъ зачеркнуты въ подлинникѣ, вѣроятно, какъ вещи проданныя.

Мы нарочито сдѣлали эту выписъ, чтобы познать чѣтателя съ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ воронежца-коловиста придонскихъ степей того времени. Изъ дальнѣйшаго перечня усматривается, что особенно рѣзкихъ колебаній въ имущественномъ отношеніи въ тѣ времена еще не замѣчалось; на выдающихся богачей, ни голытьбы еще не было, и тѣ и другіе появились лишь съ развитіемъ торговли, къ срединѣ XVII в.

Интересны цѣны, существовавшія въ тѣ отдаленныя времена (1632 г.) Кледа я овса или пшеницы — 1 р.; жеребенокъ лонской — 1 р.; меринъ 2 р. 12 алт. 2 деньг.; кобыла 1½ р.; корова 16 алт. и 20; овца отъ 3 до 4 алтынъ, свинья — 6 алт. безъ 2 денегъ. Дворъ — 35 алтынъ; дворъ съ избою и съ дворовою городбою — 4 р. и за омшеникъ 5 алт.

Черезъ 40 лѣтъ, въ 1672 г., цѣны значительно измѣнились. Четверть ржи или овса уже стоятъ 2 р. за юфть; ковь — 15 руб., корова 2—3 рубля, лисца — 20 алт.; возъ дровъ — 6 денегъ; ведро вина — 11 алт. 4 деньг.; пудъ прѣснаго меду — 1 р.; пудъ мѣди — 5 р. 25 алт.; четь земли — 1 р. и т. д. цѣны слѣдовательно удвоились и даже утроились.

Мѣропріятія Правительства къ развитію сельскаго хозяйства заключались въ томъ, что оно большинство повинностей принимало сельскохозяйственными продуктами, посопнымъ хлѣбомъ: какъ стрѣлцкій, четвериковый, житенный и кромѣ того для Донскаго отпуска ежегодно 500 ведръ вина и 6500 чет. хлѣбныхъ запасовъ.

Преимущественно воздѣлывались: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, конопля, ленъ, гречиха и хитль; изъ огородныхъ — капуста, свекла (борщъ), лукъ, огурцы, рѣдька и чеснокъ; изъ садовыхъ — яблоки и вишни. *)

Мельницы упоминаются лишь съ начала тридцатыхъ годовъ, когда начали прибывать въ придонскій край бѣло-и-малоруссы, а равнѣ того крестьяне хлѣбъ молотили жерновами въ подклѣткахъ или толели въ ступахъ **). Вообще хлѣбопашество находилось въ началѣ въ самомъ первобытномъ состояніи. Не зирая на баснословное плодородіе почвы, голода бывали здѣсь не особенно рѣдки. Въ 1674 г. валуичане ѣли съ мякиною мѣшаючи племъ и жолуди, племковые кньюи отъ голоду и брели рознь; такихъ примѣровъ не мало.

Нѣкоторыми производствами Правительство или само занималось или отдавало на откупъ, таковы: ямчужное т. е. вареніе селитры, винокуреніе, вяленіе и копченіе рыбы.

Сельско-хозяйственная промышленность придонскаго края начала развиваться въ срединѣ XVII в. благодаря донцовскимъ черкассамъ, переселившимся изъ за донскихъ степей на Донъ; они не только ввели культуру многихъ новыхъ растений, какъ галузь (анисъ) подсолнухъ и др., но своимъ присутствіемъ увеличили и производство и сбытъ разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Крупный и мелкій домашній скотъ, привезенный ими съ собою, также не мало поспособствовалъ къ улучшенію мѣстныхъ породъ, за исключеніемъ, какъ кажется, оныхъ только лошадей, ибо мѣстныя, *погайскія*, цѣнились гораздо выше.

*) Строго запрещеннымъ при Михаилѣ Феодоровичѣ табаководствомъ, повидяному, также занимались въ широкихъ размѣрахъ.

**) Впрочемъ у большинства помѣщиковъ и тогда были уже свои мельницы.

При всемъ томъ, вслѣдствіе близости ордынскихъ хищниковъ, болѣе широкое развитіе сельско-хозяйственной промышленности было немислимо почти во все продолженіе XVII столѣтія. Безпрерывныя набѣги, въ особенности ногайцевъ, сопровождались грабжею рабочаго скота, плѣненіемъ земледѣльцевъ и безцѣльнымъ истребленіемъ хлѣбовъ въ полѣ. Хлѣбопашество ограничивалось поэтому мѣстностями, защищенными близостью крѣпостей. При первомъ ударѣ колокола (набатъ) и люди, и скотъ, и хлѣбъ спасались въ ближайшій городъ. Кто не могъ успѣть перевести хлѣбъ въ городъ, обязанъ былъ зарывать его въ землю, а если и для этого не оставалось времени, то смотря по обстоятельствамъ—топить или сжечь его. Нѣкоторымъ помѣщикамъ-дворянамъ болѣе удаленнымъ отъ города, гдѣ мѣстность дозволяла, Правительство отводило особое, не въ зачетъ помѣстья, глухое, *укромное*, мѣстечко, гдѣ нѣбудь въ глубокомъ лѣсномъ оврагѣ съ спеціальною цѣлю—для *убыгу съ своими людьми отъ воинскихъ людей*. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ сельское хозяйство развивалось въ началѣ очень слабо. У черкасскъ же, которыхъ ордыны неохотно тревожили, оно поэтому шло несравненно лучше.

Съ середины XVII в., съ переселеніемъ на Довъ черкасскъ, ногайцы и другіе кочевники были постепенно оттѣснены къ югу и юговостоку, что не замедлило въ высшей степени благотворно повліять на промыслы воронежцевъ. Съ этихъ поръ для края имѣютъ серьезное значеніе набѣги однихъ только Крымцевъ и Кубавцевъ, но послѣднимъ, за дальностью набѣгъ, *изюномъ* былъ довольно труденъ, да и самыя набѣги этихъ двухъ ордъ бывали сравнительно не часты. Хлѣбопашество поэтому развилось настолько, что не только для мѣстныхъ потребностей ратныхъ и вообще служилыхъ кормовыхъ людей, не только для Донскаго отпуска, но и въ Москву на кормленіе стрѣльцовъ Правительствомъ отказывается принимать стрѣleckими и житенными деньгами, требуетъ уже за мѣну ихъ хлѣбомъ. Въ одной изъ отысканныхъ нами грамотъ отъ 1672 г., царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ, между прочимъ воронежскому воеводѣ, что де сборщики, которые ѣздятъ къ Москвѣ съ стрѣleckими деньгами «звзявъ тѣ деньги, хлѣбъ покупаютъ на Москвѣ жъ, съ возовъ и съ судовъ, а не въ Украинныхъ городехъ и отъ тѣхъ подрядчиковъ въ закупкѣ хлѣба на Москвѣ цѣна на хлѣбъ прибываетъ и всего Нашего государства людямъ отъ того утѣсненіе и убытки и тому впередъ отнюдь не быть, чтобъ отъ того въ посадѣхъ тягости, а на Москвѣ на хлѣбъ дорогія цѣны и бѣднымъ людямъ утѣсненіе не было». Вместе съ хлѣбопашествомъ значительно развились и рыболовство и пчеловодство и садоводство и огородничество, а у Острогжскихъ черкасскъ особое развитіе получили ското-и овцеводство. Черкассы преимущественно занимались посѣвами пшеницы, овса, ячменя и льна, а также и при томъ въ очень широкихъ размѣрахъ—хлѣководствомъ. Причина преобладанія этихъ растеній заключалась въ исключительномъ правѣ безошляиваго винокуренія и безоброчнаго шинкованія, коими пользовались долгое время черкассы. Обширность района посѣва пшеницы видна изъ великаго множества мельницъ, построенныхъ черкассами уже въ первыя 20 лѣтъ ихъ переселенія. Черкасскія мельницы отличались отъ мельницъ Великоруссовъ тѣмъ, что дѣйствовали преимущественно силою вѣтра, а не воды. Въ строеніи подобныхъ мельницъ они отличались большимъ искусствомъ. Такъ рассказываетъ

Дебруинь, что онъ видѣлъ (1702 г.) подъ Воронежемъ по дорогѣ къ пристани на Дону парусную мельницу, построенную какимъ-то черкасцомъ, которая отличалась необыкновеннымъ устройствомъ. Она имѣла форму восьмиугольника; внутри зданія помѣщались четыре мельницы, которыя дѣйствовали одновременно, безъ крыльевъ и безъ всякихъ другихъ видимыхъ приспособлений для примѣненія силы вѣтра. Внутри главной мельничной постройки было устроено семь парусовъ, которые походили на обыкновенные барочные паруса, а само зданіе было снабжено закрывавшимися снаружи большими ставнями или дверьми. При благоприятномъ вѣтрѣ открывали двѣ или три ставни съ той стороны, откуда дулъ вѣтръ и черезъ эти отверстія вѣтръ, врывался съ силою, надувалъ паруса и такимъ образомъ приводилъ въ быстрое движеніе весь механизмъ *).

Для развитія пчеловодства Правительство долгое время взыскивало нѣкоторую часть повинностей медомъ и воскомъ. О размѣрахъ медоваго и восковаго сбора можно судить по тому, что съ одного Витюцкаго уождья за три года аренды (1670—80 гг.) Правительство взымало кромѣ причитавшихся 354 р. 16 алт. 4 денегъ, — двадцать пудовъ меду, а воску одно время Воронежъ отсылалъ въ Москву до 10 пудовъ. Узнавъ объ искусствѣ воронежцевъ въ явленіи и конченіи рыбы, царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ въ 1670 г. Воронежскому воеводѣ нанять особенно свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ воронежца, который дѣлалъ бы запасы рыбы и отправлялъ въ Москву. Рыболовство было также очень развито и составляло одно изъ доходнѣйшихъ оброчныхъ статей казны. Съ этою цѣлью, всѣ воды были раздѣлены на жеребьи, а жеребьи на тони, а въ большихъ рѣкахъ отдѣльно также отдавались въ оброчное содержаніе затонъ, затовець, плесо или звѣно рѣки.

Во второй половинѣ XVII столѣтія воронежцы занимались уже обработкою многихъ сельско-хозяйственныхъ иродуктовъ. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ существовали производства винокуренное, медоваренное, мукомольное, рыбное, воскобойное, кожевенное, салиторное, а затѣмъ въ менѣе значительныхъ размѣрахъ дрожжевое, уксусное (и то, и другое преимущественно у черкасскъ) видѣла крупы, восковыхъ и салныхъ свѣчей и ин. др.

Мѣропріятія Правительства къ развитію мѣстной сельско-хозяйственной промышленности выразилось къ этому времени въ попыткѣ привлечь Воронежцевъ къ участию на ярмаркахъ Сѣвера. Такъ грамотою отъ 1 мая 1664 царь Алексѣй Михайловичъ предписываетъ воронежскому воеводѣ Якову Ивановичу Татищеву выслать съ Воронежа и съ уѣзда его на Вологодскую городскую ярмарку продукты мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, какъ вапр., смальчугъ, пеньку, поташъ, юфть, соболей, сало говяжье и т. п. Изъ этой грамоты видно, что это далеко не первая грамота царя, что озабочиваясь развитіемъ сельскаго хозяйства Украйны, онъ уже ранѣе неоднократно писалъ объ этомъ прежнимъ воронежскимъ воеводамъ, Сонцову и Кривцову, но

* Снимокъ съ этой мельницы былъ помѣщенъ въ Ворон. Юбил. Сборн., 1886 г. т. I, при статьѣ *и. Воронежъ*, автора.

что послѣдніе не только ничего не предпріяли, но даже и не отписали ничего въ свое оправданіе *).

Въ этомъ положеніи находилась мѣстная сельско-хозяйственная промышленность ко дню прибытія въ Воронеж великаго Преобразователя Россіи.

Петръ I началъ съ того, что собственноручно развелъ виноградъ разныхъ сортовъ въ Воронежѣ (на Чижовкѣ), завелъ бахчи и позаботился о возможно широкомъ распространеніи посѣвовъ пеньки, столь нужной ему для кораблестроенія. Вслѣдъ за угольнымъ сженіемъ и тонкою дѣтля, одна за другою стали возникать фабрики и заводы, а чтобы лучше пріохотить воронежцевъ къ сельско-хозяйственной промышленности, онъ поручалъ имъ доставку съѣстныхъ и другихъ припасовъ для арміи и флота и вообще разные казенные подряды.

Главные сельско-хозяйственные продукты, составлявшіе предметы сбыта воронежцевъ во все продолженіе XVII вѣка были: хлѣбъ, вино, сало, рыба, пенька, ганусъ или анисъ, холстъ и кожа въ разныхъ видахъ.

Съ возвращеніемъ Азова Туркамъ, Петръ Первый, опасаясь, что за недостаткомъ предпримчивости и частной инициативы въ дѣлѣ развитія фабрично-заводской промышленности обрабатывающей сельско-хозяйственные продукты, всѣ мѣстные имъ устроенные казенные фабрики и заводы придутъ въ упадокъ, передалъ ихъ въ руки мѣстныхъ дворянъ и именитыхъ купцовъ, а сукольную фабрику особой компаніи, образовавшейся изъ мѣстныхъ выдающихся помѣщиковъ и торговыхъ фирмъ: дворянъ Веневитянова, Лосева, Титова и купцовъ Тулинова, Сахарова и Гарденина.

Такимъ образомъ оказывается, что первые мѣстные чугунолитейные, мѣдоплавильные (впослѣдствіи колокольные) кожевенные (на англійскій манеръ), парусные, лѣсопильные, канатные и сукольные заводы и фабрики созданы рукою гениальнаго монарха. Толчокъ, данный имъ мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, необычайно сильно оживилъ и мѣстную торговлю. Быстрое движеніе впередъ одинаково замѣчается какъ въ отношеніи хлѣбопашества, такъ и скотоводства. Зато въ XVII столѣтіи начинаетъ замѣчаться постепенный упадокъ двухъ весьма важныхъ отраслей воронежской промышленности; мы подразумеваемъ пчеловодство и рыболовство. Первая, вслѣдствіе значительнаго истребленія лѣсовъ, отодвигается къ сѣверу, причѣмъ звѣриный промыселъ совершенно прекращается, а вторая — всеболѣе и болѣе къ югу, причѣмъ бобрные гоны и жемчужная ловля въ Дону исчезаютъ навсегда.

Изъ правительственныхъ мѣропріятій XVII в. послѣ Петра I къ развитію мѣстной сельско-хозяйственной промышленности отмѣтимъ: 1) Основаніе въ Остроужскомъ у. въ 1765 г. швейцкой колоніи Рибенсдорфа, состоящей изъ 72 семействъ Виртембергскихъ хлѣбопашцевъ. 2) Хлѣбный сборъ вмѣсто денегъ въ Воронежской губерніи въ 1769 г. для отправленія въ жнныя города на продовольствіе войскъ. 3) Высочайшее повелѣніе, въ томъ же году, воронежскому губернатору, принять мѣры къ размноженію посѣва пеньки, съ

*) У васъ въ рукахъ находится другой историческій документъ, изъ котораго видно, что подобныя распоряженія были сдѣланы и въ отношеніи Вологды, но тамоншіе поводы повидному были болѣе исполнительны, потому что вологодскіе купцы съ своими товарищами пріѣзжали не только въ Воронежъ, но даже (при Петрѣ) въ Азовъ.

разрѣшеніемъ употребить на покупку сѣмянъ, для раздачи до пятисотъ рублей. 4) Закупка въ 1772 г. Правительствомъ до 20.000 четв. ржаной муки, для отсылки изъ Воронежа въ крѣпость св. Дмитрія. 5) Учрежденіе 18 октября 1772 г. *Воронежской торговой компаніи*, имѣвшей главною задачею расширеніе сбыта мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній; объ ней будетъ сказано ниже и 6) Имянной указъ (1774 г.) воронежскому губернатору Шетневу снабжать Московскую, Казанскую, Саратовскую и нѣкоторыя другія губерніи хлѣбомъ, въ которомъ чувствуется недостатокъ по причинѣ недорода и раззореній Пугачева. Все это вмѣстѣ взятое не могло не повліять въ высшей степени благотворно на развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства. И въ самомъ дѣлѣ съ тѣхъ поръ, по словамъ Болховитинова, одинъ только г. Воронежъ отправлялъ ежегодно на 1.000.000 рублей хлѣба и сала. А въ 1779 г. изъ Воронежа было отправлено 2.000.000 пудовъ сала, 70.000 пудовъ шерсти, не считая хлѣба, ленки и проч., а въ 1780 г., по словамъ того же историка, еще болѣе того. Громадный долженъ былъ быть сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, если примемъ въ соображеніе, что рѣчь здѣсь идетъ объ одномъ только городѣ Воронежѣ, что обороты прочихъ городовъ: Острогжска, Павловска, Коротояка, Задовска и др. были сами по себѣ также весьма значительны.

Выше мы упоминали, что съ цѣлю возможно широкаго развитія сельско-хозяйственной промышленности и столь тѣсно связанной съ нею торговли Воронежской губерніи, Правительство учредило въ 1772 Торговую Компанію въ Воронежѣ, присвоивъ ей права и преимущества, какими не пользовалось ни одно торговое общество ни до, ни послѣ этого. Объ этой «компаніи» такъ мало извѣстно и условія ея возникновенія настолько интересны, что нельзя на этомъ не остановиться нѣсколько подробнѣе.

Мы равнѣ видѣли неоднократныя попытки со стороны Правительства ввести Воронежскій край въ торговыя сношенія съ нашимъ тогда еще единственнымъ сѣвернымъ портомъ, съ Архангельскомъ. Попытки эти, какъ мы уже знаемъ, были неудачны не потому одному, что воронежскіе воеводы Кривцовъ, Сонцовъ, Бухвостовъ и проч. были не исполнительны, но главнымъ образомъ потому, что попытка эта въ дѣйствительности не согласовалась съ интересами мѣстной торговой промышленности, которая къ концу XVII в. на самомъ дѣлѣ успѣла принять довольно широкіе размѣры, но — почти исключительно благодаря весьма дешевымъ и весьма удобнымъ естественнымъ путямъ сообщенія, коими судьба благословила Воронежскую губернію. Сотни бударъ и дощаниковъ спускались ежегодно по Дону въ казачьи города и южнѣе, или же *перелазали* у Качалинска въ Волгу, свозя по всѣмъ направленіямъ, повсюду сбывая сельско-хозяйственныя и кустарныя произведенія Воронежской губерніи. Судходныя рѣки — Донъ и Волга съ притоками — вотъ гдѣ крылась настоящая причина быстрыхъ успѣховъ Воронежской промышленности. Не только съ Архангельскомъ, но даже съ Москвою *гужевал*, т. е. сухопутная торговля, производившаяся почти исключительно зимнею порою, въ отношеніи дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не представляла для торговаго человѣка ровно ничего интереснаго, когда одна барка на Дону поднимала болѣе, чѣмъ 100 подводъ по сухому пути. Наглядное подтвержденіе этому мы уже равнѣ видѣ-

ли въ неоднократныхъ попыткахъ сборщиковъ хлѣбныхъ повинностей, закупать хлѣбъ въ Москвѣ на наличныя деньги, вопреки требованію Правительства взымать и доставлять въ Москву хлѣбомъ, а не деньгами.

Но что могло служить еще загадкой въ царствованіе Алексѣя Михайловича, то было уже вполне ясно для Екатерины II. Сто лѣтъ назадъ ни Америка, ни Индія не заваливали еще европейскіе рынки привознымъ хлѣбомъ, а между тѣмъ многія европейскія государства, преимущественно сѣверныя, вачивали уже чувствовать недостатокъ въ немъ. Хлѣбъ и сало — богатство вашихъ степныхъ губерній — могли встрѣтить извнѣ серьезную конкуренцію, вслѣдствіе затруднительности и дороговизны доставки ихъ къ сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ портамъ; попытка же Петра I, посредствомъ каналовъ поправить дѣло, какъ извѣстно, не привела къ цѣли. Для мудрой Екатерины II была ясна причина неисполнительности украинскихъ воеводъ царя Алексѣя и упорство воронежцевъ, не пожелавшихъ пойти повидимому въ столь выгодныя торговыя сношенія съ сѣверомъ. Въ силу географическихъ и историческихъ условій — воронежская промышленность тяготѣла къ югу и юго-востоку. Все это не могло укрыться отъ мудрой Екатерины II, и она рѣшила сдѣлать Воронежъ *южнымъ Архангельскомъ*. Это было тѣмъ своевременнѣе, что Архангельскъ послѣ Петра I началъ быстро терять свое прежнее торговое значеніе, вслѣдствіе того, что житницы Россіи стали незамѣтно тяготѣть къ югу, по путямъ указаннымъ имъ гениальнымъ Преобразователемъ Россіи. Вудары, дощаники и барки, нагруженные сельско-хозяйственными произведеніями, все чаще и чаще стали спускаться по Волгѣ и по Дону и все рѣже и рѣже направлялись они къ сѣверу. Мудрая Екатерина II замѣтила Нижній Новгородъ крайнимъ южнымъ центромъ, откуда торговлѣ еще выгодно было направлять свои предметы сбыта къ сѣвернымъ портамъ, Архангельску и Петербургу. Въ 1767 г. она предложила Нижегородскому губернатору пригласить *лучшихъ купцовъ* образовать торговое общество на акціяхъ *для отпуски хлѣбныхъ и другихъ товаровъ въ верховыя города и въ С.-Петербургъ*. Общество образовалось довольно скоро и результаты его дѣятельности вполне оправдали ожиданія Императрицы. Тогда она приступила къ исполненію другой части задуманнаго плана, — къ урегулированію южной торговли. Необходимо было для этого избрать торговымъ центромъ какой либо изъ южныхъ городовъ; но Крымъ еще тогда не былъ присоединенъ къ Россіи и не имѣя поэтому возможности избрать болѣе южный городъ, Императрица слѣдуя примѣру Петра I, также остановилась на Воронежѣ. Здѣсь, по ея мысли, должно было возникнуть акціонерное общество для торговыхъ сношеній съ югомъ; слѣдовательно, здѣсь должны были вновь завязаться въ широкихъ размѣрахъ торговыя сношенія не только съ юго-востокомъ, но и съ западными государствами. Но подобная *мореходная* торговля требуетъ и мореходныхъ судовъ и подготовленныхъ къ этому мореходцевъ; императрица это предвидѣла и рѣшила, въ случаѣ сформированія подобнаго общества въ Воронежѣ, возложить на адмиралтейства обязанность строить для этого общества *торговыя корабли* и снабжать ихъ *обученными мореходцами*, и такъ какъ это общество, какъ увидимъ далѣе, впоследствии образовалось, а въ равнѣ утвержденномъ уставѣ Нижегородскаго акціонернаго общества вѣтъ и намекъ о мореходствѣ и мореходцахъ,

то отсюда вытекает очень любопытный для нас фактъ, что Воронежъ вправдѣ считать себя колыбелью не только *военнаго*, но и *торговаго* флота, если не всероссійскаго, то во всякомъ случаѣ южнаго.

Для осуществленія своей мысли императрица удачно воспользовалась очень удобнымъ моментомъ, это — отложеніе татаръ и ногайцевъ отъ Турціи, которые составили новую независимую область, отдавшись подъ покровительство Россіи *). Отдѣлившись отъ Турціи, они на первое время пужались во многомъ, а въ особенности въ хлѣбѣ. На нашемъ Правительствѣ лежала теперь обязанность позаботиться о своихъ будущихъ подданныхъ, о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ; съ другой стороны, слабая, еще неразвившаяся промышленная предприимчивость украинны, еще не привычавъ къ крупнымъ торговымъ операціямъ съ сопряженнымъ съ ними рискомъ, вскормленная обезпеченными казенными подрядами Петровскихъ адмиралтействъ, — подобную промышленность, чтобы заставить выйти изъ прежнихъ тѣсныхъ и замкнутыхъ рамокъ, необходимо было на первое время поощрить какою либо привилегіею. Тѣмъ же татарамъ и ногайцамъ, благодаря которымъ возникъ нашъ военный флотъ, волею судьбы, суждено было служить поводомъ возникновенія и торговаго флота. Въ декабрѣ 1771 г. императрица писала воронежскому губернатору Маслову.

«Изъ обнародованнаго уже и нынѣ обнародуемаго отъ Нашего Сената Указовъ извѣстны вы, что всѣ Татары отъ Порты отложились и составили новую независимую область подъ покровительствомъ Нашимъ. Симъ образомъ открылся теперь Намъ путь къ возобновленію съ ними народами безпрепятственной торговли. И какъ они, отдѣлившись отъ Турковъ, имѣютъ нужду особливо въ хлѣбѣ, то Мы, желая оказать имъ въ томъ вспомошествованіе, равно же и доставить Нашимъ подданнымъ отъ того пользу, повелѣваемъ вамъ призвать къ себѣ изъ лучшихъ города Воронежа купцовъ и поговорить съ ними, не похотятъ ли они одни, или же обще съ другими купцами установить компанію хлѣбной въ Крымъ и въ другія Татарскія мѣста торговли по примѣру учиненной въ 1767 году Нижегородскими купцами, а потомъ и намъ довести о нихъ на то отзывавъ. И дабы вы имѣли свѣдѣніе о той Нижегородской компаніи, посылаемъ Мы при семъ копію съ поданной Намъ отъ тамошнихъ купцовъ о семъ челобитной и съ Нашей на то резолюціи».

Приложенную при письмѣ челобитную нижегородцевъ мы здѣсь не помѣщаемъ, какъ не имѣющую для насъ прямого интереса. Масловъ пригласилъ къ себѣ мѣстныхъ *коммерсантовъ* и, представивъ имъ выгоды какъ для нихъ, такъ и для государства отъ *мореходной* торговли, предложилъ имъ соединиться въ акціонерное общество и выработать проектъ устава. Почти всю зиму провозилось воронежское купечество надъ составленіемъ *челобитной*, которая наконецъ была отправлена на Высочайшую *конфирмацію*. И самая челобитная и *резолюція* на всѣ 25 пунктовъ, ее составляющіе, настолько интересны, что мы рѣшились помѣстить ихъ цѣлкомъ, дословно, отмѣтивъ курсивомъ наиболѣе интересное. Изъ этихъ 25 пунктовъ и изъ приложенныхъ къ нимъ резолюцій наглядно видны цѣли, къ которымъ стремились съ одной стороны Правительство, а съ другой — наши мѣстные *коммерсаны*. Мы уви-

*) Ногайская орда, отложившаяся отъ Турецкаго подданства, вышла въ 1770 г. изъ Дибра и изъ Крыма и поселилась на Кубани.

дямъ, какъ мѣстные капиталисты, будучи далеки отъ всякихъ соображеній высшаго порядка, стремились лишь къ одной корыстной цѣли, красною нитью пронизывающей всё 25 пунктовъ *проекта*, — къ возможно большей наживѣ и къ полному захвату всего судоходства въ свои руки, что имѣло бы гибельныя послѣдствія для экономическаго благосостоянія всего края, по мы также увидимъ, какъ къ этому отнеслась мудрая Правительница.

ЧЕЛОВИТЬЕ ВОРОНЕЖСКАГО КУПЕЧЕСТВА.

По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію воронежское купечество къ торговлѣ хлѣбной въ Крымъ и въ другія татарскія мѣста компанію составить желаетъ на нижеслѣдующемъ:

Резолюція. Компанію называть просто: воронежская торговая компанія, а торговать ей чѣмъ и куда заблагоразсудить.

1. Въ компанію положить акціевъ, кто сколько пожелаетъ, только бы каждая акція была *не менѣ пяти сотъ* рублей, однако съ тѣмъ, кои нынѣ въ семь прошеніи съ нами согласны, а которые нынѣ къ той торговлѣ приступить желанія не имѣютъ, таковые уже послѣ *приступить* и власть свои акціи *права не имѣютъ*, развѣ таковыхъ компанія по общему всёхъ компанейщиковъ согласію принять пожелаетъ, и тѣ акціи, внося въ кантору, отдавать опредѣленнымъ при директорахъ казначаемъ съ роспискою.

Резолюція. Въ оную компанію положить, кто сколько хочетъ акціевъ, только бы не менѣ каждая акція имѣла *пятидесяти* рублей, и *никому не запрещать* въ компанію *вступать вновь*, или уже записавшимся прибавлять акціи, и тѣ акціи, внося въ кантору, отдавать опредѣленнымъ при директорахъ казначаемъ съ роспискою.

2. Покупкой въ городѣ Воронежѣ и въ другихъ мѣстахъ компаніею хлѣбъ и прочіе товары до крѣпости Тагаврогской отпускаемы быть имѣютъ рѣкою *Донемъ на собственныхъ своихъ судахъ* и наемными работными людьми и прочими принадлежащими къ тому потребными матеріалами.

Резолюція. Хорошо.

3. По прибытіи въ Тагаврогскую крѣпость, предписанныхъ судовъ, кои непремѣнно слѣдуетъ перегружать въ другіе и способные къ мореходству суда, но за неимѣніемъ нынѣ оныхъ у насъ всеподданнѣйше просимъ Ея Императорскаго Величества на первой случай быть казеннымъ какъ судамъ, такъ и потребному числу мореходцамъ съ заплатою за все то изъ компанейской суммы, какая отъ Ея Императорскаго Величества положена быть имѣть.

Резолюція. Оные суда на первой годъ лавы будутъ ежели есть готовые, такъ жъ и мореходцы на цѣть компаніи по первому отъ адмиралитетства исчисленію.

4. Однако впередъ для постройки мореходныхъ судовъ потребнаго числа въ вырубкѣ лѣсовъ, безъ чего миновать невозможно, позволить въ указныхъ мѣстахъ гдѣ способно.

Резолюція. А впередъ компанія имѣть заранѣе заказать тѣ суда, въ

копѣ ей нужда будетъ, чрезъ воронежскаго губернатора, какъ ея протектора, на донскихъ казенныхъ верфяхъ, на копѣ оныя строить безъ отлагательства на счетъ компаніи за деньги, ничто казны стануть, а рубку лѣсу и вывозъ оного изъ отведенныхъ ей отъ губернатора мѣстъ должно чинить самой компаніи.

5. Когда тѣ отпущенные компаніею съ грузомъ суда придуть въ крѣпости Дмитріевскую, Азовскую и Таганрогскую, а потомъ и въ Крымскую область, то, какъ для складки того груза, такъ и подъ постройку компанейскимъ коштомъ магазиновъ, отвести пристойныя къ торговли мѣста, а при первомъ случаѣ чтобъ не учинилось хлѣбу и прочимъ товарамъ траты, допустить къ положенію въ казенныя магазины, ежели оныя есть.

Резолюція. Всякой торгъ заключается на взаимной пользѣ покупателя и продавца, и для того какъ Крымъ есть область независимая ни отъ кого, то что касается до магазиновъ, о семъ сама компанія должна стараться, но пока войска наши въ Крыму пробудутъ, то командирамъ оныхъ дается на то время повелѣніе дѣлать компаніи возможное во всякомъ случаѣ вспоможеніе, въ крѣпости же святаго Дмитрія, въ Азовѣ и Таганрогѣ имѣть сама компанія просить у тамошнихъ командировъ о отводѣ ей пристойныхъ мѣстъ для магазиновъ, которые имъ я даны будутъ, буде есть порожнія, однакожъ съ тѣмъ, что есть ли на нихъ въ *три года* не будетъ построено, то оныя паче возмущены въ казну, и вторично компаніи такихъ мѣстъ дано не будетъ въ пустыхъ же казенныхъ магазинахъ, гдѣ оныя есть, на первой случай и на первой годъ дозволяется компаніи свои товары складывать.

6. Заготовляемой компаніею хлѣбъ для отпуску въ Крымъ и другія татарскія селенія, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть оной отпущать безъ платежа пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, и по привозѣ въ тѣ мѣста производить вольную продажу какъ въ казну, такъ и партикулярнымъ людямъ, безпрепятственно, и вырученныя за оной деньги какъ российскія, такъ и иностранныя отдавать тамъ въ казну Ея Императорскаго Величества, а вмѣсто оныхъ получать здѣсь въ Россіи, гдѣ снособно.

Резолюція. Заготовляемой компаніею хлѣбъ для отпуску за море дозволяется вывозить безпошлинно, на столько тѣтъ, какъ нынѣ городу Архангельскому дозволеніе дано, и то не болѣе двухъ сотъ тысячъ четвертей на годъ, и продавать оной безпрепятственно кому похотятъ. О вырученныхъ же деньгахъ теперь положить ничего не можно, а всякое вспоможеніе сей компаніи дѣлать, будетъ приказано.

7. Ежели изъ привезеннаго компаніею въ тѣ мѣста на первой годъ хлѣба, по прошествіи полугода, отъ вольной продажи нѣкоторое количество останется, въ такомъ случаѣ, чтобъ компанія не могла повести убытковъ, повелѣно бы было тотъ оставшей хлѣбъ взять въ тамошнія казенныя магазейны съ заплатаю за оной здѣсь въ Воронежѣ въ компанейскую контору по такой цѣнѣ, почему оной до тѣхъ мѣстъ со всеми расходами коштовать будетъ, а къ тому, въ пользу компаніи, что съ покупки до самой доставки въ крымскую область продолжата имѣть не малое время, сколько подлежитъ при-

были, сіе всеподданнѣйше предаемъ въ высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе.

Резолюція. Какъ съ одной стороны компанія дозволено всякимъ людямъ продавать свой товаръ, такъ и съ другой, покупать оной всякому вольно; но казнь таковыя обязательства, какихъ компанія требуетъ, были бы тягостны.

8. При возвращеніи оттолъ судовъ, чтобъ компанія могла пользоваться прибылью, повелѣтъ грузить въ тѣ суда, которые отсель съ грузомъ отправляться будутъ, или и сверхъ того компаніею за полезное призвано будетъ, то невозбранно было умножить противу тѣхъ отправленныхъ отсель судовъ вольныхъ, сколько компанія расудитъ тамошнюю соль безъ платежа пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, и по вывозѣ въ Россію употреблять въ вольную продажу въ указныхъ мѣстахъ, а именно: въ малой Россіи и войска донскаго въ станицахъ, тожъ въ слободкой украинской губерніи, естлижъ за тою вольною продажей ежегодно какая сумма оставаться будетъ, оную принимать здѣсь въ Воронежѣ — въ казну Ея Императорскаго Величества, полагая компаніи за провозъ за каждой пудъ по такой цѣнѣ, по какой платежъ происходитъ по ставочной съ Элтонскаго озера и съ трехъ сложныхъ 1769, 1770 и 1771-го годовъ цѣнъ.

Резолюція. Построенные на казенныхъ верфяхъ суда позволяется компаніи въ обратной изъ Крыма путь, куда они съ здѣшнимъ товаромъ ходили, грузить солью, а отнюдъ *не наемные*, и оной соли привозить ежегодно компанія известное число, и конечно не превосходитье, сколько въ тѣхъ мѣстахъ по расходу потребно, и о семъ или съ соляною каторою, или съ губернаторомъ здѣлать компаніи порядочной контрактъ съ такою осторожностію, дабы въ случаѣ недоставки въ потребное число на продажу тамошнія мѣста не здѣлать безъ соли, а самой компаніи въ вольную продажу оной не употреблять.

9. Что бѣ компанія по заготовленіи къ сей коммерціи всѣхъ принадлежащихъ потребностей, а слѣдовательно и употребленнаго на то немалого компанейскаго капитала, не могла понести напрасныхъ убытковъ, всеподданнѣйше просимъ Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣвія, чтобъ въ ту крымскую область *торгъ производитъ водяною коммуникаціею единственно одной* воронежской компаніи, прочимъ же всѣмъ торгующимъ влѣ компаніи какъ хлѣба, такъ и другихъ товаровъ водяною коммуникаціею отъ тагарскаго порта, дабы оной компаніи не послѣдовало подрыву и большого убытку, *возить запретить*.

Резолюція. *Компанія никому не препятствуетъ торговать ни изъ постороннихъ, ни изъ своихъ соучастниковъ и въѣзъ компаніи, чѣмъ кто за благо расудитъ и чѣмъ законы дозволяютъ.*

10. На прозаведеніе предписанной компаніею хлѣбной и прочей торговли, ниѣмъ употребить на первой случай собственнаго своего капитала до ста акцій, взявша притомъ, что есть ли въ послѣдующія потомъ годы надобность и польза компаніи требовать будетъ умноженія того капитала, то воронежское купечество, пользуясь высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію, обязывается составить ту сумму до такого количества, сколько компанейская прибыль и распространеніе коммерческихъ дѣлъ того требовать будетъ.

Резолюція. Назначать мѣсяцы или сроки, въ конхъ ежегодно въ компа-

нiю принимать акціи, и въ кон можно капиталъ взять назадъ, а о продажѣ акцій объявлять компаніи.

11. Ежели жъ кто изъ васъ захочетъ свои положенныя акціи продать другому, въ томъ отдается ему на волю, однако не иначе какъ *съ дозволенія всей компаніи*, въ разсужденіи что не похотятъ ли оныя принять въ компанію за ту жъ сумму, за какую продать въ постороннія руки, а ежели кто оное учинитъ безъ вѣдома компаніи, таковыхъ дѣйствительными не почитать равно и въ товарищество безъ согласія компанейскаго никому и никого не принимать.

Резолюція. Кто свой капиталъ по акціямъ назадъ взять похочетъ, тому изъ конторъ возвратитъ оной съ роспискою, вычтя у него два процента на сто, такъ же *вольнo и продать свои акціи всякому другому* безъ вычету, ибо акція есть ни что иное какъ товаръ.

12. Отъ учрежденія компаніи въ полтора года ежели кто захочетъ взять свои акціи обратно, въ томъ хотя компаніи и неспорить, однако должно въ пользу капитала компаніи вычестъ изъ всей его суммы по десяти процентовъ на сто, въ число котораго вычета включить слѣдуетъ и приобрѣтенную по то время прибыль, коя неотъемлема должна остаться въ рукахъ каждаго интересанта противъ положенныхъ акцій, но естли послѣдуетъ и убытокъ, то поступать въ сходственности того, какъ выше сего о прибыли объявлено, а прежде предписаннаго срока никому обратно акціевъ не выдавать.

Резолюція. На сей пунктъ служить отвѣтомъ учиненная на десятой и одиннадцатой пункты резолюція.

13. Для правленія коммерческихъ дѣлъ какъ въ Воронежѣ, такъ и въ Крыму надлежитъ быть изъ тѣхъ компанейщиковъ въ каждой конторѣ по одному человѣку директоромъ, или сколько компанія разсудитъ, и прочимъ нижнимъ чинамъ потребному числу выбраннымъ погодно съ согласія всей компаніи, а кромѣ одного года, въ которой кто выбрать будетъ компаніею, болѣе принужденія не дѣлать, естли же иногда въ некоторые изъ компанейщиковъ какъ здѣсь, такъ и въ Крыму при тѣхъ должностяхъ сами быть пожелаютъ, и болѣе года, а при томъ и компанія на то будетъ согласна, въ томъ ниъ не воспрещать; напротивъ же того, ежели за поемое признаво будетъ ко исправленію директорской и другихъ должностей какъ въ Воронежѣ, такъ и въ Крыму принимать вольныхъ людей по согласному компанейскому мѣнiю, или изъ тѣхъ же соучастниковъ компаніи, кто быть пожелаетъ, полагая имъ такую плату, чѣмъ они будутъ довольны, и чтобъ компаніи было неотяготительно, оное не возбранно позволить.

Резолюція. Выбраннымъ директорамъ подписывать слѣдующій формуляръ: «по апробованному отъ Ея Императорскаго Величества для установленія воронежской торговой компаніи плану, будучи я нижеменованный выбранъ оною компаніею въ число ея директоровъ, обещаюсь ей поступать въ сей должности по чистой моей совѣсти, и старатся всѣмъ моимъ смысломъ установить и распространять пользу и кредитъ ея призывая: что кредитъ тамъ не можетъ состоять, гдѣ коварство и обманъ мѣсто имѣть будетъ; чего ради и почитаю себѣ за должность не токмо какъ согражданинъ, но наипаче еще въ соотвѣтствованіе возложенной на меня довѣренности въ выборѣ меня отъ сей

компаніи директоромъ поступать съ доброю вѣрою и съ чистыми нековарными вѣрвеніями, въ разсужденіи пользы и кредита компаніи, и смотрѣть буду дабы зависящіе отъ меня то же исполняли; за все сему противныя отъ меня поступки подвергаюсь нетокмо потерянню моихъ акцій въ пользу капитала компаніи, но и лишенію моего кредита, слѣдовательно и презрѣнію отъ моихъ согражданъ, и вѣчному неизбѣжному за то стыду и позору, котораго всегда ожидать имѣеть всякой не честнымъ, но бездѣльнымъ образомъ свои поступки учреждающій человекъ, а паче купецъ, которой не можетъ имѣть кредита, есть ли основываетъ свой торгъ на обманѣ и хитрости. Сіе мое въ честность и вѣрное отправленіе моеи воронежской торговой компаніи директорской должности обѣщаніе своеоручно и подписую.

Выборъ же повѣреннаго при посылкѣ товара, или онаго пребываніе въ томъ или другомъ портѣ, смотря по надобности въ томъ, компаніи отдается ей на волю.

14. Что жъ слѣдуетъ по обязанности директорской при вступленіи въ нѣхъ должность, то она состоять имѣеть во всей точности какъ отъ Ея Императорскаго Величества на 2 пунктѣ представленныхъ отъ нижегородской компаніи кондицій всевысочайше повелѣно, и оное служить будетъ закономъ.

Резолюція. Хорошо. (Во 2-мъ пунктѣ Нижегородскихъ кондицій говорится: «Выбраннымъ двумъ директорамъ подписывать слѣдующій формуляръ: По апробованному отъ Ея Императорскаго Величества для установленія Нижегородской торговой компаніи плану, будучи я нижеименованный выбранъ оною компаніею въ число ея директоровъ, обещаюсь ей поступать въ сей должности по чистой моеи совѣсти, и стараться всѣмъ смысломъ моимъ установить и распространить пользу и кредитъ ея, признавая, что кредитъ тамъ не можетъ состоять, гдѣ коварство и обманъ мѣсто имѣть будетъ, чего ради и почитаю себя за должность нетокмо какъ согражданинъ, но паче еще въ соотвѣтствованіе возложенной на меня довѣренности въ выборѣ меня отъ сей компаніи директоромъ поступать съ доброю вѣрою и съ чистыми нековарными вѣрвеніями въ разсужденіи пользы и кредита компаніи, и смотрѣть буду, дабы зависящіе отъ меня тоже исполняли; за все сему противныя отъ меня поступки подвергаюсь нетокмо потерянню моихъ акцій въ пользу капитала компаніи, но и лишенію моего кредита, слѣдовательно и презрѣнію отъ моихъ согражданъ, и вѣчному неизбѣжному за то стыду и позору, котораго всегда ожидать имѣеть всякой не честнымъ, но бездѣльнымъ образомъ свои поступки учреждающій человекъ, а паче купецъ, которой не можетъ имѣть кредита, есть ли основываетъ оной торгъ на обманѣ и хитрости. Сіе мое въ честность и вѣрное отправленіе моеи Нижегородской торговой компаніи директорской должности обѣщаніе своеоручно и подписую.

Щетамъ же всегда должно быть въ такой исправности, чтобъ каждой интересевъ когда похочеть, могъ во онымъ вѣрно дѣлать свои выправки, и видѣть обращеніе дѣлъ, что честнымъ людямъ никогда огорчительно быть не можетъ).

15. Для ревизованія давныхъ приходчиковъ при канторѣ клягъ, выбирать для щета ежегодно по подлежащему числу компанейщиковъ, которые по окончаніи должны объявлять ту ревизовку всѣй компаніи, и ежели они въ томъ по-

кажутъ что умышленно, съ таковыми повелѣно бы было поступать во всемъ такъ, какъ отъ Ея Императорскаго Величества на 4 пунктѣ ковлицій нижегородской компаніи въ резолюціи Всевысочайше повелѣно.

Резолюція. Хорошо. (Въ 4-мъ пунктѣ Нижегородскихъ ковлицій говорится: «Штрафы сей компаніи должны состоять 1) За несмотрѣніе по нерадѣвию или лѣности, въ выговорѣ отъ директоровъ при всѣхъ соучастникахъ сей компаніи кон на лицо. 2) За упущеніе въ денежномъ штрафѣ. 3) За бездѣльство и обманъ, въ потеряннн акціи въ пользу капитала компаніи, вынанн изъ компаніи и запрещенн всѣмъ компанейщикамъ знаться съ нимъ. 4) За всѣ вышенисаннныя ввны вмѣстѣ или за нѣсколько изъ нихъ совокупно, кои нарушаютъ добрую вѣру, въ публикованн отъ компаніи его ввны, дабы стереглись граждане отъ такого челоука, которой за нарушеніе правила компаніи выгнавъ изъ оной. Всѣ же тѣлеснны наказанія запрещается компаніи употреблять»).

16. Всѣ тѣ коммерческія дѣла производить опредѣленнмъ къ тому ежегоднмъ директорамъ во всякой исправности и вѣрности, такъ какъ они при вступленн въ должность поднисканн обязались, по естьли иногда въ несчастливыхъ приключеніяхъ составлять будетъ компанейскаго убытку болѣе тысячи рублей, въ такомъ случаѣ директора должны здѣлать всѣмъ компанейщикамъ повѣстку, и по учиненн общественнаго приговора поступать по оному безъ взятія, есть ли же кто по повѣсткѣ на совѣтъ не будетъ, кроуъ законной причины, тому послѣ претензін не имѣть, а быть какъ общимъ собраніемъ опредѣлено, а отсутствующимъ давать для всѣхъ компанейскихъ надобностей довѣренность, кому похотять.

Резолюція. Хорошо.

17. Въ случаѣ иногда къ произведенію коммерціи слѣдовать будетъ умноженіе назначеннаго нынѣ нами капитала, то въ разсужденн чтобъ однав передъ другамъ обижавъ не былъ, оной полагать слѣдуетъ ненначе, какъ въ сходство положенныхъ акцій, почему на каждой рубль компанія положить согласнся, равно и уменьшеніе дѣлать по тому жѣ.

Резолюція. Какъ единожди акціи уже поставовлены, то компанія, естьли она заблагоразсудитъ умножить свой капиталъ, чинитъ оное числомъ акцій, а не инако, и то не только ей самой, по и всѣмъ тѣмъ, кто въ оную въ назначенное время акціи свои положить пожелаетъ, хотя бѣ въ одну акцію и нѣсколько персонъ сложились, чего ради *вольнн и самымъ бѣднымъ людуамъ* для доставленн себѣ честнмъ образомъ пропитанія, естьли пожелаютъ *взноснтъ складочную свою акцію*, которую и вписывать въ книгу подъ названіемъ ея интересентовъ.

18. По окончанн всѣхъ коммерческихъ ежегодныхъ обратностей, приобрѣтвенную отъ той торговли прибыль, когда она за расхономъ будетъ оставаться болѣе пяти процентовъ на сто, дѣлать по равнмъ частямъ, кто сколько акціевъ имѣть будетъ, а оставшіе пять процентовъ оставлять въ капиталной компанейской суммѣ для несчастливыхъ приключеній.

Резолюція. По окончанн шетовъ барышъ раздѣлить, когда одинъ за сто, тогда компанейщикамъ не брать, но обращать въ капиталъ, когда два за сто, то одинъ оставлять на капиталъ, а другой отдѣлать для общнхъ неща-

стливыхъ приключеній, какъ то пожаровъ и прочая, какъ разсудятъ; когда же болѣе, то сколько оставить въ торгъ и сколько раздѣлить по интересамъ или при щетѣ и всю прибыльную сумму для распространенія коммерціи, согласятся оставить, о томъ учинить приговоръ.

19. При влесевіи акціевъ имѣемъ мы между собою обязаться во всемъ на точномъ основаніи, какъ о директорахъ въ 15 пунктѣ сихъ изъясненій упомянуто
Резолюція. Хорошо.

20. Есть ли же кто изъ директоровъ, кои приставлены будутъ къ производенію по канторѣ коммерческихъ дѣлъ, причнется въ какомъ похищеніи компанейскаго интереса, и тѣмъ самовольно признаются, или неоспоримо доказаны будутъ, съ таковыми поступить по точной силѣ давняго отъ нихъ при вступленіи въ директорскую должность письменнаго общанія.

Резолюція. Хорошо.

21. Определѣяемая отъ компаніи въ Крымъ и другія мѣста для правленія коммерческихъ дѣлъ приващики, ежели явятся въ начетахъ, а платитъ оныхъ будутъ не въ состояніи, то во отвращеніе сихъ непорядочныхъ поступковъ, дабы другіе дѣлать того не отваживались, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просимъ, Всевысочайше повелѣть съ таковыми поступать въ сходство постановленныхъ о содержаніи нынѣшняго откупа дитейныхъ сборовъ *генеральныхъ кондицій* 30-го пункта.

Резолюція. Отдать его *гражданскому* суду яко вора, естли укралъ.

22. Въ разсужденіи надобностей и нуждъ компанейскихъ, компанія за нужное находятъ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просить о всемилостивѣйшемъ повелѣніи къ находящимся въ крымской области российскихъ командъ начальникамъ, о защищеніи оную компанію, дабы она въ случаѣ надобностей и нуждъ компанейскихъ прибѣгнуть къ нимъ и въ правильномъ своемъ требованіи, удовольствіе получать могла.

Резолюція. Гдѣ наши будутъ начальники, тамъ въ справедливыхъ компаніи требованіяхъ вездѣ ей оказано будетъ покровительство.

23. Для отиравленія по сей компаніи коммерческихъ дѣлъ какъ самимъ соучастникамъ компаніи, такъ и прикащикамъ ихъ для посылки въ разные мѣста, повелѣно бѣ было давать за указанныя прогоны ямскихъ или обывательскихъ *подводовъ* потребное число.

Резолюція. *Отказывается.*

24. Хотя по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію о составленіи сей въ Крымъ торговой компаніи нужныя кондиціи при семъ и представлены, но какъ при первомъ случаѣ всѣхъ подробностей, принадлежащихъ собственно до компаніи, здѣсь предписать не можно, то повелѣно бѣ было при началіи компаніи учинить особой между нами договоръ, и куда слѣдуетъ въ присутственное мѣсто объявить оной при доношеніи.

Резолюція. Есть ли оной договоръ будетъ сходствовать съ симъ планомъ компаніи, то оной дозволяется, а есть ли въ чемъ противенъ, то уничтожается, и силы имѣть не можетъ.

25. Естли же сіе всеподданнѣйшее наше прошеніе удостоится отъ Ея Императорскаго Величества Всевысочайшей конфирмаціи, то всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просимъ Всевысочайше повелѣть *въ городъ Во-*

воронежъ съ уяздомъ другихъ городовъ купцамъ, — какъ до нынѣ производятъ различную покупку хлѣба на торговой площади у прибѣгающихъ изъ селъ и деревень жителей, а не у купцовъ, не имѣя съ здѣшнимъ купечествомъ въ понесенныхъ тягостяхъ ни малѣйшаго участія, ту *покупку имъ запретишь*, дабы компанія, а притомъ и все воронежское купечество, не могло вести напрасной обиды.

Резолюція. *Отказывается*; ибо торгъ есть дѣло вольное, и компанія, какъ уже выше сказано, не должна препятствовать ни кому торговать.

Впечатлѣніе, произведенное этими пунктами на императрицу легко видно изъ отвѣтнаго письма ея губернатору Маслову отъ 6 апрѣля 1772 г. «Присланные къ намъ отъ васъ пункты, — говорится въ немъ, — на которыхъ воронежское купечество желаетъ составить для хлѣбнаго торгу въ Крымъ и въ другія татарскія мѣста компанію, мы возвращаемъ къ вамъ съ нашею на каждой пунктъ резолюціею, съ тѣмъ чтобы вы оную воронежскимъ купцамъ объявили и если они на все согласны будутъ, то позволимъ вамъ оную нашу резолюцію подписать и начать исполнять самымъ дѣломъ, а потомъ для нашей конфирмаціи оную къ намъ прислать. Между тѣмъ изъясните имъ, что мы отнюдь не намѣрены были изъ сего торга дѣлать монополіумъ, такъ какъ они оной весь въ свои руки забрать желаютъ, но единственно хотѣли чрезъ открывшуюся имъ паче другихъ нашихъ губерній *въ Крымъ коммерцію показать путь*, къ собственной ихъ пользѣ, такъ какъ мы и нижегородскому купечеству учрежденіемъ ихъ компаніи доставили не малую прибыль, которую они дѣйствительно уже пользуются».

Не только въ отношеніи разсматриваемаго вопроса, но и для характеристики самой императрицы, въ высшей степени интересна слѣдующая секретная приписка къ этому письму, сдѣланная Екатериной II *собственнолично*: «Мы должны вамъ сказать, что изъ присланнаго проекта вашихъ купцовъ видно, что нѣсколько человекъ зажиточныхъ людей стараются весь торгъ сей получить въ своихъ рукахъ, а наше напротивъ того желанье есть, чтобы доставить многимъ немущимъ способъ къ пріобрѣтенію чesьнымъ образомъ пропитанія; однако мы изъ сего не исключаемъ и зажиточныхъ купцовъ, а того избегать, чтобы сіи послѣдніе съ исключеніемъ другихъ не здѣлались монополистами. Для заведенія порядка въ Кампаніи, старайтесь гдѣхъ, кон Акціи возмутъ, чтобы директоровъ выбрали по базамъ, также чтобы на каждого Предлога голоса собирали порядочно, а не крикомъ и шумомъ, какъ мужики на сходѣ».

Купцы согласились, и Воронежское акціонерное общество наконецъ состоялось. 10 октября 1772 г. уставъ былъ *конфирмированъ* императрицею, въ С.-Петербургѣ.

Между тѣмъ, пока формировалось воронежское торговое общество, извѣстный въ исторіи своими злодѣяніями Емелька Пугачевъ успѣлъ опустошить и залить человѣческою кровью почти все Приволжье. Уже не только для вывозной торговли Нижегородскаго общества не было лишнихъ запасовъ хлѣба, но Правительству пришлось позаботиться о прокормленіи мѣстнаго населенія. Предвидя близость конца смуты, императрица за нѣсколько дней до поимки Пугачева, 3 сентября 1774 г., писала воронежскому губернатору Шетневу: «Иль

Воронежскія областныя
УПРАВЛЕНІЕ
им. И. С. Никитина

доставленій Нашего генерала, графа Петра Панина увѣдомились Мы, что въ разныхъ мѣстахъ Московской и Нижегородской губерній, какъ отъ худаго урожая, такъ и по причинѣ буйства и разореній извѣстнаго изверга и бунтовщика Пугачева оказалась несвоя на хлѣбъ дороговизна, которой слѣдствиемъ быть можетъ въ томъ краю и самой голодъ; по чему Мы предписали Нашимъ губернаторамъ, Московскому графу Остерману и Нижегородскому Ступинину, что если они найдутъ себя въ сущей невозможности установить стараніемъ своимъ въ провинціяхъ вѣранныхъ имъ губерній продовольствіе въ процѣпаніи, какъ всѣхъ жителей, такъ и воинскихъ командъ, тамо пребывающихъ и вновь опредѣленныхъ, то обязаны они требовать отъ васъ по случаю и обстоятельствамъ помощи. Вамъ же симъ повелѣваемъ, когда по сему предмету получите вы отъ помянутыхъ губернаторовъ какія сообщенія или требованія, все то съ крайнимъ стараніемъ и посрѣдствомъ распорядить и исполнить, что только отъ васъ зависитъ будетъ къ вышеписанному продовольствію хлѣбомъ жителей и войскъ нашихъ въ реченныхъ губерніяхъ. По чему въ самой скорости потщитесь тогда доставить потребное количество хлѣба, гдѣ по вашимъ сношеніямъ надобность предвидится или окажется. Наконецъ не можемъ Мы однако жъ не сказать вамъ, что въ случаѣ нужды должны вы требовать наставленій отъ Нашего генерала графа Панина, и по его предписаніямъ, (какъ слѣдующимъ отъ главнаго начальника въ томъ краю нашихъ воинскихъ силъ, которому притѣмъ на случай и пошеченіе разныхъ губерній отъ насъ препоручено, слѣдовательно и вся связь оныхъ взаимной надобности извѣстна), имѣете вы чинить непремѣнное исполненіе, а по сему и обязаны вы съ вѣдома и апробаціи его на ту закупку и провозъ хлѣба и въ всякихъ зборовъ въ воронежской губерніи денежныя суммы брать и употреблять сколько надлежитъ, вы обязаны такъ же требовать вспоможенія и отъ нашихъ губернаторовъ Бѣлгородскаго Давыдова и Слободскаго Украинскаго Щербинина, чтобъ они наградили недостатокъ изъ провинціи вѣранныхъ имъ губерній снабженіемъ достаточнаго количества хлѣба. Какое же учинено предписаніе по тому отъ насъ Московскому, Нижегородскому, Бѣлгородскому и Слободскому Украинскому губернаторамъ, прилагаются съ оныхъ точныя копіи для свѣденія вашего. Въ протчемъ пребываемъ Мы вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны».

Не успѣли отправить этотъ приказъ Шетневу, какъ было получено въ Петербургѣ донесеніе Саратовскаго губернатора, что и его губерніи предстоятъ ужасы голода, въ особенности среди новыхъ поселенцевъ; вслѣдствіе чего императрица, 14 ноября, обратилась къ Шетневу съ слѣдующимъ приказомъ, характеризующимъ тогдашнее плачевное состояніе государства: «Дошло до свѣденія Нашего, что около Саратова живущіе поселенцы претерпѣваютъ недостатокъ въ хлѣбѣ, и что онаго далѣе 1-го числа будущаго генваря мѣсяца стать не можетъ. Также и по всеобщему неурожаю, Казанской, Нижегородской, Оренбургской и Астраханской губернаторы изъ своихъ губерній нужной имъ помощи здѣлать не въ состояніи; того ради повелѣваемъ: 1-о. Купивъ или подряда немедленно въ воронежской губерніи двѣ тысячи четвертей оржаной муки отправять въ Саратовъ, съ тѣмъ чтобъ оная туда не отзивно къ первому числу будущаго генваря мѣсяца доставлена была, и ежели подрядомъ сего

исполнить возможности бы не было, такожъ и къ перевозкѣ покупнаго вольнонаемныхъ извозчиковъ въ скорости бы не отыскалось, то въ такомъ случаѣ имѣете перевозку сію учинить на подволахъ по наряду губерніи вашей съ жительствъ тѣхъ, отъ куда способнѣе будетъ, наблюдая въ обояхъ случаяхъ то, чтобъ, какъ выше сказано, къ первому генваря оной хлѣбъ доставлявъ былъ въ Саратовъ не отѣнно, которой и отдать въ вѣдомство тамошней опекунской конторы. 2-е. Какъ сверхъ оного количества потребно еще для оныхъ же поселенцовъ на пропитаніе считая съ начала марта до новой жатвы, то есть до сентября мѣсяца дватцать пять тысячъ четвертей муки, да для посѣва овса до десяти тысячъ, пшеницы до осьми тысячъ четвертей; то за благо разсудили Мы доставленіе въ Саратовъ и сего количества подрядомъ или покупкою возложить на ваше попеченіе обще съ губернаторами Бѣлогородскимъ и Слободскимъ Украинскимъ съ тѣмъ, дабы вамъ между собою все сіе разпорядить такимъ образомъ, что въ которой губерніи болѣе окажется въ хлѣбѣ избытковъ, тамъ бы и большее число закупки или подряда дѣлать и доставить въ Саратовъ въ такіе сроки, чтобъ по вышеозначенному недостатку упомянутые жители не остались безъ пропитанія и безъ посѣва, имѣя за правило, что Мы выгоднѣе почитаемъ хотя въ цѣнахъ учинить *нѣкоторую передачу*, только бы доставленіе хлѣба во всѣхъ случаяхъ было здѣлано безъ наряда, а вольнонаемными людьми или подрядомъ. 3-е. На покупку повелѣннаго числа хлѣба и на провозъ до Саратова употреблять деньги изъ наличныхъ суммъ, до статей конторы принадлежащихъ, а въ недостатокъ оныхъ изъ камеръ коллежскихъ доходовъ, поставляя всѣ таковыя издержки на счетъ опекунской канцеляріи, которой дано повелѣніе немедленно возвратить оныя въ тѣ вѣдомства, отъ куда деньги отъ васъ употреблены будутъ.

Въ отвѣтъ на это, Шетневъ посѣвшиль отправить въ Саратовъ изъ Хоперской крѣпости 2000 четв. ржаной муки, сообщивъ въ то же время въ Петербургъ печальную новость, что «въ вѣрениой маѣ губерніи, по неурожаю хлѣба, многія въ народѣ не имѣютъ вужнаго себѣ пропитанія». Къ этому донесенію Шетневъ присовокупилъ нижеслѣдующую, не безынтересную для насъ вѣдомость почему онъ покупалъ хлѣбъ для Саратова:

Вѣдомость воронежскаго губернскаго магистрата по чему въ городѣ Воронежѣ на торговой площади въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 774-го году провіантъ и фуражъ въ покупкѣ имѣлся, о томъ значить ниже сего, а именно:

Настоящая цѣна хлѣбу.	Сентября съ 1 по 11.		Съ 11 по 18		Сентября съ 18 октября по 1 число.	
	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.
Рожь чет.	1	85	1	90	1	90
Ржаная мука въ указной вѣсъ въ полосьма пуда чет.	2	6	2	6	1	80
Крупа просевая чет.	4	—	4	—	4	—
Овесь чет.	1	20	1	20	1	10
Сѣна пудъ	—	8	—	8	—	8

Шетневу было высказано неудовольствие за «превосходныя» цѣны хлѣба, куплезнаго для Саратова, а въ отношеніи нужды терпящихъ воронежцевъ ему было предписано: «Въ уѣздныхъ городахъ состоящихъ посреди нужды претерпѣвающихъ мѣсть, имѣете вы зачать дѣланіе рововъ около тѣхъ городовъ за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и возрасту людей, ибо кто не можетъ рыть землю, тотъ носить оную будетъ мало или много. Симъ способомъ, буде порядочно установите, люди отъ побѣга, неистовства и праздности удержаны будутъ и доставится имъ вспоможеніе въ прокормленіи. Всѣ же такыя работы должны быть добровольны. Отнюдь не нарядомъ и не съ такою огласкою, чтобы изъ избобляемыхъ мѣсть къ вамъ работники стекались».

Но не только въ хлѣбѣ, а и въ лѣсѣ и лошадяхъ для перевозки его одинаково ощущали сильнѣйшій недостатокъ, такъ что государыня Екатерина II вынуждена была, для облегченія зла согласиться, «въ виду скудности обывателей, за назначенный на ихъ подводахъ перевозъ до Саратова хлѣба, платить подводчикамъ двойные прогоны».

Въ виду этого считаемъ нелишнимъ сдѣлать краткій обзоръ успѣховъ земледѣлія, лѣсоводства и коневодства за эти 200 лѣтъ (1586—1786) въ придонскомъ краѣ.

Намъ, современнымъ обитателямъ придонскаго края, трудно себѣ составить и отдаленное понятіе о той роскошной картинѣ, какую представляла вѣкогда эта громадная область, въ эпоху колонизацій безбрежныхъ степей ея выходящими изъ внутреннихъ областей тогдашняго Московскаго государства и переселенцами изъ Задвѣпровья, т. е. во второй половинѣ XVI столѣтія.

Почти вся придонская область представляла безбрежную, необозримую, лишь мѣстами слегка всхолмленную равнину, покрытую многовѣковыми, величественными дубравами, лишь изрѣдка прерывавшимися роскошными лугами. Въ то время такіе лѣса, о которыхъ въ наши дни трудно себѣ составить понятіе, тянулись по обоямъ берегамъ Дона густою стѣною чрезъ всю вышнюю Воронежскую губернію и сѣверную часть Земли Войска Донскаго, а луга покрывала такая трава, которая скрывала въ себѣ ковы вмѣстѣ съ всадникомъ. Дога, Воронежъ, Хоперь и другія рѣки въ современномъ ихъ состояніи не могутъ намъ дать достаточно яснаго понятія о томъ времени, когда онѣ были на столько многоводны и глубоки, что позволяли мечтать о постройкѣ верфей и флота. И влиять этого чуднаго края вполнѣ соотвѣтствовалъ его природной красотѣ: тогда лѣта были прохладнѣе, зими гораздо умѣреннѣе, а дождей выпадало много больше, нежели теперь. Тогда и рѣки были многоводнѣе, а безчисленныя балки и озера, которыя теперь пересохли, были наполнены водою. На рѣкахъ, обильныхъ рыбою, трудолюбивые бобры строили свои жилища, а въ величественныхъ, дремучихъ лѣсахъ кипѣла жизнь; дикіе кабаны, возы, лоси, лисицы, выдры и неизбѣжныя спутники травоядныхъ — барсуки, медвѣди, волки, орлы. Кромѣ пернатыхъ пѣвцовъ, воздухъ оглашали своимъ крикомъ дикіе гуси, лебеди, журавли, бѣлые и черные аисты и великое множество другихъ дикихъ птицъ. Для полноты картины замѣтимъ, что

по обоимъ берегамъ рѣки Дона пастбища лѣсовъ находились двѣ обширныя степи, изъ коихъ западная называлась *Донскою*, а восточная — *Калмыцкою*. Въ Донской степи водилась особая порода дикихъ лошадей. Эти лошади отличались длинною шерстью, мышьяго, темносѣраго цвѣта, имѣли короткія черныя ноги, кудрявыя гривы, голову и уши несоразмѣрно большія. При всемъ томъ отличались необыкновенною быстротою бѣга, пугливостью и неукротимостью. Онѣ ходили стадами подъ предводительствомъ жеребца и что замѣчательно, — бывали и зимою тучны. Последнее впрочемъ могло зависѣть отъ передвиженія ихъ къ югу на зиму. Въ началѣ этого столѣтія онѣ еще попадались по теченію Ингула.

Такова, по исторіи, первоначальная картина описываемаго края. Безардное хозяйничанье и хищническое лѣсоистребленіе въ теченіи 3-хъ столѣтій искозили и растительность, и воды и самый климатъ до неузнаваемости. Въ своей «Бесѣдѣ о лѣсѣ», вотъ какъ рисуетъ намъ г. Кернъ южнорусскія степи, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что было 100—200 лѣтъ назадъ:

Степныя травы, которая теперь едва вырастаютъ по полямъ, тогда скрывали въ себѣ копы вмѣстѣ съ всадникомъ. Урожай хлѣбовъ, которые теперь такъ сильно страдаютъ и отъ засухъ, и отъ суховѣя, (восточный вѣтеръ) тогда были много обильнѣе и постояннѣе. Еще въ началѣ текущаго вѣка въ Новороссіи зимы почти не звали: если снѣгъ и выпадалъ, то лежалъ не подолгу; сажень въ заводѣ не было; плуги ходили въ полѣ почти до Рождества; въ февралѣ уже кончали посѣвы, а табуны круглый годъ оставляли въ степи и не звали, что значитъ запастись скоту кормъ на зиму.

Рѣзкая перемена къ худшему въ климатѣ нашихъ степей, — говоритъ г. Кернъ, — какъ разъ совпадаетъ съ цокальнымъ истребленіемъ степныхъ лѣсовъ, развившимся на югѣ во второй четверти текущаго вѣка *) съ свеклосахарными заводами и въ третьей четверти — пароходами и желѣзными дорогами. Непроходимыя дебри юга Россіи принадлежатъ теперь исторіи!

Правое побережье Волги и Дона за 100, много за 200 лѣтъ тому назадъ было покрыто почти сплошными лѣсами. По Волгѣ они тянулись лишь Царицына, *по Дону — до самаго устья*. Лѣса эти переходили въ заволжскія степи, шли къ Уральскому хребту и сливались съ величественными лѣсами Саратовской и Воронежской губ., которые (т. е. лѣса) въ свою очередь сливались съ лѣсами нашихъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. Теперь же вплоть до Саратова и Воронежа — все ровно и голо!

Многолѣковыя, величественныя дубравы Воронежской губерніи и сѣверной части Земли войска Донскаго, еще при Петрѣ I доставлявшія корабельный лѣсъ для постройки азовскаго флота, теперь представляютъ лишь одня жалкіе остатки.

Въ Землѣ войска Донскаго — *Леонтьевскій Буеракъ*, лѣсъ десятиль въ 1,000, является теперь единственнымъ представителемъ естественнаго лѣса на высокой степи, тогда какъ еще въ 1773 г., по свидѣтельству путешествовавшего тамъ академика Гильденштедта, онъ вмѣстѣ съ другими лѣсами Земли войска Донскаго составлялъ одну сплошную массу.

*) По нашему мнѣнію, гораздо раньше, какъ увидимъ далѣе.

По притескамъ Медвѣдицы, Хопра и др. рѣкъ тянулись, лѣтъ 80 тому назадъ, цѣнные дубовые лѣса, а теперь эти лѣса сведены, и сами рѣчки изъ многоводныхъ и обильныхъ рыбою превратились въ пересохшія ложбины, въ которыхъ равнѣ только весной въ какой-нибудь лужѣ можно найти лягушку....

Остатки бльшихъ судовъ и судовыхъ принадлежностей, находимые въ руслахъ незначительныхъ теперь степныхъ рѣчекъ, указываютъ на то, что эти рѣчки въ старину были такъ же многоводны, какъ теперь значительныя судходныя рѣки нашей средней полосы».

Рождается вопросъ, — въ чемъ же кроется причина этого громаднаго переворота, исказившаго придонской край до степени неузнаваемости. Гдѣ эти факторы, которые такъ вредно вліяли на санитарныя и климатическія условія края?

Отвѣтъ на это находимъ въ отечественной исторіи. Исторія говоритъ намъ, что въ 1571 году было приступлено къ *истребленію растительности* придонскаго края, по нижеслѣдующей причинѣ.

Обитателями придонскаго края въ XVI столѣтіи были разныя татарскія племена-кочевники — въ степяхъ, а мордва и другія племена въ качествѣ рыболововъ, охотниковъ и бортниковъ — въ лѣсахъ. Эти степи, слѣдовательно, составляли окранныю тогдашняго Московскаго государства, и потому придонской край назывался *польской украиной* — отъ слова поле — степь. Обитатели этихъ степей сильно беспокоили Московское государство, которое не знало, какъ избавиться отъ безпрестанныхъ набѣговъ ордынскихъ хищниковъ, и вотъ въ 1571 г. принимаются первыя мѣры, съ цѣлью отгнать хищныхъ кочевниковъ подальше отъ границъ Московскаго государства.

Мѣры эти не были военнаго характера, послѣднія были-бы бесполезны въ борьбѣ съ проворными хищниками, скрывавшимися въ необыкновенно высокой и густой травѣ, — то была борьба съ самою *травой*.

Въ Октябрѣ 1571 г., говоритъ лѣтопись, князь Воротынскій съ товарищаи приговорили *жечь степь*; опредѣлили, изъ которыхъ украинскихъ городовъ и въ какую пору, по какимъ мѣстамъ, къ которымъ урочищамъ, до какихъ мѣстъ, сколько станицамъ и по сколько человекъ изъ станицъ ѣздить на поле и жечь его. Жечь поле определено осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ, по заморозамъ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтобъ *стгерь былъ отъ Государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону*; не зажигать вблизи украинскихъ городовъ, *облизи лѣсовъ* и лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣлали отъ приходу воинскихъ людей. Станицы для зажевія степи должны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Данкова, Дѣлилова, Крапивны, Новосіля, Мценска, Ора, Рыльска и Путяля; пожаръ, слѣдовательно, долженъ былъ охватить пространство степи отъ верховьевъ Ворона до Дивира и Дона!...

Вслѣдствіе чего начались пожары, невѣроятныхъ размѣровъ. Важный пожаръ истреблялъ растительность на пространствѣ многихъ сотенъ и даже тысячъ квадратныхъ верстъ. Насколько эти мѣры достигали цѣли — въ исторіи не видно, но то обстоятельство, что вогайцы и крмыцы не сходятъ со сцены политическаго исторіи Воронежскаго края до самаго конца прошлаго столѣтія,

прямо говорить противъ дѣлсообразности этихъ мѣръ и съ политической точки зрѣнія.

И такъ съ 1571 г. для придонскаго края наступаютъ тяжелыя времена. Князь Воротынской, какъ мы видѣли, придумалъ грандіозный планъ — жечь степь: роскошная трава скрываетъ коня вмѣстѣ всадникомъ, что значительно затрудняетъ борьбу съ хищными наѣзниками; слѣдовательно, для уничтоженія хищника необходимо уничтожить растительность. Связано, слѣзано. И вотъ начинаются лѣсные пожары, неподдающіеся описанію: на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ верстъ дѣлнй океанъ огня гложетъ зелень! Мы не безъ умыслу назвали эти пожары *лѣсными*, хотя они предназначались для степной травы и въ самомъ наказѣ предостерегалось: «чтобъ не зажигать вблизи лѣсовъ», но когда станичники дождавшись «сухой, ведревой поры, когда вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскіихъ городовъ на польскую сторону», зажигали степи отъ Вороны и до Дѣлпра, то можно себя вообразить, какъ легко было станичникамъ локализовать огонь, охватившій пространство въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ.

Для юга Россіи лѣса, а въ особенности хвойныя, стали легендой *). Какое громадное количество угольной кислоты и другихъ вредныхъ газовъ должна была развить эта страшная по размѣрамъ масса сгоравшей растительности, а вмѣстѣ съ нею и погибавшихъ въ огнѣ животныхъ; мало того, почва, естественно, стала *быстро терять влагу*. Въ тоже время безчисленное множество озеръ постепенно превращалось въ болота и вмѣсто чистаго лѣснаго воздуха съ содержаніемъ кислорода въ 20, 27%, атмосфера стала быстро наполняться нѣазмами, болотнымъ ядомъ, — измѣнились качества почвы, воды и воздуха; пострадалъ, поватно, и климатъ. Исчезнувшіе вѣковныя лѣса, оказывавшіе столь громадное вліяніе на термическія свойства почвы края, служили вмѣстѣ съ тѣмъ преградой вторженіямъ неблагоприятныхъ для органической жизни вѣтровъ, преимущественно восточнаго — *суховья*. Съ исчезновеніемъ же громадныхъ лѣсовъ ему открылся свободный доступъ въ страну, дотолѣ мало доступную; вслѣдствіе чего климатъ сталъ постепенно измѣняться въ худшему **).

Далѣе, выжиганіе степей, а вмѣстѣ съ ними и первобытныхъ лѣсовъ, дало въ результатъ огромное количество поташа, мало по малу перешедшаго въ селитру. Еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича въ Воронежскомъ краѣ изъ кургановъ вываривалась селитра, какъ это видно изъ древнихъ актовъ, в запасъ этой селитры удовлетворяла потребностямъ государства почти два вѣка. Это обиліе азотистыхъ веществъ, служившихъ матеріаломъ для образованія съ поташомъ селитры, также указываетъ на колоссальныя размѣры процесса гніенія, имѣвшаго мѣсто въ этомъ краѣ. Этотъ тучный черноземъ, пропитанный селитрой, эти обмельвшія и исчезающія рѣчки и озера, эти громадные торфяныя болота, эти обгаженныя отъ растительности почвы съ глинистыми подпочвами — могли-ли не превратиться въ гнѣзда всевозможныхъ микроорганизмовъ — зародышей будущихъ эпидемій и эпизоотій? Таковъ былъ край,

*) О неблронтомъ истребленіи лѣсовъ закижаніемъ степей говорится также въ указахъ Петра Великаго.

***) Прилагаемая въ концѣ метеорологическая таблица даетъ понятіе о поворотѣ, какой принялъ климатъ описываемаго края.

съ санитарной точки зрѣнія, когда онъ началъ заселяться велико-и-малороссами, т. е. въ срединѣ XVI столѣтія. Прибывшіе сюда переселенцы и домашній скотъ ихъ сразу очутились въ *новыхъ* для нихъ климатическихъ условіяхъ и для полнаго акклиматизированія ихъ потребовалось много лѣтъ.

Безпощадное истребленіе лѣсовъ длилось здѣсь полтора вѣка, хотя въ разное время съ разными цѣлями: сначала для удаленія ордынскихъ хищниковъ затѣмъ для очистки земли подъ пашню и наконецъ для строенія флота. Къ концу XVII вѣка лѣса истребляли въ громадномъ количествѣ для флота, столько же выжигали для подготовленія полей подъ вспашку, жгли рабочіе изъ мести, жгли заводчики на уголь для своихъ заводовъ, жгли умыленно и неумыленно и довели наконецъ до того, что во времени генеральнаго межеванія, начатаго въ Воронежской губерніи при Екатеринѣ II въ 1782 году, осталось всего около 520,000 десятинъ лѣсу, или $\frac{1}{12}$ часть всего пространства оказалось подъ лѣсами и то, благодаря лишь чрезвычайно энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ еще Петромъ Великимъ, къ предотвращенію окончательнаго истребленія лѣсовъ. Съ прошлаго столѣтія начинается забота правительства о сохраненіи остатковъ когда-то непроходимыхъ лѣсовъ, а къ срединѣ настоящаго столѣтія количество лѣсовъ въ Воронежской губерніи успѣло даже незначительно увеличиться; такъ напр. приходилось въ 1790 г. на 1 чел. $\frac{2}{3}$ дес. лѣса, а въ 1846 году $\frac{1}{2}$ дес., несмотря на то, что число жителей въ эти 56 лѣтъ увеличилось на 105%. Но въ началѣ 60 годовъ этого столѣтія много лѣсовъ стало переходить въ руки малообразованныхъ лѣсопромышленниковъ, и съ этихъ поръ снова начинается безпощадное истребленіе лѣсовъ, во многомъ напоминающее XVII столѣтіе. Замѣчательно, что съ этого именно времени начинается дальѣйшее ухудшеніе климата губерніи; мало того, съ этимъ событіемъ совпадаетъ появленіе нѣкоторыхъ эндемическихъ и эпизоотическихъ болѣзней, дотолѣ почти неизвѣстныхъ здѣсь, какъ дифтеритъ и др., далѣе учащаются неурожаи и ии. др.

Такова первоначальная причина, которой нельзя не приписать всѣ неблагопріятныя послѣдствія, поминовавша Керномъ.

Въ тѣсной зависимости отъ судьбы лѣсовъ находились и *пчеловодство* и *скотоводство* и *хлѣбопашество* и всѣ прочія отрасли сельскохозяйственной промышленности приловскаго края. Начавшись здѣсь съ очень давняго времени, такъ какъ бортины ухажь по Дону, Усмани и Воронежу упоминаются въ лѣтописяхъ еще до періода появленія городовъ на Степи, они постепенно расширились къ югу по направленію этихъ рѣкъ и во второй половинѣ XIV столѣтія они достигли уже устья Воронежа. Ниже устья этой рѣки бортичество до основанія городовъ существовать не могло по вышеуказанной причинѣ, т. е. отсюда, отъ устья этой рѣки шла эта ужасная ливнѣ *пожечи степей*, прорывавшая громадную площадь во всю ея ширину. Здѣсь, на этой ливнѣ, былъ предѣлъ Рязанскаго уѣзда, уже порядочно заселеннаго сначала вотячниками бывшаго удѣльнаго Рязанскаго княжества, а затѣмъ и выходцами изъ внутреннихъ областей Московскаго государства, стремившимися, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на Донъ, на приволье. Еще о городахъ и помину нѣтъ, а между тѣмъ берега Дона, Усмани и Воронежа уже усеяны селами и деревнями, изъ коихъ Тешево, Бовыкино, Изягоще, Ворыщъ, Чертовицкое, Телечино,

Отхожее, Пѣкишево, Борки и другія обазываются уже старяными поселеніями, не считая «многіа села», о которыхъ въ лѣтописяхъ упоминается, что они еще въ XV ст. вывоены были ордынцами. Но объ этомъ будетъ сказано подробнѣе ниже, когда коснемся хлѣбопашества.

Наряду съ рыболовствомъ, зятриннымъ промысломъ и бобровыми гонами бортничество безспорно одно изъ самыхъ древнихъ промысловъ на Дону. Бортничествомъ занимались и удѣльные князья посредствомъ специалистовъ бортниковъ, и вотчинники и наконецъ просто пришельцы простолюдины, въ числѣ коихъ особенно много было мордвы. По присоединеніи Рязанскаго удѣльнаго княжества къ Москвѣ, мы видимъ всю лѣсную площадь, замкнутую въ треугольникѣ, образуемомъ рр. Дономъ и Воронежемъ до точки ихъ соединенія, разбитую на ухожья, а ухожья на *знамени*; откупщики *хоятъ* бортный лѣсъ, откупая цѣлый ухожей или платять съ знамени обыкновенно по полтретя пуда меда, но бываетъ и менѣе (2 п.) и болѣе (по 3 и по 4 пуда съ знамени) точно также и рыбныя ловли въ этихъ рѣкахъ и озерахъ разбиты на жеребьи, а жеребьи на тони, кромѣ того отдавались еще воды частями: затовами, затонцами, звѣнами и плесами; кромѣ того откупались еще вспуды или спуды и перевѣсы.... *)

Въ преѣлахъ этого треугольника лѣсное ичеловодство или *бортничество* росло и развивалось съ замѣчательною быстротою. Одни только бортники с. Ворыщ платили до 1585 года съ 6 знаменъ 16 п. 20 ф. меда. Спрашивается, сколько получалось съ Тешевскихъ, Проходнянскихъ, Борковскихъ, Иалегоцнскихъ, Телечинскихъ, Бовыкинскихъ, Пѣкишевскихъ и многихъ другихъ бортниковъ вмѣстѣ? И добыча воска очевидно должна была быть соотвѣственно этому немалозначительная.

Указъ о построеніи первыхъ двухъ городовъ на Украинѣ, Ливенъ и Воронежа, появился, какъ извѣстно, 1 марта 1586 г., но еще ранѣе, за годъ предъ тѣмъ состоялось распоряженіе объ отписаніи земель и угодій отъ прежнихъ уѣздовъ Елецкаго въ Ливнамъ и Рязанскаго — къ Воронежу. Рязанцы, оборотчики и откупщики, лишившись неожиданно земель и угодій, ставшихъ вдругъ собственностью новыхъ Воронежскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, Михнева, Хруцова, Марина и прочихъ, сначала жаловались, что Воронежскіе жильцы владѣть имъ не даютъ старыми Рязанскими, а нынѣ Воронежскими бортными ухожьями и рыбными ловлями, но ничего не добывшись, двинулись внизъ по Дону и его притокамъ и устроились южнѣе устья Воронежа, положивъ такимъ образомъ начало бортничеству и рыболовству почти по всей площади нынѣшней Воронежской губерніи. Съ тѣхъ поръ мы видимъ въ откупъ отъ казны государевыхъ вотчинъ, волостей и ухожей Витюгской, Икоренкой (нынѣшній Вобровской у.) Осередской (нынѣшній Павловской у.) Вѣлзатонской, Богатозатонской (нынѣшній Коротоякской у.) и др. Тѣ же бортныя ухожья и рыбныя ловли, которыя были отъ Воронежа не въ дальнемъ разстояніи, верстъ съ 30 во все стороны, были розданы въ зачетъ *половиннаго* жалованья воронежскимъ казакамъ и другимъ служилымъ людямъ. Такъ посту-

*) Такъ назывались ловли водяныхъ птицъ, которыя состояли въ томъ, что между двухъ водъ въ лѣсу вырубали просѣки, и ставили сѣти, затѣмъ ночью вслугивали птицъ, которыя перелетая просѣкою къ другой водѣ, запутывались въ раскинутыхъ сѣтяхъ.

нал, Правительство не только выгадывало деньгами, но преимущественно тѣмъ, что прикрѣпленные землею къ службѣ *ратные* люди не бѣгали, а напротивъ, развивали мѣстную сельскохозяйственную промышленность. Что же касается откупщиковъ вольныхъ, бравшихъ ухожья изъ оброку, то имъ предоставлялось брать ухожья и вообще откупныя вотчины въ Воронежѣ, съ публичныхъ торговъ, *изъ наддачи*, причемъ срокъ сдачи установился *съ Семена дни*.

Съ тѣхъ поръ бортничество, въ смыслѣ лѣснаго пчеловодства, ядя руку объ руку съ рыболовствомъ, не переставали развиваться и даже совершенствоваться. Что касается послѣдняго, то мы уже раньше видѣли, что царь Алексѣй Михайловичъ считалъ воронежцевъ спеціалистами по части готовленія рыбы въ прокъ, *такъ что она впродъ бываетъ прочна гораздо*, но и въ отношеніи перваго намъ не трудно прослѣдить шаги по пути его постепеннаго развитія. Тѣмъ замѣчательнѣе и тѣмъ интереснѣе эти немаловажные успѣхи, что придонскому пчеловодству въ самомъ началѣ приходилось бороться съ препятствіями, какихъ вѣроятно не приходилось испытывать этой отрасли сельскохозяйственной промышленности во внутреннихъ областяхъ Московскаго государства. Изъ нихъ въ особенности сильно отразились на немъ 1) Съ 1571 г. пожара степей, непрекращавшаяся много лѣтъ, причемъ дымъ отъ горящей на значительномъ прострѣствѣ степной травы долженъ былъ гибельно вліять на пчелиные рои. 2) Съ основанія городовъ, своевольство черкасъ и казаковъ, которые, покая защищаемый ими городъ, верстъ на 40 и болѣе того, опустошали окрестности, грабили бортниковъ, незаконно *выдирали* пчель и медъ ради незаконнаго же медоваренія. Бѣдные бортники лишались лошадей и платья и всѣхъ животныхъ и гурьбою отправлялись въ Воронежъ бить челомъ царю Федору Иоанновичу, чтобъ онъ запретилъ черкасамъ и казакамъ ѣздить къ нимъ *добуватьца*. 3) и притомъ самый серьезный ударъ Донскому пчеловодству былъ, безспорно, нанесенъ — смутнымъ временемъ, когда тати, вору и грабители раскинулись по придонскимъ лѣсамъ, убивая, грабя и уничтожая все что и падалось по дорогѣ или же предавая мечу и пламени, какъ это дѣлали шайки Заруцкаго. Кровавымъ заревомъ ознаменовалось это тяжкое время надъ придонскимъ краемъ, ужаснымъ ураганомъ пронеслось оно надъ нимъ, разрушая почти въ корень всю мѣстную сельскохозяйственную промышленность. Воцарился Михаилъ Федоровичъ и — настало затишье; сравнительно мирно и тихо зажили придонскіе обитатели, лишь по временамъ тревожили везающими набѣгами ордынскихъ хищниковъ, приходившими, какъ тогда выражались — *изгономъ*.

Настала наконецъ пора благоприятная и для возрожденія почти погибшаго пчеловодства. Уже довольно значительное уменьшеніе къ тому времени площади лѣсовъ по берегамъ рѣкъ съ одной стороны, съ другой появленіе на Дону бѣло-и малоруссовъ много поспособствовало къ развитію здѣсь садоводства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ переходу пчеловодства изъ лѣснаго въ *садовое*. Первобытный видъ мѣстнаго пчеловодства былъ до крайности простъ и несложенъ. Донскіе лѣса исконно изобиловали всѣмъ тѣмъ, что наиболѣе любятъ пчелы, какъ-то хвойными деревьями, липами, разнообразнѣйшими цвѣтами и плодовыми деревьями, притомъ, какъ мы видѣли выше, лѣса повсюду изобиловали хорошею и чистою водою. Въ этихъ лѣсахъ въ дуплахъ деревь пчелы во

множество строили свои ульи, называвшіеся *бортлями*. Лѣсному пчеловоду или *бортнику*, выражаясь какъ тогда говорили, не трудно было *ходить мѣсь*. Русскій ли или мордвинъ, опытный бортникъ не только умѣлъ легко отыскать пчелиные рои, но умѣлъ также по близости отъ нихъ найти мѣстечки въ лѣсу, болѣе удобныя, а слѣдовательно и болѣе пріятныя для пчелъ, по неизбраннымъ самими пчелами раѣе потому, что здѣсь не было душлистыхъ деревь. Бортникъ тогда выдалбливалъ искусственныя дупла въ деревьяхъ, куда пчелы не замедляли переселиться; такимъ образомъ бортнику легче было распорядиться ими. Но при этомъ множество пчелъ погибало отъ холодовъ, отъ естественныхъ своихъ враговъ и другихъ случайностей. Иное дѣло, когда въ первой половинѣ XVII столѣтія на Украинѣ развилось садовое пчеловодство. Пчеловодъ разводилъ садъ, посреди котораго онъ ставилъ клѣты на подклѣтѣ, огороженную тыномъ. Въ чертѣ огороженнаго мѣста онъ ставилъ соломенные, а чаще деревянные ульи на особыхъ подмосткахъ, которые назывались *одрами*. На зиму для предохраненія отъ холодовъ ульи перемѣщались въ подклѣтѣ. Садовое пчеловодство, какъ болѣе совершенная форма этого промысла и притомъ находившееся вблизи жилища, подъ личнымъ надзоромъ собственника пчелинца, а не откупщика или его наемника—бортника, какъ это бывало при лѣсномъ пчеловодствѣ, оказалось на столько выгоднымъ сельскимъ промысломъ, что на Дону, въ особенности мѣстами, какъ наприимѣръ въ Верхососенскѣ, почти каждый домохозяинъ имѣлъ свой собственный пчельникъ, и знакомящемуся съ письменными памятниками мѣстной старины невольно бросается въ глаза типичная особенность сельского хозяйства придонскаго жителя XVII столѣтія, заключающаяся въ томъ, что почти каждое мало мальски зажиточное хозяйство имѣло свои сообственныя, винокурию, баню и пчельникъ.

Сравнивая однако степень развитія пчеловодства на Дону у великороссіянъ, Черкасѣ и Донскихъ казаковъ, мы замѣчаемъ громадную разницу между ними, причѣмъ наименьшая степень развитія пчеловодства, какъ и вообще во всѣхъ другихъ отрасляхъ сельского хозяйства, приходится на долю Донскаго казачества, политическій и общественный строй котораго, какъ извѣстно, не согласовался съ мирными задачами поселяннина, почему донское казачество предпочитало и жизненные припасы и прочіе продукты сельскохозяйственныя, какъ зыпуны, скоть, лошадей и вино частью получать отъ Московскаго Правительства въ видѣ ежегоднаго жалованья—*донскаго отпуска*, а въ особенности отъ татаръ и калмыковъ—съ мечемъ въ рукахъ. Нелюбовь казачества къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ доходила до того, что живя на такихъ рыбныхъ рѣкахъ какъ Донъ и Донецъ, они влогда получали жалованье и рыбу, которую имъ привозили изъ Воронежа.

Въ несравненно лучшемъ состояніи находилось, какъ мы видѣли, пчеловодство у великороссіянъ, а въ особенности въ хозяйствахъ духовныхъ лицъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что духовныя лица вообще и монастыри въ особенности, за весьма рѣдкими исключеніями, оказывались наиболѣе разумными и бережливими въ веденіи сельского хозяйства. Чтобы внослѣдствіи не повторяться, скажемъ тутъ же, что они первые начали уваживать свои поля, которыя они же болѣе тщательно обрабатывали и что для насъ очень важно—исправно вели книги по сельскому хозяйству. Имъ же, здѣсь на До-

пу, мы обязаны первыми конскими заводами улучшенныхъ породъ, но самая крупная заслуга это безспорно благоразумное и бережливое ихъ обращеніе съ принадлежавшими имъ лѣсными угодьями, въ чемъ не трудно убѣдиться даже и въ настоящее время....

Къ числу наиболѣе крупныхъ пчеловодовъ на Дону въ средніе XVII столѣтія принадлежали монастыри Боршевскій, Карачунскій и Орѣховскій юртъ Савальской вотчины, принадлежавшей Тамбовскому епископу; въ особенности обширно было хозяйство послѣдняго. По officialнымъ свидѣніямъ, доставленнымъ въ XVII ст. Монастырскимъ Приказомъ Посольскому, Савальская вотчина давала епископу доходу въ годъ съ рыбныхъ ловель до тридцати возовъ разной рыбы, а съ бортнаго узожья меду пудовъ по двадцати и болѣе, несмотря на то, что Донскіе казаки безпощадно пустошили эту вотчину, ловили рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, рубили бортныя деревья, истребляя ихъ вмѣстѣ съ пчелами и въ два года выдрали тридцать два роя пчель!

Но высшей степени культуры достигло пчеловодство у Острогоскихъ черкасъ, у которыхъ оно повидному было любимымъ занятіемъ. Это видно во первыхъ въ необычайной распространенности пчеловодства среди нихъ, а во вторыхъ и въ томъ, что пчелами черкасы одаривали друзей и начальниковъ. Взятки «*бчолями*» встрѣчаются въ судебныхъ дѣлахъ черкасъ довольно часто. Пчельники свои, устранившіеся обыкновенно въ садахъ, рѣже въ липовыхъ рощахъ, черкасы или малороссы называли *пасѣками*, а пчелинцевъ пасѣчниками. Пасѣкой же они, повидному, называли и избу, которую строили для помѣщенія пчелиныхъ ульевъ на зиму. Послѣдняя была ничто иное, какъ обыкновенный сарай съ двумя боковыми окнами для прохода воздуха. Болѣе мягкой и теплой климатъ средняго теченія Дона избавлялъ черкасъ отъ необходимости прятать ульи на зиму въ выкопанные погреба или *подклѣти*, какъ это было выше упомянуто, дѣлали великороссіане, переселенцы изъ внутреннихъ областей.

Параллельно съ этимъ шло и тѣсно связанное съ пчеловодствомъ *воскобойное* производство. Добытый воскъ формировали обыкновенно въ видѣ большихъ *круговъ*, въсомъ каждый въ *полтретья* пула или 100 гривенокъ, т. е. въ 2½ п. и продавался онъ обыкновенно по 9 рублей за кругъ или 9 коп. за фунтъ, а медъ по 1 рублю за пудъ, и эти цѣны съ нѣкоторыми колебаніями существовали въ придонскомъ краѣ почти до самаго возвращенія Азова туркамъ.

Начало XVIII столѣтія ознаменовалось для донскаго пчеловодства крайне неблагоприятными явленіями; почти тоже самое можно сказать и въ отношеніи рыболовства и звѣринаго промысла, что же касается *бобровыхъ* гонимъ, то они внезапно прекращаются, словно по маговенію волшебнаго жезла. Донскіе бобры стали вдругъ легендой, рыболовство же передвинулось значительно ниже на югъ, а пчеловодство и звѣрловство—къ сѣверу; *бортничество* стало достояніемъ болѣе сѣверныхъ областей. Все это произошло лишь по причинѣ строевія флота на Воронежѣ. Изъ вырубленныхъ громадныхъ, когда-то непроходимыхъ лѣсовъ, разбѣжались звѣра, разлетѣлись пчелы, а стукъ и шумъ на перьяхъ топоровъ и пилъ, частая и *многая* пушечная и лищальная пальба съ без-

прерывно снующихъ галеръ, газасовъ, фуркатовъ и брандеровъ расиугали всю рыбу, которая переселялась въ Довскія гиры.

Дальнѣйшая исторія Донскаго пчеловодства представляетъ лишь рядъ малоутишительныхъ свѣдѣнй. Изъ года въ годъ сокращалась въ размѣрахъ, оно, хотя и не очень быстрыми, но за то вѣрными шагами шло къ окончательному упадку. Тѣмъ не менѣе уже къ концу прошлаго вѣка продукты мѣстнаго пчеловодства, составлявшіе ранѣе весьма важную статью вывоза, добывались уже въ очень ограниченномъ количествѣ, немногихъ болѣе мѣстнаго потребления ихъ. Въ 1797 году было добыто всего 55298 пудовъ меду, изъ коихъ 42054 пуда были израсходованы на мѣстныя потребности; а воску 1100 пудовъ, израсходовано на мѣстѣ 989 пудовъ; слѣдовательно вся отпускная торговля мѣстнаго пчеловодства ограничилась 13244 п. меду и 111 п. воску. Соответственно этому и цѣны значительно измѣнились. Пудъ меду стоитъ уже не рубль, а 2 р. въ уѣздахъ и отъ 3 до 5 рублей въ Воронежѣ; цѣна воску, вмѣсто прежнихъ 3 р. 60 к. за пудъ, въ уѣздахъ доходитъ до 13 р., а въ Воронежѣ до 24 р. Подобныя явленія, какъ и слѣдовало ожидать, дали въ концѣ концовъ совершенно обратные результаты: воскъ и медъ, вслѣдствіе крайне высокихъ цѣнъ на мѣстѣ, становятся выгодными статьями привозной торговли, и съ начала текущаго столѣтія Довъ удовлетворяетъ уже часть своихъ потребностей привозными медомъ и воскомъ. Такъ оно шло до конца семидесятихъ годовъ текущаго столѣтія—время полного упадка не только Донскаго, но и вообще отечественнаго пчеловодства; съ тѣхъ поръ разныя суррогаты настолько вытѣснили настоящій воскъ изъ употребленія, что послѣдній вообще вывѣ трудно найти въ чистомъ видѣ. Такова малоутишительная, но за то крайне поучительная исторія донскаго пчеловодства. Вернемся теперь къ обзору успѣховъ прочихъ отраслей донской сельскохозяйственной промышленности.

Переходя затѣмъ къ обзору успѣховъ прочихъ отраслей сельскохозяйственной промышленности на Дову, намъ необходимо прежде всего выяснитъ себѣ, когда имъ положено начало и на какомъ пространствѣ придонскаго края.

Не вдаваясь въ совершенно гадательныя подробности болѣе ранняго періода, мы можемъ однако сказать съ нѣкоторою долею вѣроятности, что земледѣліе существовало здѣсь еще въ XIII столѣтіи и что крайніе предѣлы его находились у устья Воронежа, т. е. близъ *Червленнаго Яра*, а бобровые гоны рыбная и звѣривая ловли, какъ несравненно менѣе подверженныя опасности отъ воинскихъ приходовъ изгономъ, могли простирались и даѣе на югъ. Но набѣги кочевниковъ въ XIV и XV столѣтіяхъ должны были заставить мѣстныхъ земледѣльцевъ отодвинуться назадъ отъ береговъ Дона и Воронежа, т. е. отъ естественныхъ путей, по которымъ приходили ордынскіе хищники изгономъ и опустѣвшіе берега Дона поэтому могли произвестн такое тяжелое впечатлѣніе на спускавшася по немъ въ стругѣ въ 1389 году митрополита Пимена. Въ Москвѣ въ это время очень интересовались судьбою Украины, и Пимена просили записывать путевныя впечатлѣнія. Пименъ ранѣе два раза ѣздилъ въ Царьградъ, но оба раза по Волгѣ, а на этотъ разъ по Дову; онъ

долженъ былъ ознакомиться съ опустошеніями произведенными полчищами великаго хана Мамай *недавно*, всего лишь за девять лѣтъ предъ тѣмъ, стоявшаго на Воронежѣ, *кочуя во мнозиы силы*. Пимевъ и записалъ: «Бяше бо пустыня зѣло; не бяше бо видѣти тамо ни града, ни села. Аще бо и быша прежде грады красны и парочиты зѣло видѣниемъ, *точію мѣсти пустошии все и не населено; не бѣ бо видѣти челоука, точію пустыня велиа и зепрей множество...*» Не сталъ бы Пимевъ удивляться пустынности мѣстности и отсутствію челоука, еслибъ это не было общезвѣстнымъ фактомъ, что равнѣ, до Мамай, было иначе. Не удивляется же Пимевъ въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи пустынности береговъ до самыхъ Татарскихъ кочевьевъ. Но и помимо этого весьма вѣскаго доказательства, помимо грамотъ митрополитовъ Алексѣя и Феогноста мы располагаемъ еще многими доказательствами давности пребыванія въ придонскомъ краѣ славянъ. Кромѣ свидѣтельств иностранцевъ, подробно разсмотрѣнныхъ въ трудѣ проф. Ламяскаго, укажемъ еще на село Тешевъ, нынѣшній Задонскъ, гдѣ были найдены земледѣльческія орудія съ признаками несомнѣнной принадлежности ихъ XV и даже XIV стол. Долгое время находившіяся во власти удѣльныхъ князей Рязанскихъ, придонской край былъ въ 1483 г. раздѣленъ такъ, что р. Донъ начиная отъ города Ефремова служила пограничною линіею между Московскимъ и Рязанскимъ княжествами, причемъ вся правая сторона въ томъ числѣ и Елецъ со всѣми Елецкими мѣстами, отошла къ первому. Въ договорѣ между великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ и Рязанскимъ Феодоромъ Васильевичемъ въ 1496 г. послѣднему отводятся право лишь на Бовыкино, верхній Воронежъ, весь Тешевъ, жеребей р. Дона съ оброки и съ доходы *по старинѣ*, остальное отходить къ Москвѣ. Въ этой грамотѣ упоминаются люди дѣлены и ловчавы, *городскіе* рыболовы, кормовыи и *садовники*, меловыи и гончары, а что *наши села... на Украинѣ*, и *тѣ села* вѣдати вамъ по записямъ.

Какъ яствуетъ изъ недавно отысканной нами грамоты, Рязанскіе князья продолжали заселять отомедшую къ намъ Украину по р. Воронежу и ея притокамъ. Такъ въ 1501-мъ году пожаловала Рязанская великая княгиня въ вотчину Ермолу Стерлегову *Ананинское* селище съ пивами и съ пожнями на Паниковцѣ притокѣ р. Усмани. Хотя существуетъ еще одна рѣчка Паниковецъ въ Елецкомъ уѣздѣ, но искать Ананинское селище тамъ, нѣтъ уже основанія потому, что этотъ уѣздъ, какъ только что было сказано, принадлежалъ въ то время Москвѣ, — это, слѣдовательно, значило было усиливать и безъ того сильнаго и опаснаго соперника, а главное, что въ Воронежскихъ писцовыхъ книгахъ 1615 г. значится уже въ числѣ старинныхъ помѣщиковъ на Усмани Власть *Стерлеговъ*. Много селъ и деревень по Дону и Воронежу упоминаются въ лѣтописяхъ какъ села и деревни бывшаго *Рязанскаго уѣзда*, такъ-вы Ворыщъ, Бобяково, Бовыкино, Иалегощи, Телечино (нынѣ Углевское), Ивалъское, Марино и мн. др., которыя, какъ извѣстно по исторіи существовали задолго до построенія стѣнныхъ городовъ, какъ-то: Ливень, Воронежъ и др. Отсюда можно вывести лишь одно заключеніе, что предѣломъ площади посѣвовъ до 1586 г. былъ Червленый Яръ или устье Воронежа. Далѣе шли лишь районы рыболовства и звѣриныхъ промысловъ.

Къ сожалѣнію, сохранилось слишкомъ мало свѣдѣній о состояніи сельскаго

хозяйства придонскаго края въ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ его, — строенія городовъ на *польской* Украйнѣ той эпохи, когда огромная область эта только что начинала жить самостоятельную общественную жизнь, независимо отъ Рязани. Пробѣлъ этотъ составляетъ цѣлый періодъ въ исторіи Воронежскаго края, длившійся съ 1586 по 1615 годъ, т. е. цѣлые 30 лѣтъ. Лишь отдѣльные отрывочныя свѣдѣнія освѣщаютъ это время. Можно было бы подумать, основываясь на отсутствіи письменныхъ памятниковъ, что за это время Воронежскій край вмѣстѣ съ своими двумя городами Воронежемъ и Валуйками, не существовалъ вовсе, что эта громадная площадь была степью безплодною; но почти безпрерывное существованіе герода Воронежа за это время намъ уже разѣе удалось доказать, а упомянутыя отрывочныя свѣдѣнія говорятъ намъ о существованіи въ 1592—4 гг. *воронежскихъ* вотчинниковъ, помѣщиковъ, крестьянъ, бобылей, бортиковъ, рыболововъ, звѣроводовъ и даже торговыхъ людей; казенные плотники получаютъ жалованье изъ воронежскихъ *доходовъ*. Правда, объ административномъ дѣленіи Воронежскаго края на уѣзды и станы вѣтъ еще и помину, но прабывшій на Воронежъ въ 1615 году для описи и дозору земель Григорій Кирѣевскій засталъ уже Воронежскій край, сравнительно потому времени, довольно населеннымъ. Не говоря уже о городѣ, въ *уѣздѣ*, какъ его называетъ Кирѣевскій, оказалось множество слободъ, селъ, деревень, селець, починковъ и поселковъ, всего около 50; кромѣ того, не считая множества церквей, въ Воронежѣ и его уѣздѣ были уже монастыри Успенскій, Дѣвичій, Боршевскій и Корочунскій сравнительно богато обставленные, снабженные отъ правительства обширными вотчинами и ругою, или же разными доходными статьями вмѣсто руги, не считая мірскихъ вкладовъ. Не мало селъ, разѣе существовавшихъ, отлѣчены Кирѣевскимъ, что они были «въ 121-мъ году *вывозаны* отъ Ивашки Заруцкаго»; таковы деревни: Гремячее, Струшова, Болотцкая тожь, Сушиловка, Останова, Свидякова и др. Вся остальная, болѣе южная часть площади воронежскаго края оказывается къ 1615 году уже раздѣленной на откушныя вотчины, сдававшіяся съ торговъ *изъ наддачи*, какъ мы выше видѣли, еще въ 1592 году; ихъ насчитывается всего 17 вотчинъ, а именно: ужожей Хворостанской (за 12 р. съ четв.), Лысогоревскій (20 руб.), Подулской (20 руб.), Сосенской (20 руб.), Богатой Затонъ (50 руб.), Икорской (10 р. 50 к.), Морковской (18 руб. 8 алтынь 2 деньги). Вѣтуцкой (30 руб.), Бабьей (5 руб.), Середковъ вмѣстѣ съ Шиповыми лѣсами (6 руб.), Калитвинской (50 р. 50 к.), Вѣззатовской (12 р. 50 к.), Богучарской (9 руб.), Тулучевской (6 руб.), Терповской (6 руб.), Лѣсъ Иловской да рѣчки Ольшанка и Сосенокъ (9 р. 50 к.) и вотчина околородная, за которую городъ Воронежъ всѣмъ городомъ платилъ оброку въ государеву казну по 15 руб. на годъ.

Всѣ вотчины сдавались съ торговъ съ *Семена дни внизъ*, изъ наддачи, а деньги оброчныя откушники вносили въ государеву казну ежегодно на срокъ въ *Евдокимъ день*. Съ однихъ государевыхъ откушныхъ вотчинъ доходъ равнялся уже тогда 294 р. 50 к., — сумма, потому времени довольно значительная, но ничтожная въ сравненіи съ тѣмъ, что платилось разными помѣщиками и оброчниками за право пользованія разными другими оброчными статьями въ предѣлахъ самаго уѣзда. Эти дробныя числа въ общемъ взятія давали

въ итогѣ довольно значительную сумму, составляли немаловажную статью государевыхъ доходовъ. Такъ за одинъ кабакъ воронежскій платилъ въ 1614 г. откупщикъ Несмѣянъ, Гавриловъ сынъ, Высокого-Колпака, въ государеву казну по 195 руб. на годъ! Бромѣ того, описавъ города и села, вотчины и помѣстья, монастыри и церкви Кирѣевскій подводитъ итоги. По нимъ оказывается, что въ 1615 году Воронежскій край или какъ его тогда называли — *уѣздъ* насчитывалъ 269 помѣщиковъ, 15 помѣщицъ — вдовъ и 38 — помѣщиковъ-педорослей, всего 322 землевладѣльца, жеребьи которыхъ составились изъ 8 сель, 8 селець, 19 деревень, 8 починокъ, 3 слободъ и владѣвшихъ четвертною пашнею въ количествѣ 16068 четвертей въ доли, а въ дву потомужъ, не считая пашбищъ, сѣнокосовъ, лѣсныхъ угодей, огородовъ, гуменинокъ, рыбныхъ ловель и проч.

Сюда же необходимо причислить помѣщиковъ — бѣломѣсныхъ атамановъ, образовавшихъ 4 слободы и владѣвшихъ вѣсть, 52 человека, четвертною пашнею въ количествѣ 6983 четвертей, всего слѣдовательно было 374 помѣщика владѣвшихъ 23051 четвертями, во всѣ три поля, пашни, или 34576 десят., не считая другихъ угодій, въ общемъ составлявшихъ площадь болѣе чѣмъ вдвое противъ пашни. Къ сожалѣнію въ этой книгѣ нѣтъ еще многихъ подробностей, встрѣчающихся немного впрочемъ позднѣе въ писцовой книгѣ 1629 г., какъ, напримѣръ, дѣленіе на станы, число дворовъ, крестьянъ задворныхъ, дѣловыхъ и пашенныхъ, бобылей и прочее....

Григорій Кирѣевскій, говорится въ писцовой книгѣ 1615 г. прибылъ въ Воронежъ для *письма и дозору* земель, т. е. дозирать или провѣрить правильность распредѣленія поземельнаго владѣнія, слѣланнаго ранѣе до него между воронежскими помѣщиками, а также провѣрять права ихъ пользованія жеребьями по имѣющимся у нихъ вотчиннымъ и ввознымъ грамотамъ; если-бы ему поручено было *вновь* размежевать и отводить земельныя участки, то онъ былъ бы названъ *межевицкомъ* и *писцомъ*; стало быть его обязанность заключалась въ составленіи дозорной книги, съ утвержденіемъ прежнихъ жалованій вновь — отъ имени царя Михаила Ѳеодоровича. Кирѣевскій такъ и поступилъ: описавъ Воронежъ съ уѣздомъ на 379 страницахъ, перечисливъ вѣсколько сотъ помѣстей, вотчинъ, садъ и деревень, части города съ церквями и монастырями, онъ ни разу не обмолвился, ни разу не упомянулъ ни объ одномъ изъ прежнихъ царствованій. Всѣ помѣстья расписываются имъ по жеребьямъ «по государову, цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу». Правда и то, что указывать къ какому царствованію относится то или другое было бы излишне: Воронежъ возникъ по указу царя Ѳеодора Іоанновича и слѣдовательно всѣми своими распоряженіями и учрежденіями онъ былъ тогда еще обязанъ это-послѣднему изъ Дома Рюриковичей. Царь же Михаилъ Ѳеодоровичъ, вступившій на престолъ лишь года за три предъ тѣмъ, успѣлъ только въ 1615 г. воздвигнуть храмъ въ Воронежѣ въ Напрасной слободѣ во имя царевича Дмитрія Углицкаго и преподобнаго отца Михаила Маленна, на строеніе котораго, по словамъ Григорія Кирѣевскаго, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ и грамоту и деньги попу Матѣю Афонасьеву.

Слѣдовательно, цитруемая дозорная книга рисуетъ намъ воронежское поземельное владѣніе въ состояніи, близкомъ началу его. Мы остановимся на слѣ-

дѣнійхъ этой книги, а затѣмъ и писцовой книги 1629 года пѣсколько подробнѣе.

Что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи дозорной книги это — значительное преобладаніе военнаго сословія среди мѣстныхъ землевладѣльцевъ, да и остальные, невоенные, если исключить духовенство, оказываются состоящими на государевѣ службѣ, какъ то губныя старосты, дяки и подбѣачіе, селиторщичи, ямщики, городовые кузнецы и плотники и др. Ближайшею причиною тому могло быть слѣдующее. Изъ всѣхъ существовавшихъ формъ пріобрѣтенія земельной собственности — по купчимъ, по закладнымъ, по ряднымъ, по данымъ и по жалованію, — только послѣдняя форма могла имѣть мѣсто на Украинѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. и даже нѣмного познѣе. Дѣло въ томъ, что необеспеченность недвижимою собственностію отъ набѣговъ татаръ и отъ мѣстныхъ *воровъ* обезцѣнивала землю до того, что мѣстами, какъ напримѣръ въ Орловѣ, даже въ срединѣ XVII очень трудно было найти охотника даже за безцѣнокъ пріобрѣсти покункою земельный участокъ. Кто располагалъ извѣстнымъ капиталомъ, старался пріобрѣсти *помѣстьяице*, какъ можно подалше отъ этой ужасной Украины, *«гдѣ Стѣнь де не загорожеши»*, гдѣ человекъ ни одного дня не могъ оставаться покойнымъ не только за *жизоты* свои, но и за самую жизнь. Сюда стекались, влекомые пріяжанкою — государеваго жалованья, люди не богатые, или ничего не имѣвшіе, или почему либо лишившіеся своего прежняго состоянія; придонской край былъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. своего рода Калифорніею, куда подобныя лица стремились *«добуватьца»*. Изъ подобныхъ лицъ именно и составилось большинство населенія вороножскаго края въ самомъ началѣ, за исключеніемъ развѣ вотчинниковъ, какъ кн. Волконскихъ, Черкасскихъ, Явцевоыхъ и др. Нимѣвший вакантнѣ «ни кола, ни двора», прибывъ на Донъ, становился вдругъ помѣщикомъ, владѣльцемъ *жеребей* десятнѣ въ 30 — 100 и болѣе, не считая правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ украинскою службой, при полвѣйшей почти безнаказанности за проступки, такъ часто случавшіеся и такъ часто сходявшіе съ рукъ на *чольской* Украинѣ.

И такъ, почти единственная форма землевладѣнія въ началѣ XVII ст. была основана на *помѣстной* системѣ, но какъ пашенная земля измѣрялась исключительно *четями* или четвертями, то она и названа четвертною пашнею, *четвертными* землевладѣніемъ. Кромѣ частной четвертной пашни, существовала еще здѣсь въ то время государева *десятинная* пашня, составлявшая особый родъ натуральной повинности. Рожь и овесъ, собиравшіеся съ этихъ полей, расходовались на кормленіе пословъ и гонцовъ и ихъ лошадей, посылаемыхъ къ турецкому салтану или крымскому хану, и обратно. Размѣръ этой пашни бывалъ разный; при царѣ Борисѣ, напримѣръ, было установлено пахать государеву пашню по 200 десятнѣвъ ежегодно. Съ этою цѣлію сохранилось на Ворожеѣ государевыхъ 130 лошадей. Пашню эту пахали пѣшіе стрѣльцы, которыхъ для этой цѣли снабжали государевыми лошадьми, сошниками и серпами; выдавали на время пахоты кормъ на 5 недѣль, такъ что на 10 человекъ приходилось въ мѣсяцъ 5 четвертей ржаной муки и осмива толоква. Зимомъ хлѣбъ этотъ молотили жалецкіе стрѣльцы и казаки. Засѣвали обыкновенно 100 д. рожью и столько же овсомъ. Смутное время, нарушивъ

въ порядки государственнаго организма, коснулось и десятинной пашни, которую не пахали до 1613 г. Михаилъ Θεодоровичъ, съ цѣлю облегченія повинностей, уменьшилъ десятинную пашню на половину. На Воронежѣ пахали съ тѣхъ поръ десятинную пашню только 100 д. Этотъ уже сокращенный земельный участокъ, какъ и ранѣе, былъ также выдѣленъ изъ пашенныхъ земель городскихъ жителей. Опытъ однако скоро показалъ невозможность обойтись на Воронежѣ урожаемъ со 100 дес., почему въ 1616 г. снова была восстановлена десятинная пашня до прежнихъ размѣровъ 200 д. и въ такомъ размѣрѣ и видѣ оставалась эта повинность до 1624 г., когда царь Михаилъ Θεодоровичъ повелѣлъ возвратитъ выдѣленные 200 десятинъ пашни лицамъ, кому онѣ принадлежали ранѣе, съ тѣмъ, чтобы они платили, взаменъ десятинной пашни, хлѣбомъ въ государевы житницы на Воронежѣ. Средній урожай съ десятинной пашни бывалъ слѣдующій: 100 дес. засѣвали рожью, высѣвали 200 четв., снимали обыкновенно 580 — 600 копенъ, причеъ умолоть бывалъ отъ 1000 до 1200 чет. Другія 100 дес. засѣвали овсомъ, посеѣвъ равнялся 300 чет., копенъ снималось до 400 чет., причеъ получалось обыкновенно (*по опыту*) въ умолоть отъ 700—800 четвертей. Десятинную называлась эта повинность потому, что пашня измѣрялась десятинами, тогда какъ всѣ прочія *пашенные* земли въ Воронежскомъ краѣ измѣрялись четвертями, за исключеніемъ лѣсныхъ угодій и сѣнокосовъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Вслѣдъ за *государевою* пашнею видное мѣсто занимаютъ хозяйства *монастырей*, принадлежавшихъ къ самымъ крупнымъ земельнымъ собственникамъ воронежскаго края. Ихъ было въ началѣ (1615 г.) три: городской Успенскій, Боршевской и Карачунскій; общее количество пашенной земли, которою они владѣли, равнялось 900 четв. и 1 осмины въ полѣ, а въ дву по томуъ, не считая земель подгородныхъ, гумевныхъ, огородныхъ, луговъ (пастбищъ) сѣнокосовъ и лѣсныхъ угодій.

По писцовой книгѣ Ромава Кирѣевскаго 137 г. здѣсь было уже 4 монастыря (четвертый Акатовъ монастырь). Слѣдующія таблицы даютъ понятіе объ имуущественномъ отношеніи въ 1629 году монастырей, церквей, вотчинниковъ и помѣщиковъ по станицамъ и жеребьямъ.

Таблица, показывающая число монастырских дворовъ, пашенныхъ людей, земельныхъ угодій и размѣръ платежа съ живущія чети сошнаго письма къ 1629 г.

	Названіе монастырей.			
	Успенскій.	Анаговъ.	Боршевской	Корачун-скій.
Число дворовъ	87	12	45	20
Прикашиковъ	1	—	—	1
Монастырскихъ всякихъ работниковъ	59	3	24	1
Дѣтвышей	—	3	—	—
Число крестьянъ	1	8	44	10
— бобылей	28	—	61	8
— пустыхъ дворовъ (бѣглыхъ)	6	—	12	8
Количество земли, пашенной, перелогомъ и дикаго поля, въ четяхъ	360	300	400	300
Сколько монастырь платилъ въ сошное письмо съ живущаго съ	2 ¹ / ₂ ч. (1)	1 ч.	3 ч.	2 ³ / ₄ (2)
Число копей сѣна	1000	600	700	850
Дѣсу □ верстами (приблизительно)	12	6	10	8
Дуговъ или пастыбщъ □ верстами (приблизительно)	10	5	8	7
Пустыхъ мѣстъ и селищъ	—	—	—	27 (3)

Итого четыремъ (1) монастырямъ дано въ вотчину четвертной пашни 1360 четвертей въ поля, а въ дву потомужъ. Если сюда прибавить и церковную четвертную пашню, давшую 10 церквамъ городскимъ и пригороднымъ, въ количествѣ 649 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, то окажется, что площадь посѣвовъ одного духовенства простиралась до 3000 десятинъ.

Вслѣдъ за монастырскими и церковными вотчинами, второе мѣсто занимаютъ вотчины частныхъ лицъ, владѣвшихъ по жалованнымъ или вотчиннымъ грамотамъ. Ихъ оказывается къ 1629 году немного, почему для полноты и выпишемъ ихъ цѣликомъ.

(1) Съ дву четвертей съ получетверикомъ.

(2) Съ дву чети съ осминою и съ четверикомъ.

(3) «... выбѣжали въ 131-мъ (1623) году отъ градскихъ податей и отъ татарскихъ войнъ и отъ игумена Ворсунофья...» (Писц. кн. 1629 г.).

(4) На Воронежѣ былъ еще пятый монастырь — Дѣвичій, но онъ землемъ еще не владѣлъ; лишь позднѣе, по грамотѣ 134 г. и по отказной выписи 135-го года, монастырю дано на церковное строеніе и на пропитаніе Форосанской ужожей съ рыбными долями и всякими угодьями.

название вотчины и вотчинника.	Название стана.	Число людей въ вотчинѣ						Количество четвертной паши.	Размѣръ платежа съ пса.	Число копенъ сѣна	Размѣръ площ. лѣса въ десяти.	
		Приказиковъ.	Дѣловыхъ.	Задорныхъ.	Крестьянъ.	Бобылей.	Число заимъ дворовъ.					Число пустыхъ дворовъ.
1.) Жеребей въ деревнѣ Айдаровой на Паниковцѣ—вдовы Анны Челюсткиной и сына Матвѣя	И.	—	2	—	2	3	7	—	50	1/4	200	20
За ними же въ селѣ Грязномъ жеребей (*)	И.	1	2	—	6	5	10	3	100	1/2	400	40
2.) Пустошь что была деревни Сушиловка (**) жеребей за Степаномъ Максимовичемъ Боевымъ	К.	—	—	—	—	—	—	—	60	—	174	25
3.) Жеребей въ с. Рядномъ, на Паниковцѣ за Осипомъ Яковлевымъ	К.	—	—	—	1	1	2	—	30	2/10	30	15
4.) Тамъ же, жеребей за Иваномъ Матв. Москвитинимъ	К.	—	—	—	1	1	1	—	36	1/4	36	15
5.) Тамъ же, жеребей есаула Ивана Васильева	К.	—	—	—	3	3	5	1	38	2/8	38	15
За нимъ же на Мховомъ болотѣ	К.	—	—	—	—	—	—	—	6	—	12	—
6.) Въ с. Редномъ за Кондратомъ Васильевымъ жеребей	К.	—	—	—	2	—	—	1	36	1/4	36	15
7.) Тамъ же, за Ник. Федоровымъ жеребей	К.	—	—	—	1	—	1	—	36	2/10	36	15
8.) Тамъ же, жеребей вдовы Маріи Щуровой и сына ея Андрея	К.	—	—	—	—	—	—	—	12 2/3	—	24	10
За нимъ же вотчина, жеребей Мхова болота	К.	—	—	—	—	—	—	—	3	—	6	—
Въ с. Чертовницкомъ, за вѣо жъ и за сыномъ ея Андреемъ жеребей въ вотчинѣ	К.	1	—	—	7	4	8	—	20	2/4	170	—
За ними жъ въ Долгой полянѣ	К.	—	—	—	—	—	—	—	25	—	100	—
9.) Въ с. Редномъ за Васильемъ Евсеевымъ жеребей	К.	—	—	—	—	—	—	1	36	1/8	36	—
10.) Въ дерев. Гололобовой на р. Усмани за вдовою Анною Челюсткиной и сыномъ Матвѣемъ (см. № 1) вотчина	Усманинскій.	—	—	1	5	3	9	—	20	1/2	40	15
11.) Въ селѣтѣ Рѣнномъ, жеребей Ив. Ильина	Усманинскій.	—	—	—	4	—	4	—	45	7/10	90	20
12.) Тамъ же, жеребей Льва Иванова	Усманинскій.	—	—	—	2	—	3	—	45	2/8	90	20

(*) Эти двѣ вотчины Челюсткиныхъ, какъ значится въ писцовой книгѣ, были впоследствии проданы вотчинникомъ (въ 1632 г.) князю Федору Волконскому.

(**) Сушиловка была вывожена Заруцкимъ въ 1613 г. (Доз. кн. Гр. Кирѣвскаго)

13.) Въ с. Костеняхъ (*) жеребей Степана Дми- тріева - - - - -	Боршевскій.	-	-	3	-	3	-	54	$\frac{2}{3}$	110	25
14.) Тамъ же, вотчина за Юрьемъ Парфентьевымъ.	-	-	-	1	-	1	-	54	$\frac{2}{16}$	150	25
15.) Тамъ же, за Аф. Романовымъ жеребей - -	-	-	-	4	-	2	-	36	$\frac{1}{2}$	80	20
16.) Вл.с. Вѣломъ-Колодезъ вотчина Ивана Ивановича Язвцова, старое его по- мѣстье - - - - -	Карауискій.	-	9	864	30	70	11	180	$2\frac{1}{2}$	460	90
		2	13	9	107	50	126	17	$9\frac{22}{100}$	2318	385

Необходимо замѣтить, что здѣсь указаны лишь количества угодій, пожалован-
ныхъ въ вотчину, что кромѣ этого вотчинники владѣли еще отдѣльно помѣсть-
ями на правахъ помѣщиковъ. Такъ украинскій Крезъ Иванъ Язвцовъ (№ 16)
владѣлъ также и населенными помѣстьями, которыя превосходили размѣрами
его вотчину по крайней мѣрѣ въ три раза.

Что касается собственно класса помѣщиковъ, то есть лицъ испомѣщенныхъ
четвертною пашнею по *ввознымъ* грамотамъ, а не вотчиннымъ, не наследст-
венно и не за заслуги, а за службу, то таковыя испомѣщались *жеребьями*.
Какое нибудь село, деревня или починокъ, съ принадлежащими къ нимъ зем-
лями, водами, рыбными ловлями, сѣнокосами, лугами, хоромиными и дровяными
лѣсами разбивались на участки или *жеребьи* разныхъ размѣровъ, кои рас-
предѣлялись между извѣстнымъ числомъ помѣщиковъ. Причемъ пашни отводи-
лось опредѣленное число чети; сѣнокосомъ овъ пользовался извѣстнымъ числомъ
копенъ изъ общественаго луга, лѣсомъ—по мѣрѣ надобности изъ общаго чи-
сла верстъ и десятинъ лѣса, приписаннаго къ селу, точно такимъ же обра-
зомъ и рыбными ловлями. Изъ слѣдующей таблицы видны распредѣленіе и
количество сельскаго населенія и помѣстей или жеребьевъ по всемъ четыремъ
станамъ Воронежскаго уѣзда къ 1629 году. Лѣсныя угодья и рыбныя ловли,
составляли общественную собственность лишь съ правомъ частнаго пользованія
въ случаѣ надобности, поэтому лѣсныя угодья показаны приблизительно:

Сколько числилось къ 1629 году въ каждомъ станѣ за помѣщиками.	ВСЕГО ВЪ СТАНѢ.					Городскихъ. атамановъ.	Итого за помѣщичья земля.
	Черго- вицкомъ.	Боршев- скомъ.	Карауи скомъ.	Усман- скомъ.	Городскихъ.		
Число жеребьевъ	195	95	160	331	55	836	
Сель	7	3	7	7	2	26	
Деревень	7	9	8	5	2	31	
Починокъ	1	1	2	1	—	5	
Пустошей	17	5	4	19	—	45	
Число помѣщичьихъ дворовъ крест.	7	10	10	6	—	33	

(*) Что былъ починокъ *Костянтиновскій Яр* (Писц. кв. 1629 г. Р. Кирѣвскаго).

(**) Количество лѣсныхъ угодій опредѣлено приблизительно.

Въ нихъ дворовыхъ крестьянъ	13	19	14	13	—	59
Число дворовъ крестьянскихъ	267	161	314	538	170	1450
— — бобыльскихъ	47	69	85	89	—	290
Наличное число крестьянъ	280	173	351	546	170	1520
— — бобылей	50	86	91	98	—	325
Пустыхъ дворовъ (послѣ бѣглыхъ и половенныхъ)	30	32	19	25	10	116
Пашни паханой, перелогу и дикого поля въ четьяхъ, въ трехъ поляхъ	7039 ¹ / ₂	3210 ¹ / ₂	7710	13892	2754	34606 ¹ / ₂
Число копень сѣна, около	10000	5000	8000	17000	5500	45500
Лѣсу хорошаго и дроваднаго десятъ	7000	3000	7500	10000	2000	29500
Весь станъ платилъ въ сошное письмо съ живущаго, съ четей пашни съ	39	19 ³ / ₁₆	41 ¹ / ₂	70 ¹ / ₂	8 ³ / ₄	178 ¹² / ₁₆

Изъ этой таблицы видно, что въ началѣ XVII ст. Уманскій станъ оказывается наиболѣе населеннымъ, наиболѣе поэтому богатымъ пашенными землями и потому наиболѣе же бѣденъ лѣсами. Лишь частые приходы воинскихъ людей препятствовали быстрому развитію его сельскаго хозяйства, которое по всей вѣроятности возникло еще до освоенія Воронежя. Впрочемъ, показанное въ писцовыхъ книгахъ число крестьянъ несомнѣнно далеко ниже дѣйствительности; истинную цифру крестьянъ и бобылей Украина скрывала отъ писцовъ и скрывала по необходимости, потому что большинство изъ нихъ были — *бѣглецы* изъ внутреннихъ областей, какъ увидимъ далѣе.

Если къ этому прибавить еще количество земельныхъ угодій, бывшихъ во владѣніи людей городовыя службы, казаковъ, стрѣльцовъ и др., то получится общая цифра, по которой намъ уже можно будетъ судить о степени развитія сельскаго хозяйства въ Воронежскомъ краѣ въ началѣ XVII в.

Стрѣльцовъ, казаковъ, затинщиковъ, пушкарей и проч. всего гарнизона	664 чел.
У нихъ захребетниковъ и бобылей	96 —
У нихъ угодій:	
1) Гумельъ и огородовъ подгородныхъ	552 чет.
2) Городской пашни и въ прилечахъ	14753 —
Четыремъ сотникамъ казачьимъ и стрѣльцкимъ	200 —
	Всего 15505 ч.
Сѣна копень	29928 к.
Лѣсу хорошаго и строенаго	3000 дес.
Всей пашенной земли къ 1629 г. было:	
Государевой десятинной	200 д.
Монастырской четвертной 1360 четей въ десятъ	2040 д.
Церковной — 649 четей	974 д.
Вотчинниковой 922 ¹ / ₂	1383 д.
Уѣздныхъ помѣщиковъ 34607 четей, или десятинь	51910 д.
Городовыхъ (мелкопомѣстныхъ) 15505 четей или	23258 д.
Всего во владѣніи помѣщиковъ находилось пашенной земли	79765 д.

Подъ гумешниками и огородами (552×7 ч.)	
3864 ч. или	5796 д.
Итого обрабатываемой земли	85561 д.
Сѣнокосовъ и пастбищъ 82896 копенъ или (по 6 к. на д.)	14112 д.
Лѣсу хорошаго и дровайнаго	33245 д.
А всего за помѣщиками было зем. угодій	132918 д.

Слѣдовательно, при общемъ числѣ населенія Воронежскаго уѣзда въ 4000 душъ, въ 1629 году приходилось на каждую:

Пашенной земли	21¼ д.
Луговъ или сѣнокосу	3½ д.
Лѣсовъ	8⅓ д.

А полный средній надѣлъ земельныхъ угодій на одну душу былъ не менше 33 десятинъ. При такомъ щедромъ надѣлѣ воронежскіе землевладѣльцы дѣйствительно имѣли право называться *помѣщиками*, тѣмъ болѣе, что размѣрами своихъ надѣловъ удовлетворялись они до тѣхъ поръ, пока не представлялось надобности, а вѣрнѣе, возможности эксплуатировать огромныя площади, принадлежавшія государству и называвшіяся *дикими полями*, когда это была цѣлина, никому еще не принадлежавшая и — *порозжими* землями, если это было вымороченная или по другимъ причинамъ лишившаяся своего владѣльца земля. Надобность въ *занимкѣ* представлялась тотчасъ же, коль скоро удавалось замануть какимъ нибудь способомъ къ себѣ одного или нѣсколько бѣглецъ, изъ внутреннихъ областей, холопей или вообще пашенныхъ людей разныхъ наименованій, которыхъ тотчасъ же превращали, путями хорошо извѣстными воеводскимъ подъячимъ глубокой старины, въ своихъ *старинныхъ* крестьянъ, бобылей, захребетниковъ, гулящихъ людей, дворовыхъ, задворныхъ, дѣловыхъ, дворниковъ, закладчиковъ, если бѣглець былъ издалека; если же онъ выбѣжалъ изъ одного изъ смежныхъ уѣздовъ, такъ что можно было опасаться, что явится его прежній хозяинъ за нимъ, то его уже не записывали своимъ стариннымъ крестьяниномъ, а держали тайно до первой опасности обнаруженія укрывательства или до окончанія полевыхъ работъ, а затѣмъ бѣглець переходилъ къ другому помѣщику на земныя работы, оттуда къ третьему опять на лѣтнія работы и т. д. что называли *жить бѣгаючи или переходя*.

Внимательное изученіе причинъ невѣроятно быстрого роста и широкаго развитія придонской сельскохозяйственной промышленности приводитъ неизбежно къ заключенію, что край этотъ *обязанъ былъ своимъ процвѣтаніемъ почти исключительно введенному въ Россію въ 1593 г. крѣпостному праву*, такъ что не осуществивъ этотъ законъ, и «польская» Украина надолго оставалась бы малозаселенною и малообразованною пустынею, охраняемою немногими ратными людьми, состоявшими на государенъ службѣ, да и тѣ, вѣроятно, при первой возможности бѣгали бы обратно въ Русь, какъ тогда говорили, на родину; но закрѣпощеніе, прикрѣпленіе къ мѣсту казалось крестьянину страшнѣе Украины со всѣми ея ужасами, не исключая *татарова*. Къ этому времени, тамъ по ниже, на Дону, успѣло уже сформироваться ядро донскаго казачества, и вотъ лишенному свободы крестьянину мерещутся двѣ сильныя приманки, одна привлекательнѣе другой, смотря по склонностямъ, полу и возрасту его. Молодая сила стремились на Донъ *зипуны добузати* —

казаковать, а люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ и мирнаго характера—въ Воронежскій край, гдѣ каждый помѣщикъ принималъ его радушно, поилъ и кормилъ и дорожилъ имъ, лишь бы онъ помогалъ ему землю вспахать. Здѣсь, въ Воронежскомъ краѣ, о закрѣощеніи бѣглеца, въ особенности въ началѣ, рѣшительно нечего было и думать, всѣ знали хорошо мѣстный девизъ «отъ Воронежа до Степь не загорожена», а тамъ—тамъ живутъ степные витязи, Донцы, которые также очень рады новому пришельцу и уже, обратно, требуютъ отъ него, чтобы онъ, пришлецъ, разъ навсегда отрекся отъ мирной жизни и всякихъ мирныхъ занятій, причѣмъ они не справлялись вовсе ни о его религіозныхъ убѣжденіяхъ, ни о степени безупречности его прошлаго. При такихъ условіяхъ донское казачество очень быстро размножилось, причѣмъ оно, такъ какъ въ земледѣіемъ, ни вообще сельскимъ хозяйствомъ не занималось, неожиданно явилось очень крупнымъ и постояннымъ потребителемъ сельскохозяйственныхъ произведеній Воронежскаго края. Привужденная, силою обстоятельствъ, скрывать отъ Московскаго правительства истинную цифру своего уже значительнаго населенія, такъ какъ оно въ числѣ своихъ членовъ считало также и множество раскольниковъ, бѣглыхъ служилыхъ и ратныхъ людей, — казачество и кормленіе свое, *донской отпускъ*, получало въ размѣрѣ, далеко неудовлетворявшемъ дѣйствительныя потребности его и разница эта была настолько велика, что она, эта разница, скоро положила основаніе, а затѣмъ на долгое время обусловила собою цвѣтущее состояніе сельско-хозяйственной промышленности и въ особенности хлѣбной торговли Воронежскаго края.

Вскорѣ и Приволжскіе казаки стали усердными потребителями сельско-хозяйственныхъ произведеній воронежцевъ и торговымъ пунктомъ для нихъ сталъ Царицынъ, гдѣ воронежцы продавали хлѣбъ, *говяжьи сапоги*, епанчи, шапки, сермяжное сукно, яблоки, овощи, деревянную посуду и прочія издѣлія свои, покупали соль — пока почти единственный привозной продуктъ мѣстной торговли съ Югомъ, если не считать рогатый скотъ и лошадей, которыхъ они, въ началѣ впрочемъ, покупали въ значительномъ количествѣ, отъ донскихъ казаковъ, верѣдко огромными табунами и гуртами, *огромленными* послѣдними у калмыковъ и татаръ, а также ткани и пряности, которыя привозили кизылбашскіе купчины въ везначительномъ количествѣ. Торговлю *низовую* самъ Правительство всячески поощряло и даже предписывало придонскимъ воеводамъ пропускать *беспечно* всѣ суда, идущія на Низъ, къ донскимъ казакамъ, съ хлѣбными и иными товарами—не имать съ нихъ никакихъ пошлинъ. Все это вѣсть взятое имѣло самое благотворное вліяніе на развитіе мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, на которой одной пока основывалась вся Воронежская торговля, и о цвѣтущемъ состояніи которой воронежскіе воеводы писали царю Михаилу Федоровичу, что «торговля де на Воронежѣ бываетъ по вся дни». Мы ранѣе видѣли неоднократныя попытки царя Алексѣя Михайловича привлечь сельскохозяйственные произведенія Воронежа къ сѣвернымъ портамъ, для сбыта ихъ заграницею. Вскорѣ и площадь посѣвовъ въ воронежскомъ краѣ значительно расширилась. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича воронежскій уѣздъ платилъ уже въ сошное письмо съ живущихъ 762 четей, вмѣсто прежнихъ 178, которыя онъ платилъ въ 1629 году, слѣдовательно, всей обработанной пашни было уже около полумилліона десятинъ, а

на это необходимы были рабочія руки; не мало требовалось изъ также и для садовъ, гумениковъ, пчеловодства, рыболовства, громадныхъ сѣнокосовъ и па уходъ за многочисленными табунами и стадами, пасшимися по безбрежнымъ степямъ. Откуда же ихъ было брать, если въ рабочихъ силахъ ощущался такой сильный недостатокъ, въ сравнительно благоустроенныхъ внутреннихъ областяхъ тогдашняго Московскаго государства, такъ что отъ недостатка рабочихъ рукъ страдало экономическое благосостояніе государства?

Отвѣтъ на это находимъ въ мѣстныхъ письменныхъ памятникахъ глубокой старины; изъ нихъ видимъ, что воронежцы не брезгали никакими путями и никакими способами, какъ бы они ни были предосудительны съ точки зрѣнія нравственности, для того, чтобы добыть себѣ лишнюю пару рабочихъ рукъ. Обетательство это настолько интересно, что невозможно его пройти молчаніемъ.

Первый составъ *пашенныхъ* людей въ воронежскомъ краѣ несомнѣнно сформировался изъ крестьявъ и холопей, бѣжавшихъ на Довъ отъ крѣпостной зависимости и это *бѣжаніе* началось столь рано, что даже за первый годъ существованія указа о закрѣпленіи уже извѣстно нѣсколько именъ бѣглыхъ холопей, укравшихся въ Воронежъ; но явившись въ Воронежъ, бѣглецу стоило только постучаться въ первое встрѣтившееся по улицѣ слюдяное оконце, затинщика ли, пушкаря, либо козака или стрѣльца, чтобы тотчасъ же превратиться въ *закрѣбтника*, или *бобыля*. Дѣло въ томъ, что перечисленные сословія ратныхъ людей лѣтомъ въ самую страдную пору бывали настолько поглощены государевой службой, что по словамъ одной изъ отписокъ воронежскихъ губныхъ старостъ царю Михаилу Феодоровичу, изъ за этого обстоятельства пришлось предписанный повальный обыскъ отсрочить съ лѣтней поры на зимнюю, за невозможностью собрать въ городѣ очень занятыхъ службою ратныхъ людей. При такихъ условіяхъ жизни и при такихъ тяжестихъ укривской службы стрѣльцу или казаку—что оставалось дѣлать съ своими 7—10 четями пашни, данными взамѣвъ жалованья не только на прокормленіе, но и на уплату нѣкоторыхъ лежавшихъ и на нихъ повинностей? Когда пахать, когда орать и когда хлѣбъ собирать, когда не только за воинскими людьми *гонять*, но по недѣлямъ по уѣзду, покивая городъ, въ помощь губному старостѣ, или цѣловальнику, приставу или еще кому нибудь для поимки воровъ, татей, убійцовъ, недомыщниковъ и мало ли кого еще *изымать* ходить приходилось? А то и вовсе съ самой весны, *какъ снѣгъ съ поля сойдетъ*, пошлютъ на все лѣто въ *донской отпускъ*, либо встрѣчать или проводить, турскихъ либо крымскихъ, пословъ, — кому тогда пашню пахать, чтобы голодною, студенною смертію не помереть? Съ нетерпѣніемъ дожидается стрѣлецъ или казакъ, пушкаръ или затинщикъ этого стука въ слюдяное оконце... Съ другой стороны, собирающіеся бѣжать на Довъ, съ Вологды ли, Новгорода, Москвы, Ярославля, или изъ другихъ городовъ, впередъ уже знаетъ, что его тамъ ожидаетъ. Слухъ о привольной жизни на польской Украинѣ, гдѣ всякихъ харчей можно ѣсть съ *доволствомъ*, гдѣ крѣпостными *сильно* не крѣпостятъ, а въ случаѣ надобности въ низовые городки сбѣжать можно *показаковать*, — уже давно пронесся по всей матушкѣ Россіи — и начались побѣги въ колоссальныхъ размѣрахъ, о чемъ ваглядно свидѣлствуютъ сохранившіеся многія тысячи челобитенъ и дѣлъ о розыскѣ бѣжавшихъ на Довъ разныхъ Парфисекъ, Паршиковъ, Едешекъ съ

жонками Марьянками да Дарьянками и съ дѣвками Малашками да Парашками и съ *сносными* животы. Къ престымъ стрѣльцамъ да пушкарямъ обыкновенно являлись одинокіе или бѣжавшіе отъ семейства, въ надеждѣ поджиться на Воронежѣ и, выждавъ удобный моментъ, бѣжать далѣе, на Донъ, гдѣ уже устроившись окончательно, дожидаться семьи. Случалось притомъ нерѣдко и такъ, что въ условія договора входило обязательство со стороны стрѣльца или казака, въ силу котораго послѣдніе обязывались послѣ окончанія урочной службы, своими средствами, бѣглецовъ *свести* на Донъ, снабдивъ ихъ предварительно всѣмъ необходимымъ; но при этомъ, какъ видно изъ сохранившихся дѣлъ XVII в., случалось также нерѣдко, что проводивъ бѣглеца, по окончаніи условленнаго срока полевыхъ работъ, подъ предлогомъ на Донъ, до ближайшаго лѣса, находившагося за слободою Придачею, хозяинъ — стрѣлецъ или казакъ — *терлал* ихъ, т. е. убивали несчастныхъ въ лѣсу, ограбивъ послѣдніе пожитки. Дѣлалось же это не ради одной только наживы, которая обыкновенно бывала не велика, но главнымъ образомъ потому, что за проводы на Донъ полагалось несравненно болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ за укрывательство бѣглаго; *потерявъ* же ловко несчастнаго, убійца избавлялся навсегда отъ какого бы то ни было преслѣдованія, лишь бы послѣднее преступленіе осталось сокрыто.

Иное дѣло, когда бѣглець, одинокій или семейный, попадалъ къ *уездному* помѣщику, куда принадлежали бѣломѣстные атаманы, дѣти боярскія, воронежцы-дворяне и высшіе чины воронежской администраціи, воеводы, губные старосты и сотники казацкіе, а также монастыри, за исключеніемъ, какъ намъ кажется вотчинниковъ, которые повидимому неохотно принимали бѣглыхъ, вѣроятно изъ опасенія лишиться *наследственнаго* имѣнія изъ за этихъ бѣглецовъ.

Эти уездные помѣщики принимали бѣглеца съ распростертыми объятіями и если онъ бывалъ одинокій, то всѣми силами старались поскорѣе его женить на своей дворовой дѣвкѣ, считая приѣмъ этотъ вѣрнѣйшимъ и цѣлесообразнѣйшимъ для приврѣженія бѣглеца къ мѣсту. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно по документамъ мѣстныхъ архивовъ, этимъ путемъ помѣщики очень часто достигали цѣли: какая бы ни была подвизная натура — *«непосѣда»* — разъ только помѣщику удавалось бѣглеца *женить во дворъ* къ какому нибудь изъ своихъ крѣпостныхъ, какъ пришлецъ уже становился *крѣпкимъ мѣсту*, и обратно, убѣгалъ всякій, если сосѣднему помѣщику удавалось только смануть или подговорить къ побѣгу жену пришльца. Эта черта характера русскаго народа была, повидимому, хорошо знакома Правительству, ибо для возвращенія изъ бѣговъ сошпыхъ или тяглыхъ людей обыкновенно *метали* въ тюрьму ихъ женъ и мѣра эта, какъ видно изъ дѣлъ XVII в. часто оказывалась дѣйствительною. Но откуда брались эти *«дѣвки»*? Крайняя нужда въ рабочихъ рукахъ изощрила изобрѣтательность воронежскихъ землевладѣльцевъ. Они скупили молодыхъ *поломянокъ*, т. е. взятыхъ къ плѣнъ дѣвочекъ, обыкновенно крымскихъ, кубанскихъ, а въ особенности цѣнились, вѣроятно по привлекательности, астраханскія, крестили въ православную вѣру и воспитывали ихъ въ семействахъ своихъ крестьянъ. Дѣвочки росли и привязывались къ своимъ хозяевамъ настолько, что убѣгали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, развѣ сманенныя приглянувшимися пріѣзжими донцами, которые почасту посѣщали воронежскій край съ разными, торговыми и другими цѣлями, а между прочими и съ этою; кста-

ти замѣтимъ, что допцы были причиною значительной эмиграціи воронежскихъ женщинъ на Довъ...

Менѣ охотно принимались семейные, а въ особенности бѣглыя жонки, но все таки принимались и они, — такъ велика была нужда въ рабочихъ рукахъ, но при этомъ по возможности избѣгали женить своихъ бѣглыхъ на дѣвкахъ изъ *выбѣжившихъ* семей, по вышеуказанной причинѣ.

Но если такъ былъ великъ спросъ на рабочія руки у уѣздныхъ помѣщиковъ, то какиѣ долженъ былъ онъ быть со стороны монастырей воронежскаго края, хозяйства которыхъ были не только гораздо обширнѣе, но и многосложнѣе чѣмъ хозяйства мірскихъ землевладѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, помимо весьма значительныхъ вотчинныхъ пашень, въ монастырскомъ хозяйствѣ требовалось не мало рукъ и для содержанія дворовъ: гостиннаго, служебнаго, конюшеннаго, животиннаго, пчельнаго, коровьяго, бивнаго, погребнаго и ледничнаго; у нихъ были дворы квасоваровъ, свѣчниковъ, воскобойниковъ, хлѣбопековъ, проскурнины (просварни), кузнецовъ, плотниковъ и дѣловыхъ людей, т. е. ремесленниковъ и мало ли еще какиѣхъ.

Монастыри поэтому и отличались наибольшимъ гостепріимствомъ въ отношеніи всякихъ *странниковъ* и *странницъ*, какими бѣглецы съ Руси холопи себя рекомендовали. Этимъ мнимымъ странникамъ безъ дальнѣйшихъ околичностей предлагали остаться при монастырѣ навсегда, яа что тѣ тѣмъ охотнѣе соглашались, что жизнь на монастырскихъ хлѣбахъ наиболѣе соотвѣтствовала вкусу бѣглыхъ сошныхъ людей, о чемъ особенно заботилась монастырская братія, по причинамъ нижеуказаннымъ. Выразившаго желаніе оставаться навсегда при монастырѣ немедленно пристраивали къ какиѣмъ либо занятіямъ по сельскому хозяйству, сообразуясь съ поломъ, возрастомъ, позваніями и происхожденіемъ бѣглеца. Стариковъ обыкновенно пристраивали въ пастухи, къ конскому или животинному стадамъ, ремесленники становились *дѣловыми* людьми по своей специальности: кузнецами, плотниками, иконописцами и проч., очень молодые, притомъ лишившіеся родителей попадали въ монастырь *на воспитаніе*, взаимнѣе чего всю жизнь до сѣдыхъ волосъ работали, оставаясь въ несмѣнномъ званіи *дѣтеныша*; женщины обыкновенно становились коровницами, хлѣбопеками, огородницами и вообще помогали въ полевыхъ работахъ и наконецъ ничего спеціально неумѣвшій бездомный людъ попадалъ въ монастырскіе *бобыли кормилціе*. Никакихъ проѣзжихъ памятей или другихъ письменныхъ документовъ не спрашивали у странника. — «Какъ тебя имя?» спросятъ его. — «Зовутъ меня Оюнка, а прозвище мѣ Насѣдка», отвѣтитъ не смущаясь нежданый, но желанный гость, и монастырская братія безъ дальнѣйшихъ разбирательствъ, не задумываясь, заноситъ пришельца въ монастырскую книгу, то въ дворовые, то въ пашенные люди, смотря по обстоятельствамъ; но не только съ курьезными, вымышленными прозвищами, въ родѣ Насѣдки, Бобыленка, Старого, Сова, Порозжева-Брюха и проч. принимались монастырскою братією, но даже бѣглыхъ поповъ не стѣснялись записывать въ число монастырскихъ *работниковъ*, причѣмъ прямо отмѣчалось что попп — *бѣглой*. Религіозныя ли убѣжденія, либо экономическія соображенія руководили въ данномъ случаѣ писцами и украинными воеводами, только они этихъ погрѣшностей въ отношеніи закона не замѣчали или замѣчать не хотѣли.

Но если монастыри съ этой стороны не опасались государевыхъ псѣдовъ и украинныхъ воеводъ, то всетаки имъ приходилось наблюдать зорко, *небрежманнымъ окомъ затымъ*, чтобы ихъ «крестьянинецъ и бобыльство» не сманили разные помѣщики или другіе монастыри, а въ особенности Боршевской, имѣвшій въ глазахъ бѣглыхъ пашенныхъ и другихъ людей то преимущество, что находясь на самомъ рубежѣ уѣзда, представлялъ болѣе легкую возможность *уходомъ уходить* на Довъ, въ случаѣ собственного желанія или преслѣдованія со стороны Правительства. А это случалось въ особенности тогда, если крестьянинъ *выбѣгалъ* изъ вотчины какого нибудь влиятельнаго, знатнаго боярина или князя. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ разыскивали *всякими сыски накрѣпко*, бѣглеца не спасали ни монастырскій погребъ, ни слѣдовательно монастырскія стѣны; но если нельзя было безъ явнаго риска укрывать бѣглыхъ, принадлежавшихъ людямъ *лучшимъ и полнымъ*, за то безслѣдна и безнаказанна оставалась *утайка* крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ за людей *молодыхихъ* (*). Украина эта прекрасно знала, и поэтому избѣгала принимать патриаршихъ, вѣжескихъ и боярскихъ холопей и крестьянъ, почему послѣднимъ оставалось лишь одно изъ двухъ: либо приписаться въ ратные люди и служить государеву службу съ городомъ, либо—уходомъ уходить на Довъ. Всего труднѣе приходилось въ этомъ отношеніи мелкопомѣстнымъ землевладѣльцамъ, разнымъ дѣтямъ боярскимъ, которымъ нельзя было попадѣться ни на свою *мочь*, чтобы захватить чужихъ крестьянъ *насилствомъ*, ни на свои *статки*, чтобы привлечь къ себѣ охотниковъ *добродѣтелию*; вообще человеку *скуднему, непрожиточному* трудно приходилось справиться въ особенности въ урожайные годы. Поэтому вѣрѣю случалось и такъ, что поверстанному похвѣстемъ *новому* сыну боярскому родные его братья, по необходимости, закрывали крестьянъ.

Между тѣмъ побѣги крестьянъ изъ внутреннихъ областей достигли дотолѣ неслыханныхъ размѣровъ; провѣдавъ о привольной жизни *на Степи*, а въ особенности среди Донцевъ, крестьяне, бѣгавшіе до сихъ поръ въ оляночку и отдѣльными семьями, стали уходить на Довъ толпами, такъ что цѣлыя вотчины опустѣли. Со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы и челобития, слѣдствіемъ чего былъ строжайшій приказъ украиннымъ воеводамъ сыскивать на Дову бѣглыхъ всякими сыски, а сыскавъ, возвращать ихъ прежнимъ помѣщикамъ. Однако временно съ этимъ былъ отправленъ въ Воронежъ князь Шаховской съ специальнымъ порученіемъ—сыскивать и ловить бѣглыхъ. Результаты этихъ розысковъ оказались самые плачевные: огромная масса пашенныхъ людей, занимавшихся мирно своимъ ремесломъ, провѣдавъ о преслѣдованіяхъ противъ нихъ, покинули свои земледѣльческія занятія и двинулись, къ допскимъ казакамъ, зашбивъ мирный плугъ острую саблю. Для сельскаго хозяйства воронежскаго края это былъ ужасный ударъ; не принесла эта ловля крестьянъ пользы и внутреннимъ областямъ; единственно, кому она послужила въ пользу, это были городъ Ливанъ, а въ особенности Елецъ съ ихъ уѣздами. Дѣло въ томъ, что

(*). Въ грамотѣ царевича Алексѣя Алексѣевича воронежскому воеводѣ Непейцину предписывается бѣглыхъ боярскихъ холопей, пойманныхъ на Воронежѣ или уѣздѣ, — *вешать*, а воронежцевъ, которые ихъ будутъ таить—бить *батою* нещадно по первому разу, а если это случится другое, то бить ихъ *кнутомъ*, чтобы на то смотря, ними неповадио было такъ воровать.

двинувшись на *Низъ*, какъ тогда выражались, многотысячная толпа бѣглецовъ значительно увеличила собою число *хлѣбожцевъ* — потребителей воронежскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, лишивъ своихъ вынужденнымъ и ввезеннымъ уходомъ воронежцевъ возможности удовлетворить не только увеличенный, но и прежній спросъ на хлѣбъ; этимъ моментомъ удачно воспользовались Ливенскіе и Елецкіе торговые люди, будары которыхъ *по вся дни* стали возить хлѣбъ мимо воронежскихъ заставъ къ вящему горю воронежцевъ, которые въ свою очередь били челомъ великому государю съ великою доукою о своемъ безвыходномъ положеніи и всеконечномъ разореніи, что они предъ всѣми оскудѣли и опасаются отъ многія нападки въ конецъ разориться, государевой службѣ отбыть и рознь брести, — чтобы, великій государь смилословался, — не велѣлъ разорять. Вслѣдствіе чего послѣдовалъ въ 1625 г. указъ, въ силу котораго, крестьянъ, выбѣжавшихъ болѣе чѣмъ *за пять лѣтъ до подачи челобитны* требовать обратно уже нельзя было, а если пяти лѣтъ еще не протекло, то воевода обязавъ былъ сыскавъ бѣглаго, поставить его «съ очей на очи и въ крестьянствѣ дать судъ и всякими смыки на крѣпко сыскивать, а по сыску учинить указъ виравду, по государеву указу, безволочитно, до чего доведетца».

Настало тяжелое время для сельской промышленности воронежскаго края, а тутъ, — точно нарочно — кто-то пустилъ слухъ, что на Дону въ казачьихъ городкахъ моровое повѣтріе, что народъ весь почти отъ него вымираетъ. Встрѣженная этими вѣстями администрація разставила заставы и строжайше воспретила ѣздить на Донъ съ хлѣбными и иными припасы. Два торговыхъ челоука было уже прокрались мимо заставъ, но ихъ поймали и били батоги нещадно, *разоболокши*, вслѣдствіе чего послѣдній путь сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній былъ временно закрытъ для Воронежцевъ.

Крайняя нужда въ рабочихъ подвинула воронежцевъ на крайнія мѣры къ приобрѣтенію ихъ; дошло до того, что стали прибѣгать къ открытому насилию. Многіе и очень многіе, надѣясь на свою мочь, вооруживъ всѣхъ своихъ родственниковъ и хлѣбожцевъ и дворню, дѣлали нападенія на болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи сосѣдей, а то отправлялись и въ дальнія вотчины и помѣсья, причемъ дѣло нерѣдко доходило до *огненаго* боя, не говоря уже о копьяхъ, бердышахъ, рогатинахъ и ослоньяхъ, забирали крестьянъ съ женами и дѣтьми и увозили къ себѣ *сильно*, своимъ озорничествомъ; пока судъ рѣшалъ дѣло, — лѣто приходило къ концу, наступала осень, въ теченіи которой заканчивались не только полевая работы, но и молотьба, почему хищникъ спѣшилъ возвратитъ обратно заграбленныхъ крестьянъ, не столько потому что въ нихъ уже миновала надобность, а главнымъ образомъ дабы *очистить* себя предъ судомъ. Съ этого времени началось здѣсь насильное закрѣпощеніе не только крестьянъ, но вообще всякаго *немочнаго* челоука, гдѣ только можно было надѣяться, что сойдетъ безваказанно, разныхъ гулящихъ людей, посадскихъ и торговыхъ. Для характеристики этого времени достаточно будетъ привести одного — два примѣра изъ великаго множества *озорниковъ*, подливавшихся въ этомъ поприщѣ. Возьмемъ хотя бы дѣло знаменитаго украинскаго озорника Бориса Завѣсна, заключавшееся въ слѣдующемъ. Въ концѣ XVII ст. билъ челомъ на Воронежѣ стольнику и воеводѣ Грибоѣдову усманецъ Олишій Лебедевъ, а сказалъ: дѣдъ де и отецъ его были донскіе казаки, а отецъ его,

пришедъ на Воронежъ, женился у помѣщика Андрея Кобелева на дворовой его татаркѣ, астраханкѣ и—умре. Челобитчикъ, оставшись въ малыхъ лѣтахъ, прожилъ послѣ этого 15 лѣтъ у Кобелева, который умирая, приказалъ братьямъ и женѣ дать челобитчику отпусковую. Получивъ отпусковую, челобитчикъ продолжалъ служить вдовѣ покойнаго *по добродѣтели*, т. е. добровольно. Затѣмъ онъ Олимпій былъ отправленъ воеводою вѣстѣ съ другими въ сторожа за городъ и въ его отсутствіи В. Завѣснѣ насильствомъ увезъ его жену, дѣтишекъ и животы. При содѣйствіи своей прежней помѣщицы, Олимпій выхлопоталъ себѣ грамоту о возвращеніи ему увезенной *сильно* семьи и съ грамотою въ кармаиѣ отправился къ Завѣснѣ. Выслушавъ смѣлое требованіе простодушнаго и поведимому честнаго О. Лебедева, возвратить ему заграбленную семью и животы, Завѣснѣ разсвѣрѣлъ, кинулся на несчастнаго, избилъ его до полусмерти и *держалъ въ желѣзахъ* взаперти и былъ до тѣхъ поръ, пока не вымучилъ у полуживаго Олимпія и грамоту и отпусковую, а затѣмъ, уже покорнаго, отправилъ на полевныя работы. Такъ какъ такихъ жертвъ было у Завѣсина не мало и всѣ они достались ему безваканно, то и на этотъ разъ сошло бы, если бы о судьбѣ несчастнаго Лебедева не позаботилась семья дворянъ Кобелевыхъ, также сильныхъ своимъ вліяніемъ. Они добились *розсѣлки*, т. е. слѣдствія по этому дѣлу, которымъ обнаружено еще 9 случаевъ насильственнаго закрѣпощенія однихъ только служилыхъ людей, не считая другихъ незаконныхъ путей пріобрѣтенія крестьянъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгалъ Завѣснѣ. При дѣлѣ оказалась слѣдующая роспись.

- 1) Солдатскій сынъ Микита Никифоровъ; выдалъ онъ, Борися, за него дворовую свою дѣвку.
- 2) Меркуль Потановъ (свезъ) изъ Тамбова.
- 3) Козацкій сынъ Ивашко Ѳедоровъ; выдалъ за него крестьянскую свою дѣвку.
- 4) Города Добраго драгунскаго сына Севьку; выдалъ онъ, Борися, за него крестьянскую свою дѣвку.
- 5) Города Воронежа солдатской сынъ Кирюшка Толкачовъ; женилъ его насильствомъ.
- 6) Того же города Воронежа съ *отпускными* Пронку Сергѣева да Ивашку Груня съ женою и съ дѣтми.
- 7) Солдата Кирѣя Толкачова сынъ, Ивашку Зиновьева Черкашенина, города Воронежа солдатъ: Ивашку Ѳитова, да Зотку Тимоѣева да Демки Шаталова, да Ваську Волкова.
- 8) Усманцевъ: Петрушку Ушина, Севьку Ламенка, Серезку Карганца.
- 9) Города Сокольска солдата Зотку Щокина.

Сохранилось множество челобитвенъ почти одинаковаго содержанія. Всѣ они наполнены жалобами на временное или вѣчное присвоеніе крестьянъ. Въ одномъ случаѣ жалуются, что такой-то челобитчиковыхъ крестьянъ «разоромъ разорилъ и нападками нападалъ»; въ другомъ, что вѣкто завладѣлъ его крестьянами и крестьянскими доходами; въ третьемъ, что сосѣдъ у челобитчиковыхъ крестьянъ не только отнималъ *сильно* лошадей и всякую рухлядь и скотину, но и за дѣвокъ, дочерей челобитчиковыхъ крестьянъ, себѣ выводилъ ималъ, наконецъ въ четвертомъ случаѣ озорничество сосѣда доходитъ до того, что онъ крестьянамъ на своего помѣщика работать не велитъ а слушать его ни въ чемъ

на велить и скотину многую и поборы всякіе сосѣдъ съ крестьянъ челобитчи-
ма ималъ на себя и всякую работу велить работать на себя», и т. д. Всѣ
эти челобитни оставались безъ послѣдствій, по причинамъ въ нихъ же указан-
нымъ т. е. или: «воевода ималъ посулы многіе», или онъ «чинилъ многія воло-
каты дружа отвѣтчику» или же вообще «воровя отвѣтчику для своей без-
дѣльной корысти и для многихъ его взятковъ». Но бывали и исключенія,
это именно случалось, когда, какъ говорилось, «дѣка на дѣку нашѣлъ». Какой
набудь *всему уязду вѣдомый озорникъ*, сгоряча, открыто заграбить одного или
нѣсколькихъ крестьянъ у очень знатнаго и полнаго человѣка или же у дру-
гаго озорника, который не одному, а двумъ уздамъ вѣдомъ своимъ *художес-
твомъ*, вотъ тутъ то бывали курьёзы. Необходимо замѣтить, что черезчуръ частые
набѣги крестьянъ вызвали со стороны Правительства соотвѣтственно строгія
мѣры, какъ противъ бѣглыхъ крестьянъ, такъ и противъ принимавшихъ и
укрывавшихъ ихъ помѣщиковъ, поэтому кончаты подобныя дѣла миромъ, *по-
говоря межъ себѣ полюбовно*, считалось недостаточнымъ, почему увертлив-
ные озорники прибѣгали къ такой хитрости: чтобы избавиться отъ судебного
преслѣдованія, заграбившій чужихъ крестьянъ отправлялся къ обиженному вла-
дѣльцу ихъ, оказавшемуся сильнѣе его и предлагалъ ему взаимѣ каждаго не-
законно захваченнаго крестьянина — двухъ или трехъ и даже болѣе, смотря по
испугу, своихъ крестьянъ, или же если своихъ крестьянъ не было, то платилъ
валычными деньгами, но при этомъ въ кучей писалось: въ первомъ случаѣ,
что вымѣниваются валычные крестьяне на *бѣглыхъ*, а во второмъ, что такой-
то купилъ у такого-то его *бѣглаго* крестьянина. Приведемъ для примѣра вы-
держку изъ одного подобнаго документа отъ 1650 г. «... подъячій Петръ Иса-
новъ поступилъ Гаврилу Гендлину поступного своего человѣка Саву Ми-
хайлова, котораго (ему) поступилъ Матвій Ивановъ сынъ Кисловской — за
долговые его Гаврилова деньги за пять рублей. А *тотъ мой человекъ*
Сава въ бѣгахъ и того моего крѣпостного человѣка ему Гаврилу *изъ бѣговъ*
выскивать самому а которая на того моего человѣка Саву была
прежняя крѣпость, и ту крѣпость отдалъ я Петръ ему Гаврилу. А буде онъ
Гаврило того моего Петрова поступного человѣку Саву *изъ бѣговъ не си-
щитъ*, и ему Гаврилу вмѣсто того человѣка Савы на мнѣ Петръ и на жентѣ
моей и на дѣтѣхъ того человѣка и долговыхъ своихъ вышенисаныхъ денегъ
не спрошатъ и не искать....» Смыслъ этого документа таковъ, что у не-
сильнаго, но жаднаго Гендлина былъ взятъ обратно заграбленный крестьянинъ,
а за несообразительность его взято *пять рублей* денегъ, для того чтобы впредь
не повадно было человѣку не полному и не мочному такъ воровать: хватать
крестьянъ у самаго подъячего, да еще Преображенскаго Приказу.

Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и безъ того довольно ощутительный часто
и неожиданно усиливался вслѣдствіе какихъ либо политическихъ осложненій,
вызванныхъ разными историческими событіями. Таковыми, напримѣръ, были
опустошительные набѣги на украинные города Крымской, Ногайской или Ку-
бавской орды, отдѣльно или вмѣстѣ, производившіеся иногда съ цѣлю грабежа
и для захвата полоняниковъ, а иногда также и по велѣнію Салтанова вели-
чества, съ которымъ вѣсь сорили западные сосѣды; или же, въ случаяхъ вой-
ны съ послѣдними, когда вабиралось великое множество *посѣхи*, которой еще

въ XVI столѣтїи Иванъ Васильевичъ выводилъ въ поле коневой и пѣшей свѣше 80,000 чел. Царь Алексѣй Михайловичъ, лишь только вступилъ на престоль, какъ началъ готовиться къ пойнѣ съ Литвою. Въ апрѣлѣ 1648 г., т. е. вскорѣ послѣ свѣтлаго праздника, когда въ Воронежскомъ краѣ приступили къ полевымъ работамъ, вдругъ была получена грамота царя старостамъ, цѣловальникамъ и крестьянами сельъ Вѣла-Колодези и Карамышева съ приселками и деревнями, что по государеву указу имъ, крестьянамъ, *впредь не велено быти за помѣщики, а велено быти съ драгунской службѣ*, подъ вѣдѣніемъ Ивана Ртищева въ Сокольскѣ. Этою грамотою крестьяне упомянутыхъ сель и деревень были навсегда освобождены отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, *чтобъ тѣмъ къ службѣ полнитца*. Этою грамотою далѣе предписывалось, чтобъ они, крестьяне, государевою милостию были въ драгунской службѣ, у Ивана Ртищева, во всемъ слушали, то есть въ драгунскомъ ученїи и подъ судомъ у него были, а для государевой службѣ были бы есте ковыи съ пищальми и со всякимъ драгунскимъ строенїемъ, да къ пищалемъ держали по рогативѣ, да по топору. А которые пашни и всякія угодья за вами, и вы бы тѣми пашнями и всякими угодьями владѣли по прежнему и жили смирно и пашни свои пахали и хлѣбъ сѣяли и къ нашей драгунской службѣ были готовы...

Такимъ образомъ, вслѣдствіе возникшихъ тогда политическихъ осложненій, немало воронежскихъ сель и деревень были превращены въ военные поселенія, причѣмъ нѣсколько сотъ пашенныхъ крестьянъ, неожиданно превращенныхъ въ драгунъ, уменьшили собою на нѣсколько сотъ человѣкъ число различныхъ рабочихъ рукъ и настолько же увеличили потребность въ послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что хотя въ грамотѣ и сказано «выбъ пашни свои пахали и хлѣбъ сѣяли», но едва-ли предполагалось своими руками, ибо пововсначеннымъ драгунамъ обязательно было все лѣто, *какъ снегъ съ полъ соидетъ*, изучать довольно хитрую для того времени драгунскую науку: вѣдать хорошо верхомъ, гораздо прочно въ сѣдлѣ сидѣть, биться и стрѣлять ковному рогативой и пищалью и управляться пищалью сѣвшившись, а также и обучаться саперному искусству, — управляться топоромъ. Когда тутъ было полевыми работами заниматься?

Неблагопріятное для сельскаго хозяйства воронежскаго краѣ, это событіе, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно важно и интересно для исторїи развитія военнаго дѣла на Руси. Дѣло въ томъ, что подъ главнымъ начальствомъ искуснаго въ воинскомъ дѣлѣ Ивана Ртищева находилось, кромѣ упомянутыхъ, еще много военныхъ поселеній, расположенныхъ по близости его полковой квартиры — Сокольска. Въ нашей исторїи это кажется, первый примѣръ образованія и сосредоточенія постоянного и регулярнаго войска драгунскаго строя въ Заочкой Руси, вполнѣ ствїи вполнѣ оуправлявшаго возглавлявшаго на него надежды: прекрасно обученные Ртищевымъ, закаленные въ схваткахъ и преслѣдованїяхъ разныхъ воинскихъ людей, драгуны эти, семь лѣтъ спустя, предводимые самимъ царемъ, покрыли себя славой, шествовали отъ побѣды къ побѣдѣ и, можетъ быть, во оданѣ *литовскїй* городъ былъ взятъ, благодаря имъ. По крайней мѣрѣ, когда въ 1672 году пришлось возвратитъ *поллкамъ польскїа и латынскїа печати книги и всякіа письма, которїа во время войны ратные люди поймали*, то обратилсь за ними въ Воронежскїй краѣ, гдѣ ихъ дол-

го розыскивали. Затѣмъ, даже въ самый разгаръ Разинской смуты знатныхъ лицъ, командированныхъ государемъ на Нязь, т. е. въ мѣстности на Дону ниже Воронежа, а также и смѣщенныхъ воеводъ, возвращавшихся съ отчетомъ въ Москву, конвоировали, по указу, военные отряды только до Вѣла-Колодеза, отсюда мѣстность уже считалась безопасною.

Но если съ одной стороны отъ этого выпирывало государство, за то съ другой еще болѣе увеличилась мѣстная нужда въ рабочей силѣ, ибо спросъ на сельско-хозяйственные продукты со стороны юга и востока все болѣе и болѣе увеличивался, а вмѣстѣ съ этимъ становилось все болѣе и болѣе выгоднымъ удовлетвореніе его: съѣстные принасы замѣтно поднимались въ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ ними дорожали домашній скотъ и земля, все это къ срединѣ XVII ст. уже удвоилось въ цѣнѣ, даже земля, продававшаяся въ концѣ XVI в. по 20 коп., въ началѣ XVII—50 к., продавалась къ этому времени по 1 р. и по 2 р. за четь, за исключеніемъ орловскихъ земель и имъ подобныхъ, которыя ни за какія цѣны не покупались до самаго конца почти XVII в., за безащитностью ихъ отъ все еще продолжавшихся воинскихъ набѣговъ. Вслѣдствіе всего этого стали изыскивать новые пути, чтобы избавить свои земли отъ лежанія *въ пусть*, — и многіе помѣщики, за недостаткомъ собственныхъ крестьянъ, прибѣгли къ двумъ новымъ способамъ: 1) обработкѣ земель посредствомъ вольнонаемнаго труда и 2) сдачѣ земель въ арендное содержаніе. И то и другое оказалось скоро настолько выгоднымъ, что множество посадскихъ и чернослободцевъ *тяглыхъ* людей, покивая разные города, со всѣхъ сторонъ устремились сюда въ Воронежскій край, гдѣ для огражденія себя отъ преслѣдованія со стороны Правительства, во множествѣ стали записываться у помѣщиковъ *въ закладчицкихъ*, то *во крестьянскихъ*. Нашли въ этихъ бѣглыхъ тягловъ въ Воронежскій край былъ до того великъ, что въ 1642 г. состоялось распоряженіе о строжайшемъ разслѣдованіи на Воронежѣ: «въ которомъ году они вышли и гдѣ кто ими живеть, въ какихъ чинѣхъ и за кѣмъ, во крестьянскихъ или закладчицкихъ?» Строгий розыскъ князя В. Г. Ромодановскаго, которому онъ былъ порученъ, обнаружилъ, что это явленіе далеко не новое; что впервые его начали практиковать монастыри, принимавшіе къ себѣ на житье разныхъ странниковъ еще въ исходѣ XVI столѣтія и что оно продолжалось безпрерывно; но замѣтно стало лишь недавно, когда вынужденные силою обстоятельствъ, въ XVII ст. воронежскіе помѣщики стали прибѣгать къ вербованію пашенныхъ людей изъ бѣглецовъ, значительно усилившему эмиграцію. Потребованіе къ допросу, эти закладчики и крестьяне, хотя и признали себя посадскими и чернослободцами тяглыми, но воронежскими же, а не бѣглыми, и утверждали, что жили въ Воронежѣ, до 1613 года. Это было своего рода хитрость: они прекрасно знали, что за періодъ времени, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ *смутнаго*, не только въ Воронежѣ, — въ самой Москвѣ не умѣли разобратся. Ромодановскій такъ и донесъ; но этимъ дѣло не кончилось. Вопросъ былъ слишкомъ серьезенъ, въ немъ было заинтересовано слишкомъ много пострадавшихъ собственниковъ, людей полныхъ и знатныхъ, чтобы дѣло обошлось безъ борьбы. Въ ноябрѣ того же года кн. Ромодановскій получая вторично, болѣе строгое предписаніе, обыскать накрѣпко всѣхъ чиновъ людьми, архимандритами и игумена и протопопы и попы и дяконы по священству, а старцы по ино-

чекому обществу, а дворяне и всё прочее по государеву крестному цѣлованію, — тѣ люди, которые въ росписи воронежцовъ посадскихъ и чернослободцевъ тяглыхъ людей написаны будутъ, со 121-го года на Воронежѣ на посадь и въ Черной слободѣ жили ль? И въ тяглы были ль? И козь давно они съ Воронежа съ посаду и съ Черной слободы и съ тягла и въ которомъ году вышли и гдѣ кто нынѣ живеть, а *распроса ихъ*, потому ужъ *про нихъ* велѣно *обыскать* всякихъ чиновъ людьми большимъ повалнымъ обыскомъ: тѣ люли сколь давно и *отку-ль* хто пришелъ и за кѣмъ они нынѣ живуть? и которые бѣглые посадскіе и чернослободскіе тяглые люди . . . въ слободахъ, за монастыря или за нашими бояры и за дворяны и всякихъ чиновъ за служилыми людьми закладчиковъ и крестьянъ и на ихъ дворахъ дворниковъ и на церковныхъ земляхъ бобылей и захребетниковъ и всякихъ ремесленныхъ и торговыхъ людей росписей долженъ былъ представить князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій, но онъ даже и *по многимъ присылкамъ отовѣта никакого* не присылывалъ, какъ его напрасно и незаслуженно упрекають дальѣйшія повторныя грамоты. Дѣло въ томъ, что рѣшить задачу эту было гораздо труднѣе, чѣмъ полагаали въ Москвѣ, не только вслѣдствіе громадности района или многочисленности населенія, но главнымъ образомъ потому, что въ неразрѣшеніи этой задачи были одинаково заинтересованы всё слою мѣстнаго общества и всё сословія мѣстнаго населенія, да и самъ князь Ромодановскій, мѣстный воевода, человекъ недюжиннаго ума, съ честью «прогodoвавшій» въ Воронежѣ нѣсколько лѣтъ, невольно держалъ сторону подвѣдомственнаго ему края, прекрасно понималъ, что законна-ли или нѣтъ эта привилегія великаго множества тягловцевъ къ помѣщикамъ, но удалить ихъ обратно, значить разорвать край, уничтожить его сельскохозяйственную жизнь, притомъ — безъ всякой пользы для государства, ибо стоило только начать преслѣдованіе и — «отъ Воронежа до Стенъ не загорожена»: многія сотни, а можетъ быть и тысячи мирныхъ доселѣ хлѣбопашцевъ пустились бы *козаковать*. Такими то путями формировалось сельское населеніе воронежскаго края въ продолженіи 17-го столѣтія. Что касается наемныхъ рабочихъ, то имъ платили или погодно, отъ 1 до 3 рублей, или же помесячно отъ 6 и до 20 алтынъ, причеиъ харчи бывали всегда хозяйскіе; выдавалось обыкновенно точно опредѣленное количество ржи, толокна, крупы и соли на извѣстный срокъ. Наемъ рабочихъ погодно намъ ни разу не встрѣчался.

Относительно обращенія придонскихъ помѣщиковъ-дворянъ со своими крѣпостными можно сказать, что за весьма рѣдкими исключеніями, оно всегда отличалось мягкостью и человечностью. Во всѣхъ трудныхъ минутахъ жизни, какъ голодъ, эпидеміи, пожары, а въ особенности, вслучаѣ обиды со стороны равныхъ сильныхъ людей, помѣщики постоянно являлись горячими защитниками интересовъ своихъ крестьянъ, яхъ энергичными покровителями, какъ это мы выше уже видѣли въ примѣрѣ Лебедева; съ своей стороны и крѣпостные имъ отвѣчали тѣмъ же. Сохранялось нѣсколько документовъ о нарушеніи правъ собственности дворянъ Веневитиновыхъ, Сѣверцовыхъ, Михневыхъ и другихъ во время ихъ отсутствія, причеиъ крестьяне этихъ помѣщиковъ бьютъ челомъ коевоидѣ съ такимъ усердіемъ, какъ будто дѣло шло объ ихъ собственномъ имуществѣ. Въ отношеніяхъ же помѣщиковъ въ особенности къ *муч-*

нимъ изъ своихъ крестьянъ и наиболѣ преданнымъ, проглядывала даже нѣкоторая фамиллярность: прѣзжали къ нимъ въ гости, крестили у нихъ дѣтей, владѣли дѣвицы замужъ и т. п. И даже впоследствии крестьянскіе бунты проявлять помѣщиковъ принадлежали въ Воронежской губерніи къ явленіямъ величайшей рѣдкости, если не считать, понятно, тѣ случаи, когда ихъ смущали казны *воры*, и при всемъ томъ, смуты Разина, Булавина и Пугачова встрѣили, какъ извѣстно, въ крѣпостномъ населеніи воронежской губерніи наименьшее сочувствіе.

Относительно поземельнаго права воронежскаго края можно сказать, что до возникновенія городовъ вся земля считалась государевою вотчиною, земельныя угодья пріобрѣтались въ тѣ времена частными лицами не путемъ купли, а либо за заслуги — потомственно и тогда они владѣли землею на *вотчинномъ* правѣ или же за службу, взаимнѣ части или всего денежнаго жалованья на *помѣстномъ* правѣ, и въ такомъ случаѣ они владѣли землею лишь пожизненно. Существовала еще третья форма землевладѣнія — на *оброчномъ правѣ*, куда слѣдуетъ отнести также и государеву десятинную пашню — единственная форма хотя временнаго пользованія на польской Украинѣ земельными угодьями, доступная не служилымъ сословіямъ (*). Случай пріобрѣтенія вотчины путемъ купли впервые встрѣчаемъ въ 1632 г. и то вотчинникомъ же у вотчинницы (**); другой случай — это пріобрѣтеніе за деньги помѣстнаго жеребья изъ казны въ вотчину помѣщикомъ Иваномъ Юрьевымъ, въ количествѣ 38 четей, по цѣнѣ 1 р. за четъ, итого за 38 руб. Но и этотъ случай, какъ явствуетъ изъ кучей, данной казною Ив. Юрьеву, долженъ считаться исключительнымъ, не въ примѣръ прочимъ, ибо это сдѣлано по особенной къ нему, Юрьеву, милости государя, которому онъ Юрьевъ былъ челоуъ, что страдая ранми и одряхлѣвъ отъ многихъ войнъ и служебъ, онъ нивѣ остался съ женою, дочерьми и внуками, а единственный сынъ, который по закону имѣлъ бы право справиться за собою государеву помѣстье — и тотъ сынъ убитъ на государевѣ службѣ подъ Ковотопомъ, «а нивѣ де сталъ онъ *бездѣтенъ*: только одна дочь да двѣ внука». На помѣстномъ правѣ не имѣвшій сыновей считался *бездѣтнымъ* даже при многихъ дочеряхъ: женщины пользовались наследственными правами лишь при вотчинномъ владѣніи ихъ отцовъ и мужей. Такъ рѣдки бывала въ началѣ случая перехода вотчинъ непосредственно отъ вотчинника къ вотчиннику помимо участія правительства. Позднѣе, когда воронежскій край сталъ уже достаточно населенною областью, то помимо наследованія, неизбѣжно должны были возникнуть и новыя формы поземельнаго права относительно владѣнія нѣкогда пожалованными вотчинами; на примѣръ, одинъ вотчинникъ, разбогатѣвъ, *покупалъ* у другаго или бралъ *въ закладъ*, или *обмѣнивался* съ кѣмъ, либо въ приданое за дочерью отдавалъ или наконецъ отдавалъ въ монастырь на вѣчный поминъ души своей (***); во всѣхъ этихъ случаяхъ, выражаясь языкомъ нашихъ

(*) Кромѣ этихъ формъ потомственнаго и пожизненнаго поземельнаго права, существовало еще *право срочнаго пользованія* какими либо государевыми угодьями, пріобрѣтавшееся преимущественно промышленными людьми и крестьянами съ публичныхъ торговъ изъ *набодачи*. Эти лица назывались *откупщиками*, а сдававшіеся участки — *откупными вотчинами* и *угодьями*.

(**) См. выше, стр. 36.

(***) Эти вотчины обращались обратно въ казну, причѣмъ казна выплачивала монастырю по 50 к. за четъ, т. е. за каждыя 1 1/2 десятины.

старинныхъ законовѣдовъ, вотчинники должны были совершать официально въ Помѣстномъ Приказѣ *крѣпости*: купчія, закладныя, мѣновныя, рядныя и давныя, на самомъ же дѣлѣ, во избѣжанія не дешево стоявшихъ поѣздокъ въ Москву и сопряженной съ ними *московской волокиты*, уклонялись отъ официального *крѣпощенія крѣпостей*, а ограничивались совершеніемъ этихъ актовъ при *третихъ* и послухахъ или же просто на слово, которое воровещы, за рѣдкими исключениями, умѣли сдержать рыцарски честно. Такъ оно продолжалось до 1670 г., когда послѣдовала чрезъ Помѣстный Приказъ государевъ указъ, въ силу котораго, всѣ крѣпости, совершенныя помимо Помѣстнаго Приказа — *не въ крѣпости*, а самыя вотчины, которыя окажутся незаписанными въ записныя вотчинныя книги Помѣстнаго Приказа въ теченіи одного года, со дня изданія указа, — отписать на В. Г., безповоротнo.

Помимо перечисленныхъ формъ законнаго землевладѣнія, долгое время существовали въ воровещскомъ краѣ двѣ формы незаконнаго землевладѣнія: 1) *по займкѣ* или иначе владѣніе *безъ дачи* и 2) *въ захватѣ*. Первая заключалась въ томъ, что безъ разрѣшенія властей, ктонибудь распахивалъ участки земли, лежавшей *въ пустѣ*, все равно *дикое ли поле* или вообще порозжее, слѣд. во всякомъ случаѣ государева земля; подобныя поступки рѣдко влекли за собою наказанія, а ограничивались отнятіемъ участка и передачею его *изъятчику*, который почти всегда являлся и челобитчикомъ о землѣ. За то, тѣмъ строже преслѣдовался Правительствомъ второй способъ незаконнаго владѣнія землею — *захватный*, т. е. насильное присвоеніе кѣмъ либо чужаго участка, находившагося въ чьемъ бы то ни было пользованіи. Преступленіе не казалось меньшимъ даже и тогда, если захватъ совершался владѣльцемъ жеребья у другаго одного общаго съ нимъ помѣстья, даннаго имъ для совмѣстнаго владѣнія — *вопчѣ, съ одного*. Царь Михаилъ Федоровичъ, по поводу захвата помѣщиками въ 1638 г. рѣки Усмани въ свое владѣніе, данной имъ вопчѣ съ усманскими атакавами, предписалъ воровещскому воеводѣ учинить строгій *казъ* съ великимъ подтверженьемъ, чтобъ «въ захватъ никому и вихто бѣ не владѣлъ, а будетъ хто начнетъ кого отѣснять и за такое самовольство быть ему въ жестокомъ наказаньи».

Относительно цѣнности, земля различалась во первыхъ по удобствамъ обрабатыванія, каковыя она въ моментъ испомѣщенія представляла для помѣщика и во вторыхъ — по производительности ея. Въ первомъ случаѣ, различали пашню нахвную, перелогъ, дикое поле, лѣсомъ поросло и наѣзжую землю. Очевидно, готовая пашня и перелогъ должны были имѣть преимущество предъ остальными, что же касается послѣдней — *наѣзжей* земли, то она всего менѣе цѣнилась, нерѣдко при наличности всѣхъ качествъ, требовавшихся отъ доброй земли, единственно потому, что она — наѣзжая, т. е. такая, которая очень удалена отъ жилища владѣльца, или же къ ней затрудненъ доступъ, — напр., если она находилась за рѣкой, или болотомъ.

Относительно производительности, земли дѣлились на добрыя, середнія и худшія, причѣмъ за единицу доходности или производительности принималась добрая земля, а за недостаткомъ ея, испомѣщаемому добавляли къ имѣющейся средней или худой столько лишку, чтобы относительно производительности доходность равнялась соответственному количеству доброй земли, причѣмъ отно-

шенія эти были не произвольныя, а твердо установленныя правительствомъ и строго соблюдались писцами и межевщиками. Обыкновенно, при оцѣнкѣ качества земли, писцы принимали пашни паханныя—за добрую, ваѣзжую землю и перелогъ—за среднюю, а остальные земли за худыя; относительно производительности, какъ выше было сказано, добрая земля считалась въ $1\frac{1}{2}$ раза доходѣе средней, а средняя настолько же превосходила худую землю; следовательно, отношеніе между ними должно было установиться какъ 1, $1\frac{1}{2}$, и $2\frac{1}{4}$, и въ самомъ дѣлѣ, правительство считало въ сохѣ доброй земли 800 четвертей или 1200 средней или же 1800—худой, во всѣхъ трехъ поляхъ, или 1200 десятинъ доброй, 1800—средней и 2700 десятинъ—худой. Лѣсъ давался хоронный и дровами *десятинами*, и верстами, если бывалъ небольшой, въ противномъ случаѣ, или если болотистая мѣстность препятствовала точному измѣренію, то предписывалось *сметить накрѣпко*, т. е. опредѣлять на глазомѣръ; иногда лѣсъ давался въ видѣ сложнаго угодья, такъ называвшіеся пашенные лѣса.

Гуменники и огороды давались городовымъ помѣщикамъ въ чертѣ самаго города.

Сѣнокосъ отводили обыкновенно межъ полъ и по заполью, а въ большихъ размѣрахъ, цѣлому сословію, — обои берега какой нибудь рѣки на известномъ протяженіи теченія ея. Размѣръ сѣнокосамъ опредѣлялся числомъ коленъ, которыхъ считали по 10 на десятины. Слуды, перевѣсы и рыбныя ловля опредѣлялись крайне неточно и разнообразно; обыкновенно имъ служили границею цѣлая рѣчка или озерцо, или же известныя двѣ предѣльныя точки какой нибудь текучей или стоячей воды. Бортины ухолья обозначались знаменами.

Рабочія руки цѣнились сравнительно очень дорого. Въ страдную пору платили мужицкѣ до 20 алтынъ, женщицкѣ до 5 алтынъ въ мѣсяцъ, а на годъ, считавшіеся съ 1-го по 1-е сентября, женщины получали по 1 рублю, а мужчины отъ 1 до 3 рублей въ годъ, во всѣхъ случаяхъ на хозяйскихъ харчахъ. Арендная цѣна земли была сначала 10 к., а съ средины XVII столѣтія—40 к. за $1\frac{1}{2}$ десятины (четы въ трехъ поляхъ) при цѣнности земли до 50 к. въ началѣ и до 1 р. въ срединѣ XVII в. Харчи заключались въ опредѣленномъ количествѣ ржи, толокна и соли, а по большимъ праздникамъ и свинины или сала. Земледѣльческими орудіями служили въ началѣ соха да борова; плугъ явился вмѣстѣ съ черкасами въ 1652 году. Домашнія животныя у великороссіянъ были лошади, рогатый скотъ, овцы и свиньи, а у черкасъ, кромѣ того и козы. Для полевыхъ работъ у великороссіянъ употреблялись лошади, а у малороссіянъ—волы. Сельская упряжь у великороссіянъ была одноконная, подъ дугою съ бубенчиками, а у малороссіянъ, предпочитавшихъ вообще ѣзду на волахъ, упряжь была двуконная. Мельницъ сначала не было вовсе, по крайней мѣрѣ у крестьянъ, которые толкли хлѣбъ въ ступахъ; затѣмъ вошла въ употребленіе домашняя мельница, состоявшая изъ двухъ жернововъ, приводившихся въ движеніе особымъ приспособленіемъ; эти мельницы устраивались въ подѣ избы. Позднѣ появились водяныя мельницы, сначала у помѣщиковъ, а потомъ и у крестьянъ; вѣтряныя мельницы появились, повидимому, вмѣстѣ съ черкасами, которые часто предпочитали ихъ, даже живя надъ рѣками.

Хлѣбопашество находилось въ первобытномъ состояніи, такъ что урожай

зависѣтъ вполне отъ разныхъ случайностей, и воронежцы, живя на баснословно плодородной почвѣ, изрѣдка терпѣли голодъ; за то въ урожайные годы не знали куда хлѣбъ дѣвать, который тогда продавали за безцѣнокъ — по 7—8 алтынъ за четверть. Особенно урожайны оказывались монастырскія и вотчинниковы земли, гдѣ бывали урожай непоятные въ наше время; значительно ниже оказывались они всегда на крестьянскихъ земляхъ, а въ особенности въ сѣверной части уѣзда; по повсюду степень урожайности находилась въ зависимости отъ трудолюбія землепашца, такъ что часто случалось трудолюбивому крестьянину собрать вдвое и даже вчетверо больше хлѣба, противъ своего небрежнаго сосѣда, у котораго засѣяно было земли вдвое и вчетверо противъ перваго. Вотъ для примѣра извлеченіе изъ отчета о хлѣбныхъ посѣвахъ бѣлыхъ Демшинскихъ хлѣбопашцевъ въ концѣ XVII в.

Таблица посѣва и урожая ржи и овса на поляхъ Демшинскихъ крестьянъ.

Имя и фамилія посѣвщиковъ.	Вел.ч. поля въ десятяхъ.	Сколько жажато.		
		коп.	хрес.	сн.
<i>Въ озимомъ полѣ — рожь:</i>				
Теренты Ретунскаго	2 ¹ / ₃	4	3	5
Федора Шульгина	1 ¹¹ / ₁₆	6	3	12
Матѣя да Володимера Землянскихъ	10	8	1	—
Григорія Орбацкого	2 ¹ / ₃	1	3	—
Федора Хованскаго	1 ¹ / ₈	2	3	—
Петра Ускова	1 ⁷ / ₁₂	3	1	—
Федора Вѣлоглазова	1 ¹ / ₂	4	—	—
<i>Въ яровомъ полѣ — овесъ.</i>				
Федора Шульгина	2	11	—	—
Федосѣя Калачникова	1 ⁷ / ₈	5	2	—
Теренты Ретунскаго	1 ² / ₃	8	3	—
Григорія Орбацкого	1 ¹ / ₈	4	—	—
Петра Ускова	1 ¹ / ₄	1	3	12
Захара Мещерянова	1 ¹ / ₁₂	7	—	—
Семева Полянскаго	7 ¹ / ₈	28	3	3
Лазаря Татарина	1 ¹¹ / ₁₂	13	—	—
Его жъ земля, сѣялъ пощъ Петръ	1 ³ / ₄	1	2	—

Одной этой краткой выписки уже вполне достаточно, чтобы убѣдиться, насколько велика была зависимость урожая отъ степени обработки пашни въ хозяйствахъ, одинаковыхъ по качествамъ земли и по климатическимъ условіямъ, такъ какъ они были смежны и слѣдовали одно за другимъ въ приведенномъ порядкѣ. Въ несравненно лучшихъ условіяхъ находилось хлѣбопашество у дворянъ, а въ особенности въ монастырскихъ хозяйствахъ, со степенью урожайности полей которыхъ, мы еще будемъ имѣть случай познакомиться впоследствии.

етвіи, а теперь займемся изученіемъ мѣръ и вѣсовъ, употреблявшихся въ воронежскомъ краѣ.

Мы равнѣ видѣли какое разнообразіе представляло населеніе воронежскаго края. Мы видѣли, что ядро его составилось изъ лицъ служилыхъ, переведенныхъ правительствомъ сюда на вѣчное житіе; оно же вмѣстѣ съ вотчинниками составило и мѣстное землевладѣльческое сословіе; почти въ одно время или немногимъ позднее начался приливъ бѣглыхъ крестьянъ, холопей, преступниковъ и раскольниковъ изъ всего Московскаго государства; за ними появились люди польской и иноземской породы, какъ поляки, литовцы, бѣлоруссы, черкасы, вѣмцы, калмыки, татары, армяне, греки и проч. При такомъ крайне разнохарактерномъ составѣ мѣстнаго населенія, представлявшаго вначалѣ пеструю смѣсь разныхъ племенъ и народностей, и мѣстная *метрологія* не могла не представлять исключительнаго явленія, не могла не представлять смѣсь почти всѣхъ мѣръ и вѣсовъ, какіе только употреблялись въ XVII столѣтіи. Не видя возможности разобратся во множествѣ мѣръ и вѣсовъ воронежскаго края, Правительство отвергло ихъ вовсе и ввело свои, сдѣлавъ ихъ обязательными въ своихъ расчетахъ съ населеніемъ, но и не возбраняло употребленіе народныхъ мѣръ и вѣсовъ въ торговомъ и домашнемъ быту, почему тѣ и продолжали существовать долгое время, пока опытъ, привычка въ правительственной метрологіи, а главное — значительное вздорожаніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не заставили населеніе отречься отъ своей народной метрологіи, установившейся еще во времена крайней дешевизны всѣхъ продуктовъ и потому представлявшей лишь приблизительную величину. Въ воронежскомъ краѣ, слѣдовательно, одновременно существовалъ до XVIII ст. и даже немного позднее метрологія правительственная и народная; съ тою и другою намъ необходимо ознакомиться хотя бы и вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ единицъ измѣренія, едвали намъ удастся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ услышать, — онѣ очевидно были или чисто мѣстнаго происхожденія, или же заимствованы отъ народностей нѣкъ неизвѣстныхъ, во всякомъ случаѣ въ академическомъ словарѣ нѣтъ даже объясненія имъ.

Правительственная метрологія заключала въ себѣ довольно точныя и опредѣленные мѣры и вѣса, для чего имѣлись всегда образцовые экземпляры, снабженные правительственнымъ клеймомъ (такъ наз. *заорленные*) посредствомъ которыхъ вѣрѣвались вѣсы торговыхъ людей при поставкахъ въ казну, но и тутъ допускались отступленія, потому что правительство принимало сельско-хозяйственные продукты одной мѣрой а выдавало ихъ — другой; это даже не считалось секретомъ: грамоты прямо напоминали воеводамъ «принимать въ *пріемную* мѣру, а выдавать (напр. хлѣбные запасы служилымъ людямъ и въ допской отпускъ) въ *отдаточную* мѣру. Первая называлась также *московской* мѣрой, а вторая — *подъ гребло* (*). Хотя разница между этими двумя измѣреніями была достаточна велика и даже довольно ощутительна для тѣхъ, кому

(*). Иногда мѣра подъ гребло называлась также *малъ-третникъ*, *малъ-четверикъ*. Такъ въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича на имя воронежскаго воеводы Бор. Григ. Бухвостова, отъ 2 іюня 1670 г., говорится, между прочимъ: «съ воронежскаго уѣзду взять стрѣльцоваго хлѣба . . . сто девяносто одна четверть съ осминою безъ полуцетверика и *малъ-третникъ* и *малъ-четверикъ* ржи, сто тридцать девять четвертобездъ полутора четверика и пол-четверика и *малъ-третникъ* и *малъ-четверикъ* овса....»

приходилось по первой сдавать, а по второй получать, по все же объ эти измѣренія представляли приблизительно точныя величины. Еще точнѣ были вѣсовыя измѣренія, вовсе не допускавшія крупныхъ злоупотребленій, и наконецъ линейныя мѣры, отличавшіяся большою точностью, близкой нашему времени. Иное дѣло народная метрологія, которая даже въ началѣ XVII вѣка еще ни одной точной единицы измѣреній не знала, кромѣ позаимствованныхъ правительственныхъ, да и тѣ, гдѣ это только было возможно, передѣлывались народомъ на свой ладъ. Такъ напримѣръ сдѣлавшись въ концѣ XVII вѣка общепотребительною хлѣбною мѣрою, четверикъ до того уклонился отъ настоящей величины *заореннаго* и эти уклоненія въ разныхъ украинскихъ городахъ были столь разны, что правительство справлялось каждый разъ, когда представлялась надобность о истинной величинѣ мѣстнаго четверика, а казенный *аршинъ*, понавъ въ народную метрологію, оказался равнымъ четыремъ пядямъ и, слѣдовательно, на одну пядь длиннѣ черкасскаго *локтя*. Принявъ казенную десятину настоящей величиною въ 2400, воронежцы, тѣмъ не менѣе то расширяли, то удлиняли ее до нельзя; были десятины всѣхъ измѣреній, произведенія которыхъ однако были всѣ равны 2400 \square саж.; правительства XVII столѣтія держалось десятины одного измѣренія, именно— 80×30 , которую испомѣщались помѣщики Украины. Эти «натуральные» аршины въ 4 пяди были настолько общепотребительны, что не только доски и камни, но и мѣстнаго надѣлія холсты и ткани мѣрили пядями и можно себѣ поэтому представить точность подобныхъ измѣреній, когда лавочный молодецъ, еще юноша, отвѣдывалъ аршины своими полудѣтскими руками. Свой взглядъ на это измѣреніе народъ сохранилъ въ двухъ поговоркахъ: «каждый купецъ мѣрять на свой аршинъ» и «всякъ молодецъ на свой образецъ».

Еще менѣе точны оказываются чисто народныя мѣры, кои большею частью основывались на удивительномъ однообразіи, царствовавшемъ во всемъ, относительно формъ, величинъ и качествъ предметовъ, входившихъ въ составъ сельскохозяйственнаго инвентаря воронежца глубокой старины, не любившаго, какъ извѣстно, никакихъ новшествъ, не терпѣвшаго никакой ломки, въ чемъ бы то ни было. Традиціонныя ковши, ендовы, братины, вѣками просуществовавшіе, не претерпѣвъ ни малѣйшаго измѣненія относительно вида формъ и размѣровъ, могли въ концѣ концовъ дать понятіе о величинѣ содержаемаго; точъ въ точъ могли это и телѣги и кузова и коробы и бочки и даже черпаки, бакъ дѣтъ капли воды похоловшіе другъ на друга. Зная постоянную и неизмѣнную ѣмкость своихъ телѣгъ, кузововъ, бочекъ и коробей крестьянинъ зналъ сколько ему слѣдуетъ получать или платить при куплѣ—продажѣ хлѣба. Да и самое понятіе о количествѣ, содержимомъ телѣгою или коробей, было гораздо ближе уму воронежца начала 17-го вѣка, чѣмъ соответствовавшая имъ правительственная мѣра въ родѣ чети съ полъ-полутретникомъ и имъ подобныхъ хитрыхъ вещей, отъ которыхъ бесполезно только въ потъ кидало невѣжественнаго земледѣльца. Наряду съ этими мѣрами, родившимися, такъ сказать, на Дону, существовали еще и такія, происхожденіе которыхъ намъ не удалось выяснитъ; таковы напримѣръ *клюдни* или *кледня*, *юфти* и другія. Мы рассмотримъ ихъ всѣ, по характеру и назначенію ихъ; начнемъ съ *линейныхъ* мѣръ или точнѣе съ—*поземельныхъ*, потому что ранѣе онѣ служили для опредѣленія величины площа-

дей и лишь впоследствии обратились въ линейныя. Такъ сначала появляются общинныя мѣры, обжами, вытями, нивами, коробьями, а затѣмъ правительственные, верстами, саженьями, сохами, десятинами, четами, осминами третниками и четверниками.

1) *Верста*—цѣлыми верстами измѣрялись преимущественно большіе лѣса. Самое названіе показываетъ, что этой мѣрой *верстами* служилихъ людей. Десятая часть версты называлась десятиной.

2) *Десятина*,—площадь, имѣвшая въ длину 80, а въ ширину 30 (*) сажень, слѣдовательно равная 2400 кв. саженьямъ. Она служила для измѣренія небольшихъ лѣсовъ, государевой пашни, т. е. такой которую нахали какъ государственную повинность и вазывавшейся по этой мѣрѣ—десятиной. Въ рѣдкихъ случаяхъ десятиной мѣрили и сѣнокосы и въ послѣднемъ случаѣ предполагалась площадь на которой становится 10 копенъ сѣна. Поддесятныя или $\frac{1}{20}$ версты называлась четью.

3) *Четь* или четверть, которою измѣрялись пашенныя земля, при исполненіи помѣщиковъ. Четь обыкновенная имѣла въ длину 40 сажень, а въ ширину—30 с.; если же обозначалось столько-то четей въ полѣ, а вдву потому, то такая четь равнялась $1\frac{1}{2}$ десат. (90×40) или 3600 кв. саж. Половина чети называлась *осминой*, заключавшей 1800 кв. с., а $\frac{1}{3}$ часть—*третникомъ* и т. д.—

Соха, московской мѣры (по сошному письму) равнялась 800 четв. или 400 десятинамъ *доброй* земли; 1000 четв. или 500 дес.—*средней* и 1200 чет. или 600 дес.—*худой* земли. Другое выраженіе для московской сохи было то, что она, смотря по качествамъ земли, равнялась то 40, то 50, то 60 верстамъ или иначе—67 вытямъ безъ дву десятиныхъ.

Выть равнялась 6 десятинамъ или 4 нивамъ.

Нива— $1\frac{1}{2}$ десятинамъ или одной чети въ трехъ поляхъ, или 4 костямъ, или 16 морткамъ.

Кость—4 морткамъ.

Мортка— $\frac{1}{4}$ кости, $\frac{1}{16}$ нивы, $\frac{1}{64}$ выти.

Всѣ эти измѣренія существовали только въ народной метрологіи; правительственная же, какъ выше было сказано, руководствовалась исключительно верстами, десятинами, четами, осминами и третниками съ ихъ долями. Точное понятіе объ этихъ доляхъ даетъ намъ слѣдующая таблица.

ТАБЛИЦА,
показывающая счисленіе долей осмины и третника.

	Сажени.
Осмина, или получеть, составляетъ	1800
Полуосмина или четь чети	900

(*) Первоначальная форма десятины былъ квадратъ имѣвшій въ оба стороны по 50 сажень и десять такихъ десятиныхъ имѣлъ въ длину 500 сажень царскихъ, слѣдовательно версту (50X500); но такъ какъ между владѣльческими землями полагалась полоса въ 1 сажень шириною (между станами въ $1\frac{1}{2}$, а уѣздами въ 3 саж.), то десятина по отрѣзкѣ межевой полосы (въ 1 саж. въ обѣ стороны) принимала неудобную для вычисленій форму $(49 \times 49 = 2401)$ почему она была измѣнена на форму 30×80 с., а взамѣнъ отнятыхъ 100 сажень полосы не отрѣзывали, а прирѣзывали къ полейству. Впоследствии десятина была видоизмѣнена въ 60×40 , въ какомъ видѣ она существуетъ и по нынѣ.

Третникъ или треть чети	1200
Полутретникъ или 6-ю часть	600
Пол-полтретника или 12-ю часть	300
Пол-пол-полтретника или 24-ю часть	150
Пол-пол-пол-полтретника или 48 часть	75
Пол-пол-пол-пол-полтретника или 96-ю часть	37 ¹ / ₂
Пол-пол-пол-пол-пол-полтретника или $\frac{1}{192}$ чети	18 ³ / ₄
Семь разъ полтретника или $\frac{1}{288}$ часть чети	9 ³ / ₈
Восемь разъ полтретника или $\frac{1}{768}$ часть	4 ¹¹ / ₁₆
Деять разъ полтретника или $\frac{1}{1336}$ часть	2 ¹¹ / ₃₂
Десять разъ полтретника или $\frac{1}{2072}$	1 ¹¹ / ₆₄

Изъ линейныхъ мѣръ особенно употребительны были слѣдующія:

1) *Сажень*—длиною въ три аршина, какъ казенная мѣра, но очевидно были сажени и другихъ величинъ, потому что въ грамотахъ XVII ст. часто предписывалось «мѣрить сажнями трехъаршинной мѣры», въ чемъ въ противномъ случаѣ не представлялось бы необходимости. Эта мѣра употреблялась при измѣреніи лѣсовъ, какъ доля версты, для измѣренія городскихъ домовъ и дворовъ, а также какъ мѣра для бревенъ, досокъ и веревокъ. Народъ считалъ сажень въ 4 локтя или 12 пядей.

2) *Аршинъ*—или третникъ сажени—казенной мѣры, имѣлъ обширное примѣненіе и какъ доля сажени, и какъ самостоятельная мѣра для измѣренія тканей и имъ подобныхъ товаровъ; но народъ по обыкновенію своему, скоро замѣнилъ его природнымъ аршиномъ 4 пядями, замѣтивъ, что въ большинствѣ случаевъ, эта мѣра подходитъ довольно близко. Подобныя приблизительныя измѣренія часто вели къ спорамъ, въ особенности, когда они касались болѣе цѣнныхъ товаровъ, почему, въ 1645 г., были присланы установленныя печатныя аршины для руководства, а немного поздѣе (1653) и печатныя сажени въ 3 аршина и желѣзные аршины для всеобщаго употребленія. Въ торговыхъ рядахъ прѣзжимъ выдавались изъ таможи казенныя желѣзные аршины, которые они возвращали по окончаніи торга, уплативъ за право пользованія имъ отъ алтына и до гривны, смотря по торгу.

Локоть—одна изъ старѣйшихъ излюбленныхъ мѣръ воронежцевъ—равнялась тремъ пядямъ или $\frac{3}{4}$ аршина, названа такъ потому, что равнялась длинѣ выпрямленнаго локтя до ручной кисти (съ ручной кистью, равною тоже пяди—аршину царскому). Локоть иногда признавался мѣрою и правительственными лицами, въ особенности въ началѣ XVII в., когда воронежскимъ губнымъ старостамъ часто приходилось продавать ошальные животы мѣстныхъ сельскихъ жителей.

Пядь—какъ третникъ локтя и какъ четъ аршина—васолько общезнакомая народная мѣра даже въ наше время, что мы объ ней распространяться не будемъ.

Всѣмъ измѣренія народонаселеніемъ воронежскаго края, какъ видите, употреблялись до начала XVIII в. лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и не смотря на то, что еще въ 1598-мъ году Борисъ запретилъ продавать сыпучія тѣла

гольгами и другими неопредѣленными единицами, а вѣсовые товары на кади, пуды и проч., — вѣсовъ въ мѣстномъ народномъ употребленіи долго не встрѣчаемъ. Купля — продажа совершалась въ подобныхъ случаяхъ глазомѣрно, при мѣляясь къ товару, — мясо и ветчина тушами, середками и полтями, воскъ кругами, рыба бочками и полубочками, а также счетомъ на 100 и 1000; птицы гнѣздами, говорили: гнѣздо куръ, гнѣздо гусей и проч.; конопля, мочала десятками, — однимъ словомъ, всячески избѣгали вѣсовъ. Тѣмъ не менѣе, вѣсы существовали, но они были казенные и городскіе, находились въ таможахъ и на нихъ, кому нужно было, взвѣшивали, плата за это *отсчѣе*. Донетровскіе вѣсы были тройкаго рода, смотря по тяжести. Для большихъ *терези*, среднихъ — *контари* и малыхъ — *безмѣны*. Самые большіе — терези употреблялись для взвѣшиванія громоздкихъ товаровъ, а также большія, недѣлимая тяжести. Еще при Петрѣ, въ 1700 году по его указу на этихъ вѣсахъ взвѣшивали мѣдные пушки и колокола; болѣе подходили къ торговымъ надобностямъ контари, на которыхъ взвѣшивались тяжести до полтретя ($2\frac{1}{2}$) пуда и безмѣны — до сорока гривенковъ, т. е. до одного пуда. Гири были въ пудъ, полпуда, четь пуда или 10 гривенковъ, эти гривенки, коихъ въ пудѣ было 40, въ свою очередь дѣлились на полугривенки, четь гривенки, (8 л.) пол-чети гривенки, пол-пол-чети и на пол-пол-пол-чети гривенки ($\frac{1}{32}$ фунта или 1 лоть). При счетѣ вѣса иногда единица ставилась съ прибавленіемъ, иногда же съ вычетомъ дробей, напримѣръ, вмѣсто того чтобъ сказать двѣ гривенки и пол-гривенки, говорили *полтретя* гривенки и *три гривенки безъ полу-гривенки*.

Несравненно разнообразіе было число объемныхъ мѣръ, коими измѣрялись сыпучія и жидкія тѣла.

О мѣрахъ въ родѣ *оковы*, *кади*, *зобня* здѣсь, въ воронежскомъ краѣ и помяну не было, но за то существовали мѣры, въ родѣ *клюдни* овса или пшеницы (вѣроятно въ 5 копѣвъ), стоявшія (въ 1632 г.) по 1 руб.; *кузовъ* борщу, или шерсти, *телга* гречихи, *деслокъ* посковни, или мочальниковъ или конопель, *лукошка* шерсти, *кэрбъ* овса (вѣроятно въ 2 чети), *кузь* сухарей (въ полосину) *середка* ветчины, *бочка* «беременная» вина, *четверикъ* ореховъ, *бочка* (въ четверть) рыбная, *горшокъ* масла коровья (въ 15 гривенковъ) *десятина* ржи въ землѣ, *осминникъ* яроваго, *градъ* капусты или огурцовъ; уваваго хлѣба *копнами*: ржи, пшеницы, ячменя и овса; *юфть* муки или соли (вѣроятно 20 — 25 пудъ) *черпокъ* (гарвецъ) гороху. Сюда же надо прибавить казенныя мѣры для сыпучихъ тѣлъ: *четь*, *осмина*, *третникъ* и четверикъ съ ихъ долями и для жидкостей бочка, полубочка, ведро, а у чернаесть *куфа*, *лукуиз*, *барилки*, *ока* и пр.

Изъ перечисленныхъ мѣръ народной метрологіи особаго вниманія заслуживаетъ одна, признавая правительствомъ въ царствованіи Алексѣя Михайловича, мѣра эта — *юфть*, которой мѣрили преимущественно зерновой хлѣбъ и соль. Это, вѣроятно, былъ сшитый изъ нѣсколько цѣльныхъ кожъ мѣшокъ (мѣхъ), въ родѣ старинныхъ чмопановъ, употреблявшихся впоследствии въ почтовомъ вѣдомствѣ, емкостью въ 20 — 25 чети, судя потому, что грамота Алексѣя Михайловича предписываетъ принимать хлѣбъ въ казну цѣною въ 2 р. за юфть. Во времена, когда кожаный мѣшокъ не многимъ дороже цѣнился

холщевая, юфта, помимо значенія мѣры ёмкости, представляла еще очень удобный предметъ для перевозки такихъ легкосыръющихъ продуктовъ, какъ мука и соль. Очень вѣроятно, что юфта XVII в., — та же мѣра, что былъ и мѣръ въ XVI столѣтн.

Мы не будемъ здѣсь подробно разсматривать значеніе перечисленныхъ мѣръ, а перейдемъ къ дальнѣйшему обзору сельскохозяйственной промышленности края, предпославъ ему таблицу, показывающую счисленіе долей мѣръ сыпучихъ тѣлъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ, а равно и о мѣстныхъ монетахъ мы еще будемъ имѣть случай говорить впоследствии, при подробномъ обзорѣ промышленности края.

ТАБЛИЦА, показывающая счисленіе долей четверти.		Доли чети.
<i>Четь</i> = 2 осминамъ, 8 четверикамъ, 64 черикамъ или гарницамъ		$\frac{1}{1}$
<i>Осмины</i> или полчеть = 4 четверикамъ = 32 черикамъ или гарницамъ		$\frac{1}{2}$
<i>Полосмина</i> = 2 четверикамъ = 16 черикамъ		$\frac{1}{4}$
<i>Третникъ</i> = полосмина въ съ пол-полутретникомъ		$\frac{1}{3}$
<i>Полутретникъ</i> = четверику съ пол-пол-полутретникомъ		$\frac{1}{6}$
<i>Пол-полутретникъ</i> = полчетверяку съ пол-пол-пол-полутретникомъ		$\frac{1}{12}$
<i>Четверикъ</i> = $\frac{1}{4}$ осмины, = 8 черикамъ		$\frac{1}{8}$
<i>Полчетверика</i> = $\frac{1}{8}$ осмины, = 4 черикамъ		$\frac{1}{16}$
<i>Пол-полчетверикъ</i> = $\frac{1}{16}$ осмины, = 2 черикамъ		$\frac{1}{32}$
<i>Пол-пол-полчетверикъ</i> = $\frac{1}{32}$ осмины, = черику или гарлицу		$\frac{1}{64}$

Какъ производились эти вычисленія и какое вообще значеніе имѣли эти мѣры, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго отрывка изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича на имя воронежскаго воеводы стольника Мих. Фед. Самарина отъ 30 ноября 1672 г.

«Въ прошлыхъ годѣхъ за помощію Божіею и крѣпкой Возбранной Воеводы Пресвятыя Богородицы всего Христіанскаго рода Хранительницы по Нашему, Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, указу, на оборону въ прошлые военныя времена и въ приходъ Крымскаго хана и Татаръ на Украинныя и Сѣверныя города и для розныхъ непріятелей, прибавлено сверхъ прежняго Московскіе Стрѣлецкіе Приказы, а на тѣхъ людей хлѣбныхъ запасовъ къ прежнему окладу въ Стрѣлецкомъ Приказѣ не положено; и нынѣ Мы, Великій Государь, совѣтовавъ о томъ о всемъ со отцемъ Нашимъ и богомолцомъ святѣйшимъ Пятиримомъ, патриархомъ Московскимъ и всеа Русіи и со архіереи, указали и бояре Наши приговорили Московскимъ стрѣлцомъ на жалованье собрать съ Нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ сель и съ патриаршихъ и со архіерейскихъ и съ монастырскихъ и съ церковныхъ и съ помѣшниковыхъ и съ вотчинниковыхъ крестьянъ передъ прежнимъ съ прибавкою съ живущіе чети сошного писма, съ Нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ сель старого по осминѣ безъ полчетверика, да прибавочно»

го по двѣ чети безъ четверика и безъ поль-получетверика ржи, овса потому жъ, всего по двѣ чети съ полуосминою и по поль-получетвернику ржи, овса потому жъ; съ патриаршихъ и со архіерейскихъ и съ монастырскихъ вотчинъ старого по двѣ чети съ третникомъ, да прибавочного по двѣ чети безъ четверика и безъ поль-получетверика, всего по четыре чети и по полу-четвернику и по поль-полутретнику и поль-получетвернику ржи, овса потому жъ; съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель, что вѣдомы въ Стрѣльцкомъ Приказѣ и въ Приказѣ Казанскаго Дворца, старого по двѣ чети безъ полуосмины, да прибавочнаго по двѣ чети безъ четверика и безъ поль-получетверика, всего по три чети съ осминою и по получетвернику и по поль-получетвернику ржи, овса потому жъ. А которой хлѣбъ иманъ напередъ сего съ посадовъ, и цѣнъ того хлѣба и житничныхъ денегъ не имать, а имать съ нихъ денгами за четверть ржи, да за четверть овса по два рубли за ють въ Нашу, Великаго Государя, казну стрѣльцомъ же на денежное жалованье, для того что они люди торговые, а не пашенные и никогда въ городѣхъ воеводы хлѣба съ посадскихъ людей не собирають, а собирають денгами, дорогою цѣною и присылають къ Москвѣ съ выборными цѣловальниками тѣхъ городовъ.»

Ознакомившись съ условіями развитія мѣстнаго сельскаго хозяйства, и съ законами, которымъ оно было подчинено, а также изложивъ состояніе сельскаго населенія воровежскаго края въ XVI и XVII вѣкахъ, и обозрѣвъ мѣстную метрологію, мы теперь приступимъ къ обзору мѣстной промышленности, къ исчисленію ея сельскохозяйственныхъ произведеній изъ всѣхъ трехъ царствъ природы.

I. Продукты царства ископаемаго.

Селитра или *ямчуга*. Добываніе и вывариваніе селитры—одно изъ древнѣйшихъ производствъ сельскохозяйственной промышленности воровежскаго края—началось здѣсь въ одно время съ основаніемъ городовъ, или даже немного раньше того. Селитра вываривалась здѣсь изъ кургановъ и хотя составляла монополию правительства, тѣмъ не менѣе частная предпримчивость занималась приготовленіемъ этой соли въ широкихъ размѣрахъ. Тогда какъ казенная добыча селитры не превышала иногда и 500 пудовъ въ годъ, частный обьтъ ея однимъ только донскимъ казакамъ простирался до 1000 пудовъ, въ чистомъ ли видѣ, или же готовымъ *зельемъ*, т. е. огнестрѣльнымъ порошкомъ, который казаки получали отъ правительства въ количествѣ, далеко недостаточномъ для этихъ вѣчныхъ войнъ. Селитра, какъ и слѣдующій за ней продуктъ—поташъ, отправлялась также въ значительномъ количествѣ въ Москву, зимнимъ путемъ, а оттуда эти продукты направлялись въ Вологду и Архангельскъ, составляя видную статью торговли съ иностранцами.

Поташъ добывался почти тѣмъ же путемъ и въ такомъ же количествѣ. Обыкновенно осенью, не дожидаясь снѣговъ, зажигали степи и собранный на-лежнѣкъ, причѣмъ отдѣльно собирали уголь для *зелья*, золу для производства табака и вина, а изъ остатковъ выщелачивали поташъ. Почти вся добыча поташа шла зимнимъ путемъ въ Москву, на Югѣ же былъ, кажется, спросъ незначительный.

Глиняная издѣлія воронежцевъ пользовались славою, а въ особенности славилась трубки большой и малой руки, предававшіяся по высокой цѣнѣ и водоносныя кувшины, замѣчательнѣе старину наши ведра, воронежскіе черкасы выдѣлывали *дзбаны* — кувшины высокіе и *кугеллы* — круглыя тыкводобныя. Посуда Воронежская какъ глиняная, такъ и лѣвяная, славилась на весь Югъ и сбытъ ея въ казачьихъ горюдахъ и Царицѣнѣ былъ весьма значителенъ. Но что въ особенности достойно вниманія, такъ это искусство воронежскихъ черкасовъ въ изготовленіи глиносоломенныхъ крышъ и глинобитныхъ построекъ, въ которомъ они отличались еще въ XVI столѣтіи.

Мѣлъ доставлялся главнымъ образомъ въ Москву; его ломали у Дивногорья, на Дону. Позднѣе, когда былъ завоеванъ Азовъ, тамошній мѣлъ, пережженный въ *известъ*, сплавлялся въ Азовъ.

Камень жерновный превосходнаго качества добывали по теченію р. Дѣвницы. Готовые жернова сплавлялись частью на Югъ, частью въ Камышинъ, откуда они развозились повсюду.

Соль — принадлежала къ числу привозныхъ предметовъ торговли, такъ какъ воронежскій край собственной соли никогда не имѣлъ, а между тѣмъ потребленіе было весьма значительное какъ въ кормъ, такъ главнымъ образомъ для техническихъ цѣлей, сначала для соленія рыбы, въ которомъ воронежцы такъ славилась, а впоследствии для соленья кожъ и сала, когда эти отрасли сельскохозяйственной промышленности достигли уже значительнаго развитія. Воронежцы употребляли преимущественно волженскую соль, которую покупали въ Царицѣнѣ, кромѣ того привозили соль изъ Бахмута и изъ Торскихъ озеръ; главнымъ образомъ употреблялась соль *бузунъ*, цѣна которой до самаго конца прошлаго столѣтія колебалась отъ 15 к. въ южныхъ уѣздахъ и до 40 — въ сѣверныхъ за пудъ. Мѣрою служили сначала *мѣтъ*, затѣмъ юфть (вѣроятно, одно и то же) и наконецъ пуды и бочки.

Слюда также составляла предметъ привозной торговли; она доставлялась изъ Москвы зимнимъ путемъ и продавалась на пуды и гривенки. Различали три сорта: *бѣлую* — по 1 и по 2 рубля за гривенку; красную или *коричневую* — по 10 алтынъ и *обрѣзки* по 5 алтынъ за гривенку. Первый сортъ покупался монастырями, церквами и знатными лицами; второй — среднимъ сословіемъ, а обрѣзки простолудинами.

Стекло появилось впервые въ Воронежскомъ краѣ въ 1695 г. вмѣстѣ съ Великимъ Преобразователемъ Россіи, которымъ она привезена для адмиралтейскаго двора и дворца. Вслѣдъ затѣмъ въ 1696 г. стекло было приобретено св. Утрофаномъ для соборной церкви и съ тѣхъ поръ оно вошло во всеобщее употребленіе (*).

Жельзо доставлялось изъ Тулы до самаго конца XVII в., когда Петромъ I была открыта желѣзная руда въ Задонскомъ уѣздѣ: Въ Бѣлоколдцкѣ былъ тогда основанъ желѣзный заводъ, отданный въ управленіе Кузьмѣ Борину, съ тѣхъ поръ этотъ заводъ, проработавшій болѣе ста лѣтъ, назывался по имени перваго заводчика *Боринскимъ*. Издѣліями этого завода, кромѣ корабельныхъ принадлежностей и для адмиралтействъ, были: гвозди, топоры, лопаты, кирки,

(* Вслѣдствіе тогдашней дороговизны стекла, Петровский флотъ, построенный на Воронежѣ, былъ снабженъ слюдяными оконцами.

косы, сѣрпы, сковороды, котлы и проч. По примѣру тульскихъ и боринскій заводъ выдѣлывалъ также стволы для охотничьихъ оружій, замки, пожи и полосовое желѣзо. Путь издѣльнаго желѣза обходился съ доставкой въ Острогожскъ (по рр. Воронежу и по Дону) отъ 20 алтынь и до 1 р. Возъ дровъ доставлялся на заводъ по цѣнѣ 6 денегъ съ воза, но — по зимнему пути, *какъ рѣка становится.*

Мѣдь доставлялась въ воронежскій край исключительно въ видѣ готовыхъ издѣлій: монастырѣмъ и церквамъ колокола образки и складни изъ красной мѣди, казніи — пушки, пищали, сосуды заорленные, трубы и котлы, а купцы привозили мѣдными украшеніи и домашнюю посуду, какъ серьги, кольца, кестрюли, чарки, кубки и проч. Во всѣхъ этихъ видахъ мѣдь продавалась цѣною въ 5 руб. 26 алт. за пудъ и 5 алтынь за гривенку — по вѣсу; въ Острогожскѣ мѣдные кольца продавались по *полугрошу*, а крестики — по *грошу* и дороже.

II. Продукты царства растительнаго.

Сюда относятся *земледѣльскія, огородныя, бахчевыя и садовыя* произрастенія, а также *сѣно, солома и мѣсъ* въ сыромъ и обработанномъ видѣ.

Земледѣльскія произрастенія. Если какаѣ либо область нашего отечества имѣла право считаться житницей Россіи, то это во всякомъ случаѣ былъ плодороднѣйшій Воронежскій край, удержавшій пальму первенства въ этомъ отношеніи въ теченіи трехъ столѣтій. Огромный двухаршинной толщины пластъ тучнаго чернозема, почти сплошную покрывавшій воронежскій край, необычайное обиліе водъ, судоходность его главныхъ рѣкъ, огромное богатство лѣсовъ, годныя для судостроенія, безбрежный Югъ, съ его, частью казачьимъ, частью кочевымъ населеніемъ, во всякомъ случаѣ, зудымъ склонности къ завятію земледѣліемъ, огромный, вслѣдствіе этого, спросъ на его сельскія произведенія при совершенномъ почти отсутствіи конкуренціи — вотъ какими благами и преимуществами пользовался воронежскій край!

Наиболѣе распространенные роды хлѣбныхъ произрастеній были въ сѣверныхъ частяхъ края: рожь, овесъ и гречиха, а въ южныхъ (у черкассъ) пшеница, овесъ и ячмень. Особенно много производилось овса, отправлявшагося ежегодно въ огромномъ количествѣ на югъ. Урожай доходилъ здѣсь до 20 и 30 зеренъ. Но вслѣдствіе примитивнаго состоянія земледѣлія, урожай и неурожай хлѣба опредѣлялъ его дешевизну или дороговизну. По случаю неурожая, цѣнность хлѣба возвышалась иногда въ десять разъ болѣе обыкновенной, а то и вовсе случалось, что ни за какія деньги нельзя было купить хлѣба и тогда люди, какъ напр. валуйчане въ 1674 году, ѣли, *съ макіной мшашючи, племъ и жолуди, племковыя книюки и съ голоду брели рознь.* Въ тяжелыя годыны подобныхъ ужасныхъ бѣдствій, за отсутствіемъ общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ, *государевы житницы* являлись истинными спасителями народонаселенія отъ неминуемой голодной смерти. Первая извѣстная намъ дороговизна хлѣба въ Воронежскомъ краѣ случилась въ 1594 г., когда цѣна на хлѣбъ подвигалась сначала до 20 алтынь съ гривною, затѣмъ достигла до полутретьядцати алтынь и наконецъ хлѣба уже вовсе нельзя было купить, — открыли государевы житницы. При Михаилѣ Федоровичѣ *кладня* или *кладня* овса или пшеницы продавалась по 1 рублю, а при Алексѣѣ Михайловичѣ

рожь и овес продавались по 2 р. за *юфть*; при Петръ I въ самомъ концѣ XVII столѣтія четь ржи стоила 16 алтынъ, отсюда видно, что средняя цѣна этимъ тремъ родамъ хлѣба въ XVII в. до Петра была около 8—10 алтынъ за четверть, а въ Петровскую эпоху она увеличилась въ полтора раза для ржи и овса и въ два раза для пшеницы, которая ранѣе продавалась почти по одной цѣнѣ съ прочими хлѣбами; въ 1699 году пшеница стоила уже 20 алтынъ четверть. Впрочемъ колебанія цѣнъ были настолько значительны, настолько зависѣли отъ степени урожая того и другаго хлѣба въ извѣстномъ году, что сдѣлать какой либо выводъ въ отношеніи ихъ не представляется возможности; бывали года когда рожь продавалась по одной цѣнѣ и даже дороже пшеницы, а овесъ иногда продавался по 5 и даже по 4 алтына за четь. Мука цѣнилась на 4 деньги дороже зерна за четь. Но такъ такъ цѣны ниже указанныхъ не бывали, то они въ Москвѣ естественно должны были быть выше, вотъ почему сообщеніе Флетчера, что пшеница продавалась тамъ иногда по 2 алтына за *четверть*, думаемъ, слѣдуетъ считать ошибкой или опяской, — вѣроятно Флетчеръ считалъ за *четверникъ*, т. е. по 16 алтынъ за четверть, что и будетъ гораздо ближе истинѣ, ибо такихъ низкихъ цѣнъ даже здѣсь на Дону въ наиболѣе урожайныягоды не знавали, а вѣдь Донъ кормилъ Москву.

Пребываніе Петра I на Воронежѣ и заведенныя имъ адмиралтейства и верфи также значительно повліяли какъ на усиленіе сбыта, такъ и на повышеніе цѣнъ. Такъ въ 1699 г. была изъ Воронежа отправлена партія хлѣба на Камышинъ и Царицынъ, запроданная по слѣдующимъ цѣнамъ: 3068 четей ржи—по 16 алтынъ четь; 1789 ч. муки ржаной по 16 алтынъ по 4 деньги четь; 956 четей сухарей, по 10 алтынъ четь; 370 четей пшеницы по 20 алтынъ; 145 четей овса по 5 алтынъ; 68 четей полбы по 10 алтынъ; 6 четей ячменя по 10 алтынъ за четь. Спустя 10 лѣтъ, въ 1709 г. были отправлены изъ Воронежа на Донъ хлѣбные продукты по слѣдующимъ цѣнамъ.

107	<i>мещерокъ</i> ржаной муки	—	—	по 10 алтынъ.
103	мещерки овса	—	—	по 2 гривны.
100	<i>кульковъ</i> сѣмя	—	—	по 2 гривны.
185	кульковъ пшена	—	—	по 10 алтынъ.
455	кульковъ гороху	—	—	по 2 гривны.
111	кульковъ гречной муки	—	—	по 10 алтынъ.
850	кульковъ пшеничной муки	—	—	по 10 алтынъ.

Замѣчательно, что цѣны на сельскохозяйственныя произведенія были въ Воронежѣ и Острогожскѣ почти равны. Такъ, вапримѣръ, въ томъ же году была запродана партія хлѣба въ Острогожскѣ по слѣдующимъ цѣнамъ:

1060	кульковъ пшеничной муки	—	—	по 10 алтынъ.
340	кульковъ гороху	—	—	по 2 гривны.
80	мещерокъ овса	—	—	по 2 гривны.
30	кульковъ сѣмян	—	—	по 2 гривны.
35	четвертей ржаного и ячянаго солоду	24	рубли.	
90	пудъ <i>моченцу</i> (*)	—	—	31 рубль съ полтвюю.

(*) Такъ назывался старину лучшій сортъ или промтый ленъ.

8 пудъ хмелю — — — — 5 рублей.

363 кулька грѣчныхъ крупъ — — по 2 гривны.

Воронежскимъ торговымъ человѣкомъ было отправлено въ томъ же году въ двѣ бударѣ на Довъ:

434 мешерокъ ржаной муки — — (по 10 алтынь.

296 кульковъ пшена — — — (

10 четвертей хмелю — — — 6 рублей.

185 кульковъ грѣчной муки — — по 10 алтынь.

54 кулька семя коноплянаго —)

84 кулька гороху — — —) по двѣ гривны.

Два года спустя, въ 1711 г., по случаю войны съ Турціею, казна покупала на Воронежѣ хлѣба, овса и сѣна въ очень значительномъ количествѣ. Хлѣба—на 25000 человѣкъ, а фуражъ на 7000 лошадей. За овесъ казна платила по 13 алтынь по 2 деньги за *четь*, что соответствовало вышеприказанной цѣнѣ за 2 *мешерки* (4 гривны), а за сѣно—по 6 денегъ за пудъ.

Приведемъ ксати цифровыя данныя о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ, выдававшихся изъ казны солдатамъ и ихъ семействамъ на мѣсячное прокормленіе, а равно количество фуража, отпускавшагося на содержаніе полковыхъ лошадей, что представляеть интересъ не только съ мѣстной сельскохозяйственной точки зрѣнія, но и съ чисто военной.

Солдатамъ на полмѣсяца муки по четвернику, крупъ—по полумалому четвернику; итого (отпущено на 3-хъ человѣкъ) муки осмива безъ четверника, крупъ малъ четверикъ и полъ-малаго четверика; эти порціи отпускались командированнымъ въ караулы. Въ каждый полкъ же безъ различія отпускалось:

Урядникамъ и рядовымъ женатымъ: муки—по три четверика съ малымъ третникомъ; крупъ по пол-получетвернику.

Холостымъ—муки по полусмивѣ.

Солдацкимъ жовамъ, у которыхъ мужья въ разныхъ отлучкахъ: муки по четвернику съ малымъ третникомъ; крупъ—по малому четвернику.

Солдацкимъ женамъ, у которыхъ мужья съ полковниками на службѣ, а также сиротамъ (дѣтямъ убитыхъ на войнѣ солдатъ) мужска полу и *двоичья* полу—муки по четвернику, овса по малому третнику.

Вдовамъ (солдатскимъ) муки по полчетвернику.

Соли—по 2 фунта въ мѣсяцъ на человѣка.

На прокормъ полковыхъ лошадей на 8 мѣсяцевъ, т. е. съ 1-го сентября по 1 мая, отпускалось 10 четв овса и 120 пуд. сѣна на лошадь, остальное время лошади паслись на казенныхъ пастбищахъ. Такимъ образомъ прокормленіе каждой лошади обходилось казнѣ въ годъ по 7 р. 60 к., если не считать стоимость травы, которая впрочемъ ни во что не обходилась казнѣ.

При Петрѣ I, вслѣдствіе усиленныхъ повинностей и работъ на воронежскихъ корабельныхъ верфяхъ, начались побѣги крестьянъ съ Воронежа на Довъ, какъ 100 лѣтъ предъ тѣмъ они спасались сюда, бѣгая изъ Руси отъ закрѣпощенія. Бѣгали старые, бѣгали молодые, бѣгали зажиточные и бѣдные, вмѣстѣ съ семьями и врознь, пустѣли помѣстья, деревни и села. Крестьянъ ловили и предавали суду за побѣгъ. Судьямъ они все въ одинъ голосъ твердили: «бѣгали мы на Икорецъ и Бетюкъ и на Довъ къ казакамъ не по под-

говору, а собою, отъ великой скудости, потому: отъ брегавтирнаго строеня и отъ заготовливаня лѣсныхъ припасовъ мы обезлошадѣли и обезхлѣбили и кормитца намъ стало нечѣмъ». Въ 1704 году лѣтомъ, воронежскій край представлялъ странное зрѣлище: огромныя поля, покрытыя прекраснымъ хлѣбомъ, оставались неубранными — некому было, не хватало рукъ. Множество земледѣльцевъ, покинувъ дома и хозяйства свои, бѣжали на Донъ, а оттуда, боясь понижки и смертной казни, перебирались за Кубань, къ ахреямъ. Цѣны на сельскохозяйственныя произведенія не могли поэтому не возвыситься. Мы только что видѣли, какъ за пудъ сѣна, которое само по себѣ, какъ продуктъ, почти ничего не стоило, — платили 6 денегъ, когда немного ранѣе цѣлый остренокъ (польвоза) стоилъ 7—8 *грошей*, значить почти два уборка пуда сѣна оплачивалась этой цѣною, потому что цѣна обозначена на мѣстѣ, а не съ доставкой въ городъ. Четь ржи поднялась тогда-же съ 10 алтынъ до 26 и болѣе.

Усиленное бѣгство крестьянъ на Донъ гибельно отозвалось на мѣстной сельскохозяйственной промышленности, многіе помѣщики разорились, потерявъ все, нѣкоторые бѣжали вслѣдъ за своими крестьянами.

Воронежцы призадумались. Необходимо было найти исходъ изъ этого труднаго положенія; необходимо было видоизмѣнить мѣстное сельское хозяйство, такъ чтобы оно при новыхъ условіяхъ обходилось гораздо меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ, притомъ безъ умаленія доходности и съ возможно меньшею зависимостью отъ мѣстнаго судоходства, также сильно сократившагося вслѣдствіе недостатка торговыхъ струговъ и бударь, для строенія которыхъ не хватало не только рабочихъ, но и лѣснаго матеріала, добываніе котораго было временно до крайности затруднено особыми указами. Исходъ былъ найденъ, и съ тѣхъ поръ въ исторіи воронежской сельскохозяйственной промышленности впервые замѣчается рѣзкій переходъ отъ зачатій чисто земледѣльческихъ къ скотоводству и къ промышленности *обрабатывающей* произведенія всѣхъ трехъ царствъ. И въ самомъ дѣлѣ, новая форма промышленности воронежцевъ не только могла ограничиться гораздо меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ, но во многихъ случаяхъ удовлетворялась такими трудоспособностями, какія ранѣе мало или вовсе не могли быть приняты, таковы были множество жонъ и дѣтей и пожилыхъ рабочихъ, оставшихся послѣ бѣгства ихъ мужей, отцовъ и сыновей. Вместе съ тѣмъ въ обработанномъ видѣ всѣ сельско-хозяйственныя произведенія оказались много прибыльнѣе сырья. Одни только рогатый скотъ нѣкоторые продолжали еще отправлять живьемъ, гуртами, и то единственно потому, что передвиженіе его не требовало ни бударь, ни струговъ, которые такъ трудно было добывать. Такимъ образомъ и эти стѣпенія, вызванныя необходимостью создать флотъ для общаго блага Россіи, также послужили въ пользу Воронежцамъ, указавъ имъ путь къ усовершенствованію своей сельско-хозяйственной промышленности, которая впоследствии, когда стѣпенія въ судостроеніи были устранены, достигла высокой степени развитія и заняла въ этомъ отношеніи видное мѣсто въ ряду наиболѣе цвѣтущихъ областей Россіи. Мы съ тѣхъ поръ видимъ воронежцевъ сбывающими на южныхъ и сѣверныхъ рынкахъ преимущественно обработанныя произведенія своего сельскаго хозяйства. Умудренные опытомъ, ободренные гениальнымъ царемъ, воронежцы

стали открывать одинъ за другимъ заводы и фабрики, которыхъ на Воронежѣ еще въ царствованіи Петра было немало, но тѣ заводы и фабрики были заведены самимъ монархомъ, а не населеніемъ. Правда, въ началѣ все это дѣлалось какъ-то робко и нерѣшительно, все это создавалось и содержалось, опиралось главнымъ образомъ на казенныхъ подрядовъ Петровскихъ адмиралтействъ, но еще младенческая промышленность воронежцевъ, какъ и все младенческое, тогда еще нуждалась въ точкѣ опоры, безъ которой трудно было бы возникнуть новому дѣлу у малоразвитаго населенія придоваго края. Не только купечество, но и мѣстные дворяне-помѣщики привялились за фабрично-заводскую промышленность, обрабатывая сырыя произведенія своего сельскаго хозяйства, о чемъ скажемъ подробнѣе, закончивъ обзоръ сельскохозяйственныхъ произведеній края.

О количествѣ и качествѣ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ произрастеній будетъ сказано при обзорѣ сбыта ихъ.

Изъ прочихъ произведеній царства растительнаго достойны вниманія слѣдующія:

Каменный уголь, извѣстный здѣсь съ незапамятныхъ временъ, употреблявшійся еще татарами въ XIII столѣтіи (*); въ XVII вѣкѣ его уже знали придовагіе обитатели подъ названіемъ *горючій камень*, но употребляли его не какъ топливо для печей, а для варки нищи въ полѣ. Причина, почему этотъ драгоценный горючій матеріалъ оставался у воронежцевъ долго въ забвеніи, объясняется какъ чрезвычайнымъ обиліемъ и дешевизною лѣса, такъ главнымъ образомъ незнакомствомъ воронежцевъ не только съ свойствами и преимуществами огнеупорнаго кирпича, но даже съ условіями, дѣлающими печку безопасною въ противопожарномъ отношеніи, вслѣдствіе чего пожары случались здѣсь такъ часто. Извѣстно, что лишь въ 1718 г. былъ изданъ указъ о строеніи печей на фундаментахъ, а не на полу, и чтобы печныя трубы были столь широки, чтобъ человекъ могъ пролѣзть въ нихъ. Не только частные дома, фабрики и заводы, но даже казенные желѣзные заводы Боренскіе, Липскіе и Кармалинскіе работали дровами и это потому, что большой возъ дровъ стоилъ въ началѣ прошлаго вѣка, при Петрѣ, не дороже двухъ алтынъ, а по ковчинѣ геніальнаго монарха, когда лѣсъ вздорожалъ, уже некому было объ этомъ подумать (**).

Древесный уголь—употреблялся въ огромномъ количествѣ адмиралтействами и въ сравнительно небольшомъ—винокурными и другими заводами и фабриками; частная промышленность расходовала его въ незначительномъ количествѣ.

Зола—стала важнымъ предметомъ торговли лишь въ петровскую эпоху, когда одинъ за другимъ стали быстро возникать мыловаренные заводы; кромѣ того зола покупалась казенными табачными, винокурными и въ некоторыя дру- гими заводами.

(*) Марко Паоло, проѣзжавшій Стени въ 1272—1295 гг., рассказываетъ о употребленіи каменнаго угля татарами: «An allen Orten der Landschaft Kathai gräbt man eine schwarze Steinart aus den Bergen, welche im Feuer ebenso, wie das Holz brennt, und wenn sie einmal im Brande ist, ausserordentlich lange fortglimmt; denn brennt man diese Steine z. B. des abends an, so dauert ihr Feuer bis zum andern Tage fort. In Gegenden, welche arm an Holze sind, kommen solche den Einwohnern sehr zu statten. (См. отд. «Von Steinen, die wie Holz brennen» стр. 127 Marco Paolo's Reise in den Orient, verdeutsch von Felix Peregrin, Leipzig 1802).

(**) Въ 30-годахъ прошлаго столѣтія дрова начали продавать сажнями. Сажень печатная дровъ стоила отъ 2 р. до 50 к., а расквашная или *махова*, т. е. глазомѣрная, опредѣлявшаяся размахомъ рукъ—1 р. 50 к.

Деготь—составлялъ весьма важный вывозной продукт сельскохозяйственной промышленности. Его отправляли огромными партіями въ казачьи городки, откуда онъ расходился по всему Югу.

Дерево—сплавлялось въ казачьи городки или плотами, или же готовыми бударями, дощаниками и стругами, гдѣ они, смотря по состоянію, въ которомъ находились, разбирались точчасъ на дрова или доски, или же вытасченные на берегъ въ опрокинутомъ видѣ съ продѣланными дверью, окнами и трубою, превращались въ жилище или же наконецъ, совершенно прочные и годные къ плавному пути, продолжали исполнять свое прежнее назначеніе. При Петрѣ I частная торговля лѣсомъ была до крайности стѣснена, такъ что одво время по Дову сплавлялись почти одни только казенные плоты, предназначавшіеся для удовлетворенія потребностей въ хорошемъ и дровяномъ лѣсѣ переселенцевъ новозавоеванныхъ и новоостроющихся городовъ. За то тѣмъ значительнѣе былъ сбытъ деревянныхъ издѣлій: куфь, кадей, бочекъ, полубочекъ, ведеръ, а также разнаго рода посуды какъ мисъ, тарелокъ, ложекъ, колесъ (*), корытъ, всякаго рода роговъ и цыновокъ, лубя, лаптей, кузововъ, мочальныхъ шлей, и т. п., вообще мочальное производство и заготовленіе бочарнаго и подѣлочнаго лѣса достигли въ воронежцевъ въ началѣ прошлаго вѣка высокой степени развитія, — за нѣкоторыми издѣліями воронежцевъ пріѣзжали даже изъ Суадала. Достойно также вниманія искусство воронежцевъ, развившеся со средины XVII в., т. е. съ переселеніемъ на Довъ черкасы, — *пиленіе* бревенъ и *дранницъ*, а равно и выдѣлываніе для кровель дубоваго съ прорѣзнымъ краемъ *гонта*, а также отличались они умѣньемъ дѣлать для продажи разную деревянную утварь и мебель съ очень искусною рѣзкою.

Табакъ—строго запрещенный при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (***) табакъ вошелъ во всеобщее употребленіе при Петрѣ I, въ царствованіи котораго не курили олаи только раскольники. Съ средины XVII ст., прибывшіе изъ заднѣпровья черкасы начали разводить табакъ и тайно промышленять имъ, такъ что во времени прібытія Петра табакъ былъ уже сильно распространенъ среди воронежцевъ. По учрежденіи правительственной монополіи, черкасы продолжали свой тайный промыселъ, для чего у устья р. Воронежъ въ уединенномъ мѣстѣ у нихъ былъ устроенъ складъ, откуда ночами его потихоньку доставляли въ Воронежъ или мимо его, въ Елецъ, Рязань и Москву. Такъ какъ *корчменники* не умѣлись, то правительство стало скупать его у нихъ по выгодной цѣнѣ; съ тѣхъ поръ въ продажѣ здѣсь существовали два сорта табаку: *тмлецкій*, доставлявшійся Гутфейлемъ и *черкасскій*, привозимый Острогосцавами. Казенныя фабрики обрабатывали эти два сорта золою. Табакъ продавался въ видѣ *крупной* крошки, *мелкой* и *тертой пыли* (вѣроятно нюхательный). Тутъ же продавались табачными цѣловальниками трубки для куренія двухъ величинъ: большой и малой руки, а также табакерки или тавлинки изъ бересты, емкостью въ осмю, четъ и полугривенки, т. е. въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и полфунта. Табакъ

(*) Колеса продавались *теллами*, т. е. по 2 пары, изъ коихъ передняя пара была ниже задней; за телбгу колесъ платили 8 алтынъ.

(**) Въ числѣ обязательствъ поступающаго въ ратные или вообще на государственную службу въ началѣ XVII в. было между прочимъ воздержаніе отъ куренія. Въ поручной записи поручатели ручались за *новичка*, что онъ не будетъ имѣть табакъ, какъ тогда называли куреніе.

продавался оптомъ — пудами, а въ розницу гривенками или фунтами, четвами или четверками и полчетвями или осмьюшками.

Хмель — составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ внутренней и вывозной (вывозной) торговли. Его разводили въ большомъ количествѣ. Сотнями пудовъ отвозили его въ Царицынъ гдѣ вымѣнивали на соль и осетровъ.

Дрожжи — готовились особенно много Острогскими черкасами, у которыхъ они продавались въ шинкахъ. На одинъ *грош* дрожжей давали столько, что хватало для выпеченія калачей изъ четверика муки.

Укусъ — хлѣбный стали готовить одновременно съ винокурениемъ; его готовили изъ ячменнаго или пшеничнаго солода. Укусъ воронежцы продавали преимущественно донскимъ казакамъ, но не мало его также отпускалось въ Камышинъ и Царицынъ. Въ свое время здѣсь славился *ренсковый* укусъ, который готовили острогскіе черкасы слѣдующимъ образомъ.

Въ чистое ведро вливали штофъ простаго хлѣбнаго вина, куда клали также фунтъ меду и подстакана клюквы и долина заливали чистою водою; смѣсь подвергали затѣмъ броженію, т. е. оставляли на теплой печи до тѣхъ поръ, пока не образовалось *гнѣздо*, послѣ чего готовый укусъ сливали въ бутылки. Такимъ образомъ приготовленный укусъ имѣлъ крѣпость лучшаго *ренского* и притомъ красивый розовый цвѣтъ. Разъ это гнѣздо образовалось, достаточно было только подливать *сыты* для непрерывнаго образованія этого рода укуса. Клюкву клали размятую, а не цѣльными ягодами, а укусъ посматривалъ въ 2 недѣли.

Вино хлѣбное. Едва ли существовала когда либо въ боронскомъ краѣ отрасль сельскохозяйственной промышленности старѣе по времени и обширнѣе по производству винокурения. Уже въ 1593 году жаловалась воронежская администрація царю Феодору Іоанновичу на мѣстныхъ черкасъ, что они «медъ сытять и вино курять и пьютъ и бражничаютъ», что очевидно уже тогда считалось корчемствомъ. Въ 1623 году одинъ только воронежскій кабакъ давалъ откупу въ годъ, считая съ наддачею, свыше 1266 рублей. Какое же количество вина долженъ былъ выкурить и продать тогдашній откупщикъ Кострикинъ, чтобъ самому нажитья, да еще въ казну уплатить столь значительную по тому времени сумму! Сколько при этомъ выкуривала казна для дачи въ жалованье разнымъ кормовымъ служилымъ людямъ, въ томъ числѣ донскимъ казакамъ, получавшимъ ежегодно 500 ведръ вина. Сколько выкуривала помещики на свой обиходъ, а главное сколько выкуривалось *корчемнаго* или контрабанднаго вина?

Въ 1652 году прибылъ на Донъ на вѣчное житье Ивавъ Дзянковскій съ 1000 ч. черкасъ, кои поселились по Тихой Соснѣ, до устья ея. Одна изъ главнѣйшихъ привилегій, дарованныхъ имъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, заключалась въ сторожевой службѣ и охраны тогдашнихъ границъ Московскаго государства, — было свободное, безбродное и безпошлинное винокурение и шинкованіе. Своими правами Острогжане воспользовались чрезвычайно широко, такъ что не только въ украинныхъ городахъ, какъ Дивны, Воронежъ, Орловъ, Усмань, Валуйки и другіе, но даже въ Елецкихъ и Рязанскихъ казенныхъ кабакахъ, вскорѣ стало *питуховъ* мало и корчемство сильно развилось.

За безпошлиннымъ виномъ прїѣзжали въ Острогскскъ изъ отдаленныхъ горо-

довъ и тайкомъ провозили его мимо воронежскихъ заставъ и довскихъ *перевозовъ*, т. е. кордоновъ, въ разные сѣверные города; но главный сбытъ хлѣбнаго явна все таки производился въ казачьихъ городахъ и производился онъ не осторожными черкасами, которые всячески избѣгали навлечь на себя неудовольствіе правительства и чрезъ то лишиться столь выгодныхъ привилегій, а елецкими и воронежскими торговыми людьми.

Дѣлалось это такимъ образомъ. Елецкіе купцы у своего воеводы, а воронежцы у воронежскаго брали *прозжую* память на Довъ въ казачьи городки, т. е. паспортъ, обыкновенно на 4 мѣсяца, — на 2 мѣсяца лишнихъ, изъ предосторожности, чтобы не платить *пени* вслучаѣ непредвидѣнной просрочки; при чемъ представляли *поручимыя* записи по себѣ и по своихъ гребцахъ, чтобы имъ на Дону не осталось. На заставѣ или перевозѣ, у самаго города Воронежа, осадный голова провѣрялъ наличность тощаровъ, но росписи, которая торговцами раѣе представлялась воеводѣ и свидѣтельствовалась имъ, причѣмъ досматривалось: 1) чтобы товары и запасы были по роду и количеству тѣже, какіе значились въ росписи; 2) чтобы въ бударѣ, дощавикѣ или стругѣ не было корчевнаго явна; 3) чтобы на суднѣ не было людей лишнихъ или вообще незначущихся въ проѣзжей. При Петрѣ I, кромя того, строго провѣрялись гребцы въ томъ, не бѣгле ли они и не тягле и не изъ солдатъ ли и не отъ корабельной или иной работы не отбыли ль.

Провѣривъ всё эти пункты и найдя все въ порядкѣ, осадный голова дѣлалъ помѣту на проѣзжей памяти и судно отправлялось въ дальнѣйшее плаваніе. Тѣмъ временемъ, пока судно медленно подвигалось впередъ, стремясь изъ устья Воронежа внизъ по Дону, верховой казакъ доставлялъ на Довскіе перевозки или заставы сообщеніе воронежскаго осаднаго головы объ осмотрѣ такихъ-то и такихъ-то елецкихъ или воронежскихъ торговыхъ судовъ, пропущенныхъ мимо или отпущенныхъ изъ самаго Воронежа. Этихъ перевозовъ или раздвижныхъ мостовъ было кромя воронежскаго — 7 и сквозь нихъ прокрасться тайкомъ было немислимо не только бударѣ или дощавику, но даже и небольшой лодкѣ. Эти перевозки находились: 1) у с. *Гвоздевки*, 2) у с. *Губарева*, 3) у с. *Семилуки*, 4) на устьѣ р. *Довицы*, 5) у с. *Устья*, 6) въ *Крячковой Полнѣ* и 7) у *Боршевскаго* монастыря. Первые 5 перевозовъ обыскивали суда, спускавшіеся по верхнему теченію Дона, а суда, плывшія изъ р. Воронежа, если направлялись внизъ по Дону, обыскивались лишь на Кречковской и Боршевской заставахъ. Обысканные и пропущенные на послѣдней заставѣ торговые люди смѣло и безпрепятственно продолжали путь до Коротояка, гдѣ ихъ снова обыскивали, свѣрили съ проѣзжими памятьми и отпускали дальше. Наконецъ они пріѣзжали въ Острогоскъ. Здѣсь они свѣрили распродать привезенные товары на наличныя деньги или, что было какъ имъ, такъ и черкасамъ выгодно — обмѣнить ихъ явно. Главные и пользовавшіеся наибольшимъ спросомъ товары, какіе торговцы привозили, были: 1) *Аба*, — такъ назывались плащи или сватки изъ толстаго, плотнаго, преимущественно свѣтлыхъ цвѣтовъ сукна, очень любимыя черкасами. 2) Разныя дорогія ткани, шелковые пояса и вятки. 3) Зеркала, асыры (*), гребни, перстни и разныя предметы для украшеній. 4) Попоны

(* Такъ назывались фунтовые вѣсы употреблявшіеся въ домашнемъ быту. Говорили *асыры шолку*, вмѣсто того, чтобы сказать фунтъ шолку.

и сѣдла литовскія. 5) Сукна шнаискія, тузинскія, кармазиновыя и каруновыя. 7) Котлы бражныя, пивные и путные. 6) Кружева польскія, кисея камхавныя и мн. др. вещей.

Распродавъ или обмѣнявъ товары на вино, торговцы въ *там* грузили безпошлинное для черкассъ, а для нихъ *корчемное* вино въ будары, предварительно заявивъ Острогожскому воеводѣ, что распродавшись, собираются ѣхать дальше, въ Камышинъ за солью, и по освидѣтельствованіи воеводою или его посланнымъ пустыхъ бударъ, отъѣзжали немного ниже Острогожска, гдѣ нагружали корчемное вино и слявшись съ якоря отправлялись къ донскимъ казакамъ. Какъ въ Острогожскѣ *аба*, такъ въ казачьихъ городкахъ цѣвилось вино выше всего. Поэтому, понятно, что купцы, пріѣзжавшіе съ подобнымъ товаромъ, были весьма желанные гости. Вино скоро обмѣнявалось на Торскую или Бахмутскую соль, а также на разные предметы, *отгромленные* и затѣмъ *раздуваненные* межъ себя донцами и — торговые люди съ великою прибылью направлялись въ обратный путь, гдѣ еще разъ на обратномъ пути останавливались въ Острогожскѣ, чтобы болѣе цѣнные предметы роскоши вымѣнять или продать болѣе прожиточнымъ черкассамъ. Тамъ они вымѣняли или продавали, добытые равнѣ донцами: визильбашескія сѣдла и оружія, турскія сабли, пояса верблюжьи, мѣха тигровыя, платки китайскіе и прочіе. Взаимнѣ всего этого они брали или покупали разныхъ рода рыбы, какъ осетровъ, севрюги, стерлядей и проч. и возвращались обратно домой въ Воронежъ ли, Елецъ или Данковъ, и т. д.

А винокурение казенное и черкасское и корчемное между тѣмъ съ каждымъ годомъ продолжало развиваться, такъ что къ концу XVII в. придонской край, благодаря только необычайному плодородію его почвы, могъ удовлетворять всѣ эти винокурни и рожью и хмелемъ и ячменемъ, такъ сильно разрослась эта и поныѣ господствующая отрасль сельскохозяйственной промышленности. Такъ какъ самыя обширныя по производству винокуренныя заводы въ петровскую эпоху были казенныя, то мы на нихъ и остановимся. Главныхъ кружечныхъ дворовъ въ воронежскомъ краѣ было два. Однѣя на Воронежѣ, другой — въ Тавровѣ. Сначала эти два завода удовлетворяли мѣстный спросъ на вино, но съ учрежденіемъ адмиралтействъ, а въ особенности послѣ завоеванія Азова, когда по Дону возникло нѣсколько новыхъ городовъ, населенныхъ сведенцами изъ разныхъ городовъ, преимущественно Казани, Симбярска и Пензы, — эти заводы оказались уже не въ состояніи удовлетворить сильно разросшейся спросъ на вино, не смотря на то, что имъ въ помощь открыты были заводы въ Орловѣ, Усмани, Усердѣ, Коротожкѣ и даже въ самомъ Острогожскѣ. Тогда Правительство предложило нѣсколькимъ извѣстнымъ своею благонадежностью лицамъ взять на себя *подрядную* доставку вина въ казну, отдѣльно кромѣ того поручалось нѣкоторымъ лицамъ *высидѣть* въ самомъ Воронежѣ отъ 20,000 до 60,000 ведръ вина; послѣднее случалось впрочемъ только по *военнымъ случаямъ*, то есть въ военное время, когда ни заводы, ни подрядчики не могли снабжать виномъ многочисленныя войска, сосредоточивавшіяся гдѣ либо не въ далекомъ. Наибольшее количество подряднаго вина доставляла Починковская волость, откуда въ одинъ разъ доставляли на Воронежъ отъ 4000 и до 20,000 ведръ, въ сосновыхъ бочкахъ, а на Воронежѣ вино перолевали въ дубовыя бочки, ко-

тогда акт и основыны всегда были одной ёмкости въ 40 в. При Петръ I различала три сорта хлѣбнаго вина.

1) *Вино простое*, едва очищенное отъ сивушнаго масла, шло исключительно на удовлетвореніе потребности простолюдиновъ. Оно продавалось ведро по 10 алтынъ, а при усиленномъ спросѣ, какъ напримѣръ предъ праздниками—по 10 алтынъ и по 4 деньги за ведро.

2) *Вино двойное* или двойное—высшаго достоинства приготавливалось изъ простаго вина и самый процессъ приготвленья носилъ названіе *двоевья*, какъ процессъ производства перваго—*сиднья*. Вино двоили такимъ образомъ, что сначала его наставляли съ извѣстнымъ количествомъ *розмарина*, а затѣмъ перегоняли. Во что обходилось казнѣ это двоевье, сколько чего бралось и почему оно продавалось, это видно изъ слѣдующаго отчета воронежскихъ цѣловальниковъ за 1699 годъ.

На двоевье простаго вина взято:

767 ведръ по 10 алтынъ и 2367 ведръ 2 чети по 10 алт. по 4 деньги, а всего—3134 ведра съ полуведромъ, стоимостью—987 р. 23 алт. 2 д.

Размарину 14 пуд. 10 фунт., по 2 алт. за фунтъ—34 р. 6 ал. 4 д.

Дровъ употреблено было на 21 р. 19 алт. 2 д.

Винокуру за двоевье дано 14 р. 14 алт. 4 д.

А всего вина и запасовъ по цѣвѣ 1057 руб. 30 алт. 4 деньги.

Двойнаго вина вышло 1653 ведра.

Во истинѣ стало ведро по 21 алт. по 2 деньги.

Въ наличности оставалось простаго вина 14,582 ведра 2 ч., коему *истинная* цѣна 4477 руб. 4 алт. полпята денегъ.

Отсюда видно, что ведро простаго вина обходилось казнѣ въ $30\frac{2}{3}$ коп., а двойнаго—64 коп. Первое продавалось ведро по 10 алтынъ, а иногда по 10 алт. по 4 д. (причемъ для продажи сильно разбавлялось водою цѣловальниками, вестолько въ пользу казны, сколько въ собственную), а второе—по 1 руб. 9 алт. и по 2 д. за ведро, а если въ раздробъ, то по 1 р. 12 алт. и по 2 д.

По отчетностямъ цѣловальниковъ, казна имѣла прибыли на двойное вино, *при истинѣ* въ 907 р. и 28 алтынъ—997 руб. 30 алт. и 3 деньги или почти 110%; впрочемъ простое вино, по указанной выше причинѣ, давало казнѣ несравненно больше прибыли...

Двойное вино продавалось въ посудахъ ведерныхъ, полуведерныхъ и четвертныхъ, а въ раздробъ кружками, полукружками и чарками.

3) *Приказная водка*—самаго высшаго достоинства вино, готовилась особыми специалистами-стряпчими Сытнаго Дворца для обихода великаго государя. Поступала ли этотъ сортъ водки въ продажу или нѣтъ, сказать не можемъ, за неотыскаемѣмъ свѣдѣній, но съ достовѣрностью знаемъ, что именно этой водкой Петръ I щедро угощалъ своихъ *птенцовъ*, которые, въ отсутствіи монарха, какъ извѣстно по исторіи, сами угощались ею еще щедрѣе того. Какого рода это былъ напитокъ, почему онъ такъ горячиль головы знаменитыхъ *пылуховъ*, доводя ихъ до брани и драки, это видно изъ способа приготвленья его. Въ петровскую эпоху особымъ умѣньемъ *готовить «приказную»* отличался стряпчий Сытнаго Дворца Прокофій Звѣревъ, который нарочно съ этой цѣлю былъ выписанъ въ Воронежъ въ февралѣ 1699 года. Звѣревъ въ

самомъ дѣлѣ былъ знатокъ своего дѣла, онъ не только зналъ, что грецишная зола содержитъ довольно чистый поташъ, что отъ сухаго поташа вино становится гораздо крѣпче, но повидимому даже имѣлъ понятіе о значеніи въ заводской практикѣ *фракціонированной перегонки*, о преимуществахъ водокъ, перегнанныхъ надъ соответственными растениями, предъ способомъ, практиковавшимся другими и заключавшимся въ простое раствореніи эфирныхъ маселъ, анисоваго, тминаго или другаго, въ спиртѣ. «Всѣ эти хитрости вѣдалъ искусникъ Прокофій», — какъ про Звѣрева говорилъ другой подъячій, мучимый завистью.

Звѣревъ готовилъ *приказную* слѣдующимъ образомъ. Взять известное количество подряднаго вина, онъ взбалтывалъ его съ очищеннымъ порошкомъ березоваго угля и давалъ отстояться. Эту операцію подъячій повторялъ нѣсколько разъ, пока отстоявшееся вино не дѣлалось совершенно безцвѣтнымъ и не лишалось характернаго запаха и вкуса сивушнаго масла, затѣмъ онъ сливалъ вино въ *сулеи*, содержавшія по небольшому количеству поташа и анисоваго масла, взбалтывалъ и сливалъ въ перегонный кубъ, а затѣмъ подвергалъ упомянутой выше фракціонированной или дробной перегонкѣ и получалъ три сорта водки неодинаковой крѣпости и вкуса, но въ общемъ Звѣревская *приказная*, носившая скромное названіе *водки*, имѣла всѣ права на званіе спирта, потому что отъ небольшой *препорціи* пьятили даже привычныя къ вину люди. Самъ Петръ I предпочиталъ это вино всякому другому.

Изъ прочихъ напитковъ мѣстнаго приготовленія достойны вниманія слѣдующіе:

Наливки и настойки изъ разныхъ ягодъ, готовившіяся въ запасъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; первыя въ особенности у Острогожскихъ черкасовъ.

Обитень — въ свое время очень распространенный напитокъ; его готовили взваривая нѣкоторыя душистыя травы съ медомъ и прибавляя въ низшій сортъ изюмъ и стручковый перецъ, а въ лучшій — корицу и инбирь. Для втораго Азовскаго похода сего напитка было приготовлено 23,000 ведръ.

Пива варили черкасы такъ искусно, что самъ адмиралъ-тевецъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ съ удовольствіемъ принималъ бочки съ этимъ напиткомъ, приславшимся изъ Острогожска *въ почестъ* ему, а генералъ Ригимаъ даже самъ частенько бывалъ челою Острогожскому полковнику Ивану Семеновичу Сасу объ этой *почести*, обѣщая за это удерживать своихъ солдатъ отъ равныхъ насилій надъ черкасами и ихъ *мастностями*.

Ковердакъ или *кавардакъ* — такъ называлась встарину сваренная по особому способу смѣсь пива съ медомъ — любимый напитокъ ратныхъ людей временъ Петра I. Для втораго Азовскаго похода ковердакъ готовили въ запасъ ведръ по 500 и болѣе.

Брага варилась изъ проса на подобіе татарскаго напитка «буза».

Квасъ. Этотъ распространенный въ народѣ напитокъ бывалъ тогда, какъ и нынѣ, двухъ сортовъ, *хлебный* и *яблочный*. Второй предпочитали черкасы, которые приготовляли его слѣдующимъ образомъ. Чистую бочку на-

*) Позднѣе, когда вслѣдствіе недобросовѣстности приказныхъ и винокуровъ его стали готовить изъ разныхъ перебродившихъ и окислихъ напитковъ, нѣкогда любимый ковердакъ потерялъ свою популярность. Сначала имъ стали называть послѣднія сливки пива, а затѣмъ и всякій дурной и мутный напитокъ. Если у хозяйки кушанье не удавалось, выходило слишкомъ жидкимъ и вообще дурно приготовленнымъ, то мужъ ей въ сердцахъ говорилъ: «Настригала, матушка, *кавардаку*, сама и ѣшь.»

полняли мелкими и кислыми (лѣсными или садовыми) яблоками, которыя предварительно очищали, обмывали и отбрасывали поврежденныя червями; затѣмъ наполняли бочку чистою и холодною водою, прибавляли нѣкоторыя приливы, какъ анисъ или тминъ или вибирь и оставляли на нѣкоторое время для слабого броженія, сохраняя бочки лѣтомъ въ прохладныхъ, а зимою въ теплыхъ *выходахъ* или погребахъ. У нѣкоторыхъ хозяевъ выхода съ этою цѣлю снабжались *грубками* (небольшими печами).

При чрезвычайномъ обилии яблокъ въ воронежскомъ краѣ, къ сѣмъ едва ли служилъ встарину предметомъ торговли, особенно если примемъ во вниманіе широкое гостепріимство царствовавшее здѣсь встарину. Исключеніе въ этомъ отношеніи могли составлять такіе города какъ Воронежъ, Павловскъ, Острогоскскъ и Азовъ, гдѣ значительное скопленіе народа въ петровскую эпоху затрудняло воронежцевъ въ правилахъ гостепріимства.

Медъ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ и любяѣйшихъ напитковъ горонезцевъ, безъ котораго не обходились никакія празднества, ни пиршества, ни крестины, ни сговоры и свадьбы. Воронежцы ставились своимъ искусствомъ въ приготовленіи всевозможныхъ сортовъ меда, различныхъ какъ по составу, такъ и по вкусу и цвѣту, но выше всѣхъ сортовъ славился красный медъ, носившій названіе *рябинового*, способъ приготовленія котораго былъ слѣдующій: Очень крѣпкую и обитую желѣзными обручами (по причинѣ сильнаго броженія этого меда) бочку наполняли рябиною и приливали соответственнаго количества обыкновеннаго меда, смѣшаннаго съ водою; бочку плотно закрывали крышкою, поверхъ которой клали большія тяжести (камени или гири) и для способствованія броженію въ выходѣ въ теченіи трехъ сутокъ искусственно поддерживали нѣсколько возвышенную температуру («теплую баню») для чего топили грубку. По окончаніи броженія, бочку открывали и жидкость разливали въ небольшіе винные сосуды, закупоривали и ставили въ холодный выходъ.

Этотъ медъ былъ густоватъ, темнокраснаго цвѣта, прозраченъ, чрезвычайно пріятнаго вкуса, сохранялся очень долго и даже отъ времени, подобно винограднымъ винамъ, приобреталъ особенную крѣпость и пріятный вкусъ; 3—4 лѣтній рябиновый медъ въ количествѣ одной бочки, столько же пива да три ведра *скавитаго* вина, преподнесенные *въ почесть* званятому адмиралтейцу Федору Матѣевичу Апракину, при встрѣчѣ его черкасами, 2-го іюня 1702 года у Дивныхъ горъ, вызвали его *многую любовь* къ послѣднимъ и онъ ихъ *велъ дьяковиль*; почему съ тѣхъ поръ черкасы ежегодно *поклонялись* ему на Воронежѣ въ означенномъ количествѣ. Замѣчательно пріятный вкусъ этихъ напитковъ, преподнесенныхъ въ томъ же количествѣ и Донскому атаману и генералу Христофору Ригиняну вызвалъ распоряженіе со стороны перваго, чтобы донскіе казаки и калмыки не обижали и не грабили черкасъ, а со стороны втораго, чтобы солдаты черкасамъ никакой шкнды не чинили. Приказные, сопровождавшіе этихъ военачальниковъ получили кто по *бариллцу* водки, кто *перепустъ* вина, цѣвности въ 8 алтынъ, кто *кладушечку* ржи или *осмачку* пшеницы, а то и *око тютюну*, т. е. 3 фунта табаку и всѣ остались чрезвычайно довольны оказанною *почестью*, вельде дьяковали черкасъ за многую ихъ ласку, не стоившую никакихъ *пенязей*, обѣщавали кто *слоны* не чинить, кто полей не топчаты, а кто черкаское

сно, что въ «левахъ въ скирдахъ и стогахъ на станъхъ стоять» — не розметать...

Опасаясь наскучить читателю многими подробностями, мы опускаемъ описание тогдашняго вѣшняго и вѣтревнаго устройства кружечныхъ дворовъ и питейныхъ домовъ. Скажемъ только, что объ удобствахъ посѣтителей заботились не мало. Такъ изъ описанія воронежскихъ кружечныхъ дворовъ и питейныхъ домовъ конца XVII в. видно, что при нихъ устраивались *лубяныя пристыны для попойки и сидѣнья питуховъ во время дождей*; тутъ же въ сухое время питухи отдыхали подъ тѣнью деревъ, или же отплясывали съ своими дамами разныя пляски подъ звуки музыки виртуозовъ черкасы, преимущественно *цимбалистовъ, трюсигакей и литоврицковъ*. Вообще дошедшіе до насъ письменные памятники глубокой старины свидѣтельствуютъ о великомъ умѣніи воронежцевъ того времени весело проводить время...

Изъ иностранныхъ винъ, не мѣстнаго приготвленія, встрѣчавшихся здѣсь, отмѣтимъ слѣдующія: *алькана* (*), *бастра*, *малмазія* (**), *мушкатель*, *ромнел* и *ревское*. По имянному указу отъ 6 октября 1697 г. велѣно было «у г. Архангельскаго и въ иныхъ порубежныхъ городахъ съ привозныхъ заморскихъ питей нывѣ и впродъ брать В. Г. пошляны съ *полубеременныхъ* бочекъ съ алканы, съ бастры, съ малмазей, съ мушкатели — по осьми, съ романей и съ ревского — по пяти *ефимковъ* съ бочки до всего полнаго числа». Когда же въ 1701-мъ году былъ объявленъ указъ о перевозѣ *Свинской* ярмарки въ Троицкій на Таганрогъ, съ тѣмъ чтобы завязать торговныя сношенія съ Югомъ и Юговостокомъ, то на первую же ярмарку 1702 года были впервые привезены армянами, турками и греками новыхъ два сорта винъ, дотолѣ неизвѣстныхъ воронежцамъ, то были: одно *шаранъ*, другое — *нардекъ*, поставившія въ туникъ мѣстныхъ бурмистровъ, ве знавшихъ сколько брать съ *полубеременной* бочки, — 3 или 5 ефимковъ, въ виду того, что «пошлинное ефимочное взятые съ этихъ поилъ было имъ еще незаобычно».

Бахчеводствомъ занимались вначалѣ одни только черкасы, разводившіе преимущественно тыква, которая употреблялась почти исключительно для откармливанія свиней (***) . Дыни и арбузы или *кавуны*, если и разводились ранѣе черкасами на бахчахъ или *баштанахъ*, то лишь въ небольшомъ количествѣ, потому что, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, Петръ Великій завелъ бахчи въ Азовѣ, откуда арбузы и дыни присылались ему въ Воронежъ и Москву. Бахчеводство развилось лишь впоследствии, составивъ спеціальную сельскохозяйственную отрасль промышленности преимущественно посадскихъ людей двухъ уѣздовъ, Павловскаго и Новохоперскаго, которымъ съ этою цѣлю, по указу Петра I, были отведены весьма значительныя земельныя участки.

Виноградники были заведены въ воронежскомъ краѣ еще Петромъ I, который развелъ здѣсь нѣсколько лучшихъ сортовъ винограда и хотя опытъ доказалъ возможность культуры его, однако имъ впоследствии почему-то не занимались.

(*) Гѣролатъ Аликанте. (**) Малмазія.

(***) Точно также острогоскіе черкасы и довскіе казаки, во время походовъ, кормили своихъ лошадей ячменемъ вмѣсто овса, потому что считали его сытнѣе овса, а главнѣе приписывали ему свойство придавать утомленной лошади рѣзвости и бодрости.

Садоводство ограничивалось почти исключительно яблоками и вишнями, а у черкасъ кромѣ того и сливами. Урожай яблокъ бывали здѣсь баснословные. Всѣ эти плоды, какъ и лѣсные орѣхи, доставлялись отсюда главнымъ образомъ въ Москву.

Огородничество. Почти не было ни одного даже городского самостоятельнаго хозяйства въ воронежскомъ краѣ, которое не имѣло бы при домѣ огорода, на которомъ главнымъ образомъ сѣяли огурцы, горохъ, рѣдьку, свеклу, гречиху, ленъ, коноплю и въ небольшомъ количествѣ капусту. Въ особенности много разводили льна и коноплю; послѣдняя главнымъ образомъ съ цѣлю добыванія масла, а ленъ — для производства разныхъ сортовъ холста и проч. Относительно льна сохранились такого рода свѣдѣнія: ленъ выдерживали вмѣстѣ съ корнемъ еще не созрѣвшій, отрѣзывали головки и мочили въ озерахъ и болотахъ, но преимущественно въ лужахъ, потому что моченный въ озерахъ и болотахъ считали менѣе крѣпкимъ и болѣе подверженнымъ ржавчинѣ. После 4 или 5 дневнаго пребыванія въ водѣ, ленъ вынимали и разстлали по полямъ, гдѣ онъ лежалъ отъ 2 до 4 недѣль, потомъ мяти въ особо сдѣланныхъ для этого верстакахъ, очищали щетками и такимъ образомъ приготовленный ленъ поступалъ въ торговлю. Изъ льна приготовляли особый видъ плотнаго и толстаго холста, который окрашивали кубовыми красками, преимущественно въ красный и синий цвѣтъ; эта ткань называлась крашевиной.

III. Продукты царства животнаго.

Періодъ дѣяній Петра I на Воронежѣ придавъ всему краю своеобразную фазіономію. Нѣкогда непроходимыя лѣса, тянувшіеся по обоямъ берегамъ Воронежа и Дона, исчезли. Изъ крупныхъ деревьевъ, какъ извѣстно, построили безчисленное множество военныхъ и транспортныхъ судовъ, а мелкія и валежникъ употреблены были на мелкую судовую подѣлку, на хоромное строеніе, на угольное жженіе и частью славлены на югъ, на строеніе и отопленіе новыхъ городовъ. Все шире и шире становилась съ каждымъ годомъ полоса оголенныхъ береговыхъ площадей, пока лѣса не очутились въ такомъ отдаленіи отъ береговъ Дона и Воронежа, что лѣсную рубку пришлось перенести за предѣлы этого края, гдѣ лѣсъ еще близко подходилъ къ водѣ. Само собою понятно, что вмѣстѣ съ этими вѣковыми дремучими лѣсами и звѣрь и пчела удалились отъ рѣчныхъ береговъ въ глубь страны.

Съ другой стороны, свободное теченіе Воронежа было сперто плюзами. По самой рѣкѣ до самаго устья и даже верстъ на 20 далѣе по Дону внизъ, начиная отъ устья Воронежа, непрестанно сновали эти галеры и фуры, производя оглушительную пальбу, учебную и вѣкторіальную, распугивая послѣднюю рыбу; говоримъ послѣднюю потому, что очистка фарватеровъ и шумъ на воронежскихъ верфяхъ давно ее переселяли въ многочисленныя гирлы Дона, непроходимыя въ большинствѣ ихъ для большихъ судовъ.

Главные предметы изъ царства животнаго, составлявшіе основу сельско-хозяйственной промышленности воронежцевъ, распредѣлились, съ самаго начала XVIII в., сообразно новымъ условіямъ края.

Рыболовство, какъ промыселъ, начинается уже гораздо южнѣе, около Коротояка, и продолжаясь далѣе къ югу, достигаетъ наибольшаго развитія въ са-

ныхъ гирлахъ Дона. Главнымъ торговымъ центромъ сбыта не только донской, но частью и волженской рыбы остается до времени городъ Острогожскъ, вполнѣ заслужившій названіе *Рыбнаго*, хотя пользовался имъ гораздо равнѣе. Что же касается нѣкогда знаменитаго въ этомъ отношеніи г. Воронежа, то по авторитетному свидѣтельству святаго Митрофана, тажъ «я сомны взять негдѣ», т. е. самъ Воронежъ, въ числѣ прочихъ городовъ, покупалъ рыбу въ Острогожскѣ, съ громадными размѣрами рыбнаго промысла котораго познакомимся ниже.

Птицеловство пострадало сравнительно менѣе, чѣмъ прочіе виды охоты; судя по сохранившимся письменнымъ памятникамъ мѣстной старины, въ началѣ и даже въ среднѣи прошлаго вѣка, дикихъ птицъ водилось здѣсь баснословное множество, — дикіе гуси, лебеди, дрофы, утки и проч. продавались возами. Слуды и перышки продолжали попрежнему быть очень прибыльными статьями промысловой охоты.

Бобровые гоны. Столь обширныя еще во второй половинѣ XVII в., бобровыя гоны въ концѣ его внезапно исчезаютъ, становятся достояніемъ исторіи. Въ мѣстныхъ архивныхъ документахъ даже самаго начала прошлаго вѣка объ этихъ пугливыхъ животныхъ ни разу болѣе не упоминается, словно ихъ не бывало никогда. Упоминаемая ниже бобровья *ожерелья*, т. е. стоячіе воротники, были вѣроятно сибирскія или другія, но во всякомъ случаѣ, не мѣстнаго происхожденія.

Звѣроловство перемѣстилось въ пощаженныя, за отдаленностью отъ судоходныхъ рѣкъ, лѣса Бирюченскіе и Валуйскіе, гдѣ впрочемъ съ каждымъ годомъ продолжало приходить въ упадокъ, не смотря на самыя строгіе запретиельныя указы о томъ, чтобы работающіе въ лѣсахъ подъ страхомъ наказанія не кричали и не шумѣли «и тѣмъ бы звѣря не пужали и изъ лѣсовъ не выгоняли».

Пчеловодство — лѣсное пріютилось вокругъ г. Верхососенска, доживая свой вѣкъ и уступая мѣсто пастѣвному пчеловодству Острогожскихъ черкасѣ, у которыхъ впрочемъ оно широкихъ размѣровъ не достигло и самыя черкассы прикупали привознаго меду и воску.

Скотоводство. Слабое развитіе скотоводства въ воронежскомъ краѣ обусловливалось вначалѣ, какъ выше было сказано, главнымъ образомъ сосѣдствомъ ордынскихъ хищниковъ, ихъ стремительными набѣгами внезапно — *изгономъ*, причѣмъ они преимущественно старались захватить домашній скотъ, какъ добычу, наиболѣе удобную къ передвиженію и наиболѣе цѣнную въ хозяйственномъ отношеніи.

Другая причина, задерживавшая успѣхи скотоводства въ началѣ, заключалась въ очень низкихъ цѣнахъ на крупный рогатый скотъ, такъ что земледѣліе оказывалось гораздо выгоднѣе скотоводства. Мы уже равнѣе видѣли, какъ въ началѣ цѣнили коровъ сравнительно съ другими домашними животными; въ то время какъ за лоскаго жеребенка давали рубль, а за кобылу — 1½, корову цѣнили только въ 16 алтыновъ или другими словами: жеребенокъ цѣнился вдвое, а кобыла втрое дороже коровы.

Третья причина заключалась въ томъ, что до прибытія черкасѣ воронежцы не особенно нуждались въ крупномъ рогатомъ скотѣ, потому что поля обрабатывали они и перевозили тяжести на лошадяхъ, а не на волахъ, какъ это было въ обыкновеніи у черкасѣ.

Иное дѣло, когда черкасы, поселившись по Тихой Соснѣ, прикрыли собою южную границу отъ ордынскихъ набѣговъ и такимъ образомъ на значительномъ пространствѣ оттѣснили обитавшихъ по сосѣдству кочевниковъ къ югу и востоку, а своими безпрестанными станичными разъѣздами далеко въ Степи значительно затрудняли кочевниковъ въ совершеніи набѣговъ изголовъ. Мало того, черкасы привезли съ собою между прочимъ и секретъ улучшеннаго способа выдѣлки кожъ, производства молочныхъ продуктовъ, а также и неизвѣстный до нихъ выгодный способъ откармливанія скота побочнымъ продуктомъ выпокуренія — бардою, кормъ — благодаря которому, кормленіе хлѣбными растеніями, стоявшими въ тѣ времена дороже самаго скота, стало излишнимъ.

Другою причиною развитія скотоводства, начиная съ средины XVII., было замѣтное увеличеніе спроса на разные продукты этой отрасли сельскохозяйственной промышленности, въ особенности на кожи и сало.

Третья и притомъ, быть можетъ, главнѣйшая, это — упомянутыя выше событія петровской эпохи, періода кораблестроенія на Воронежѣ, обусловившія собою превращенія громадныхъ лѣсныхъ площадей въ пастбища и заставившія великое множество хлѣбовашцевъ бѣжать на Дочь и Кубань; влѣдствіе чего веровещкіе землевладѣльцы, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, занялись разведеніемъ рогатаго скота. Не только площади вырубленныхъ лѣсовъ и заброшенныхъ пахатныхъ земли представляли тому возможность, но вся центральная часть края представляла, какъ было упомянуто въ началѣ, необозримыя степи, покрытыя роскошною травой, и такимъ образомъ какъ бы самую природою для сей цѣли предвѣдѣнную.

Овцеводство развилось замѣтно въ среднѣй XVII в., въ особенности у черкасъ, которые вообще предпочитали скотоводство земледѣлію, а разведеніе мелкаго рогатаго скота крупному, какъ болѣе выгодное; притомъ въ шерстобойномъ дѣлѣ черкасы славились. Кстати замѣтимъ, что шерстобой назывались у нихъ *шповалами*.

Свиневодство — чуть ли не единственный предметъ скотоводства, не подвергавшійся значительнымъ колебаніямъ до самаго конца XVII в. Свиневодство процвѣтало одинаково у великороссіянъ, какъ и у черкасъ; рѣдкое, даже крестьянское, хозяйство не имѣло 10—20 свиней и *хрешей* (хриковъ). Причина цвѣтущаго состоянія свиневодства объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что эти животныя не могли служить приманкой для ордынскихъ хищниковъ, религіозныя воззрѣнія которыхъ не допускали даже прикосновенія къ свиньямъ, какъ къ *нечистымъ* животнымъ.

Птицеводство было также очень распространено, но домашнія птицы находились въ полудикомъ состояніи, не пользуясь никакимъ уходомъ и даже присмотромъ. Преимущественно разводили водныхъ птицъ, а въ особенности гусей, безчисленными стадами пасшихся на лугахъ близъ населенныхъ мѣстъ. Птицы продавались въ началѣ *гнѣздами*; цѣна гнѣзду гусей былъ алтынъ, куръ — 4—5 грошей. Кто изъ не мѣстныхъ жителей болѣе одного гуся или курицы покупать не имѣлъ надобности или не оказывался въ состояніи, былъ въ глазахъ воронежцевъ гость или бѣдный, и какъ въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ гостепріимство заставляло воронежцевъ на отрѣзъ отказываться отъ денегъ, ибо какъ странникъ, такъ и пепиуціе были *люди Божьи*, и поэтому

за кормъ брать съ нихъ деньги почиталось на Дову не только смертельнымъ грѣхомъ, но и зазорнымъ поступкомъ. Подобное нарушение обычаевъ предковъ повлекло бы за собою ужасное наказаніе, а именно — общее презрѣніе со стороны односельчанъ.

Съ 1696 года, когда нашимъ народа со всѣхъ концовъ Россіи, а равно и иностранцевъ въ Воронежѣ достигъ очень значительныхъ разбѣровъ, то силою обстоятельствъ не только цѣны на домашнихъ птицъ, но и самыя возрѣнія воронежцевъ на правила гостепріимства кореннымъ образомъ измѣнились. На мѣстныхъ рынкахъ установилась продажа гусей и куръ и яицъ поштучно и по сравнительно высокой цѣнѣ: гуси по 2 алтына, куры по алтыну; яйца гусиныхъ алтынъ десятокъ, куриныя 2—4 деньги.

Коневодство и коннозаводство принадлежатъ безспорно къ числу наиболѣе древнихъ отраслей сельскохозяйственной промышленности края. И то и другое находилось въ весьма удовлетворительномъ состояніи еще задолго до Петра I; достойно вниманія то обстоятельство, что надъ улучшеніемъ мѣстныхъ конскихъ породъ одинаково трудились, какъ всѣ народности края, такъ равно и всѣ сословія мѣстнаго населенія. Объясняется это тѣмъ, что всѣ сословія, безъ исключенія, одинаково нуждались въ хорошихъ лошадяхъ. Черкасы, казаки, гонцы и ямщики одинаково нуждались въ лошадяхъ быстрыхъ, а стрельцы, пушкари, торговые люди и крестьяне — въ лошадяхъ сильныхъ. Мѣстная знать и люди *полные* искали лошадей, которыя соединяли бы тѣ и другія качества, что и вызвало общее стремленіе въ мѣстномъ населеніи къ улучшенію мѣстной породы лошадей. Но въ то время какъ коневодство было достояніемъ всѣхъ и каждого, коннозаводство, какъ сопряженное съ болѣе значительными издержками, было доступно лишь лицамъ очень зажиточнымъ или же цѣлымъ обществамъ. Къ первымъ принадлежали лица мѣстной высшей администраціи, богатые вотчинники и помѣщики и, въ особенности, монастыри; случайныя конюшни воронежскихъ монастырскихъ вотчинъ пользовались вполне заслуженною славой. Въ то время, какъ высшая цѣна обыкновенной лошади была здѣсь въ срединѣ XVII в. 2—6 рублей, заводскіе жеребцы и породистыя лошади продавались по 50, 60 и даже 100 рублей. Изъ одного дошедшаго до насъ документа видно, что въ ночь съ 14 на 15 марта 1684 г. было сдѣлано неизвестными злоумышленниками нападеніе на воронежскій богословскій монастырь, причемъ въ числѣ заграбленныхъ животныхъ оказались и заводскія лошади, взятые изъ монастырскихъ конюшенъ. Не смотря на низкія цѣны, существовавшія въ тѣ времена въ Воронежѣ, заграбленные лошади были оцѣнены: темносѣрый жеребецъ — въ 60 р., гнѣдой жеребецъ — 50 р., бурый жеребецъ — 30 р., ковы карый *возникъ* — 25 р., рыжій *возникъ* — 25 р., *шоходецъ* гнѣдой — 30 р., *шоходецъ* бурый — 20 р., *шоходецъ* каурый лысый — 15 р. и т. д.

Начало мѣстному коневодству положено кочвавшими на Дову погайцами, если только не ралѣе того, — ихъ предшественниками, которые занимались ловлею и прирученіемъ дикихъ туземныхъ лошадей. Въ безбрежныхъ степяхъ придонскаго края во множествѣ водилась особая порода дикихъ лошадей, по-

слѣдніе представители которыхъ, по словамъ Кенпена (*), попадались еще въ началѣ текущаго столѣтія по теченію р. Ингула. Эти лошади отличались длинною шерстью, мышиного, темносѣраго цвѣта; имѣли короткія, черныя ноги, кудрявыя гривы и несоразмѣрно большія голову и уши; они славились необыкновенною быстротою бѣга, но при этомъ также отличались пугливостью и неукротимостью. Онѣ ходили обыкновенно огромными стадами подъ предводительствомъ жеребца и что въ особенности замѣчательно—бывали в зимю тучны. Последнее впрочемъ могло отчасти зависѣть отъ передвиженія ихъ къ югу на зиму, но также и отъ того, что лошади эти зимею порою выгребали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга—черта, вполнѣ сохранившаяся въ ихъ потомкахъ—въ *донскихъ* лошадяхъ. Ногайцы въ особенности умѣли укрощать этихъ сильныхъ и быстрыхъ степныхъ коней, смѣшивали ихъ съ разными азіатскими породами и въ результатѣ получилась та крайне выносливая и быстронюгага порода—*ногайцесъ*, которая такъ дорого цѣнилась въ Москвѣ еще въ началѣ XVII в. Съ тѣхъ поръ началось оттѣсненіе орды къ юго-востоку, а вмѣстѣ съ нею и лошадей этой породы. Часть орды поселилась на Кубани и продолжала улучшать породу своихъ лошадей, сбывъ которыхъ въ Москву продолжалъ быть во все продолженіе XVII в. главнымъ средствомъ пропитанія кубанскихъ татаръ; оставшіяся же въ дикомъ состояніи въ придонскихъ степяхъ лошади начали постепенно уменьшаться въ числѣ и, какъ выше было упомянуто, послѣднія особи окончили свое существованіе въ началѣ текущаго столѣтія.

Дальнѣйшая исторія мѣстнаго коневодства распадается на два отдѣла: на исторію крестьянскаго коневодства и помѣщичьего. У помѣщиковъ, какъ увидимъ далѣе, оно двинулось далеко впередъ и во всѣхъ отношеніяхъ усовершенствовалось, но у крестьянъ, вслѣдствіе неумѣлости ихъ или бѣдности ихъ, оно сильно упало противъ прежняго, не смотря на то, что и послѣдніе по мѣрѣ возможности не переставали стремиться къ улучшенію породы своихъ лошадей. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составило коневодство донскихъ казаковъ, благодаря главнымъ образомъ ихъ бытовымъ особенностямъ. Дѣло въ томъ, что казачья лошадь почти не знала тяжелыхъ работъ, которыя такъ изнуряютъ лошадь и такъ вредно вліяютъ на породу. Лѣтний казакъ не ходилъ за сохой и не запрягалъ любимаго коня въ тяжело нагруженную телегу, въ которой возвращались съ поля домой его сѣверные сосѣди, мирные пахары воровешскаго края. Донская лошадь поэтому осталась вѣрна своему прототипу, сохранила силы, выносливость и рѣзвость въ бѣгу. И повняѣ лошадь на Дону одисй породы, извѣстной подъ названіемъ—*донской*. Въ настоящее время эти лошади представляютъ помѣсь различныхъ азіатскихъ породъ, окончательно утвердившуюся въ качествахъ и вполнѣ приспособившуюся къ климатическимъ условіямъ страны, что имъ было не трудно, именно потому, что онѣ произошли отъ смѣси ногайскихъ лошадей съ калмыцкими и другими азіатскими породами. Вслѣдствіе подобныхъ историческихъ условій въ породѣ донскихъ лошадей выработались такія качества, которыя дѣлали подобныхъ лошадей незамѣнимыми для донскаго казачества; главные достоинства всѣхъ вообще донскихъ лошадей

(*) Köppen's statist. Reise. 1850, (стр. 85, прим. 158), и статья его же „Nordgestaden des Pontus“ (Wiener Jahrbücher der Literatur 1822, Томъ XX, стр. 267).

заканчиваются въ крѣпкой натурѣ, закаленной чрезвычайно суровымъ воспитаніемъ среди открытыхъ степей, гдѣ лѣтомъ зной, а зимою стужа бываютъ весьма значительны. Въ этомъ отношеніи, ни одна изъ европейскихъ породъ и даже большая часть породъ азіятскихъ не въ состояніи соперничать съ донскою породою; общезвѣстный фактъ, что казачья лошадь можетъ долго оставаться безъ корма и питья и утоляеть свой голодъ самымъ скуднымъ подножнымъ кормомъ. Вотъ эти то качества донской лошади всегда избавляли казака отъ необходимости возить за собою фуражъ и часто дѣлали его побѣдителемъ тамъ, гдѣ съ другой лошады исходъ похода былъ бы неизвѣстенъ, какъ наприимѣръ въ 1628 г., когда донцы отправились громить Азовъ, имѣя въ запасѣ лишь по небольшому количеству ячменю для прокормленія себя и лошадей. Истощеніе запасовъ фуража было для нихъ нестрашно, ибо съ подобными лошадьми донцы, вслучаѣ надобности, тогда, какъ и нынѣ, перемѣщались изъ одной мѣстности въ другую съ неизмѣрною быстротою, невозможною для всякой другой легкой конницы; зимою же, подобно своимъ дикимъ предкамъ, донскія лошади выгребаютъ для себя кормъ изъ-подъ снѣга.

Иная судьба постигла придонскую лошадь въ воронежскомъ краѣ. Здѣсь, въ рукахъ земледѣльца, она не была предоставлена самой себѣ. Мѣстный крестьянинъ готовилъ ей кормъ въ запасъ на зиму, охранялъ ее отъ лѣтняго зноя и зимней стужи, держалъ ее на привязи въ конюшнѣ, кормилъ ее аккуратно и постоянно досыта — и результаты этого воспитанія не замедлили сказаться. Лошадь разучилась отыскивать себѣ кормъ подъ снѣгомъ, перевозить голодъ, сильный зной или стужу, отвыкла отъ быстрыхъ и дальнихъ передвиженій, но за то приобрѣла новую способность — таскать огромныя тяжести. Въ самомъ началѣ, совершенно одинаковыхъ качествъ, лошади вдругъ стали напоминать одиѣ — подвижныхъ и воинственныхъ донцовъ, другія — мирныхъ и тяжелыхъ на подъемъ обитателей воронежскаго края. Въ этомъ отношеніи особенно хорошіе результаты дало коневодство по Битюгу и Икорцу, — родина новой, сильной породы лошадей — *битюговъ*.

Переходъ отъ крестьянскаго коневодства къ помѣщичьему представляли въ XVII в. лошади воронежскихъ ратныхъ и вообще служивыхъ людей. Здѣсь первое мѣсто занимало коневодство воронежскихъ ямовъ, наиболѣе цвѣтущее состояніе котораго объясняется особенною и постоянною заботою объ этомъ правительства, которое всячески поощряя и покровительствуя ямщикамъ и деньгами, и угодами, и энергичною защитою отъ всякаго произвола тогдашнихъ начальныхъ и приказныхъ людей, въ тоже время ставило непремѣннымъ условіемъ каждому, вновь вступающему въ сословіе ямщиковъ, содержать на собственный счетъ для ямской гоньбы «по три мерина *добрыхъ*, со всякою гоньбою рухлядью». Чтобы понять, на сколько важно было для ямщика XVII в. имѣть мериновъ *добрыхъ*, необходимо вспомнить, что ямщикамъ и царскимъ гонцамъ и начальнымъ людямъ, ѣздившимъ на ямскихъ лошадяхъ, приходилось проѣзжать тогда по совершенно почти не населеннымъ степямъ, гдѣ ихъ высѣживали ордынскіе хищники да степные разбойники; тутъ никакая охрана не помогала, вся надежда ѣздоковъ основывалась на необычайно силѣ и быстротѣ ногъ *добрыхъ мериновъ*. Для преслѣдованія орашцевъ и разбойниковъ высылались изъ степныхъ городовъ конные отряды казаковъ, стрѣльцовъ, рей-

тарь, пушкарей и драгунъ, которымъ поэтому также необходимо было позаботиться о добрыхъ меринахъ, и наконецъ, въ послѣднихъ очень нуждались мѣстные помещики для своихъ разъѣздовъ. Вотъ почему коневодство на Дону составляло извѣстари излюбленное занятіе мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Воронежскій край всегда отличался большимъ богатствомъ лошадей. Сколько вѣдучь зажиточное сельское хозяйство насчитывало въ своемъ табулѣ 25—100 и болѣе лошадей.

Коннозаводство, имѣющее свою задачу улучшение и размноженіе породъ лошадей, — хотя и началось здѣсь, какъ выше было упомянуто, — гораздо ранѣе эпохи кораблестроенія на Воронежѣ, но болѣе точныя свѣдѣнія имѣются лишь съ этого времени, почему подробнѣе скажемъ немного далѣе, въ концѣ обзора мѣропріятій царя Петра къ улучшенію и развитію сельскаго хозяйства въ воронежскомъ краѣ.

Пребываніе Петра Великаго въ воронежскомъ краѣ ознаменовалось не только введеніемъ цѣлага ряда совершенно новыхъ производствъ въ мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, но и кореннымъ преобразованіемъ всѣхъ почти отраслей ея. Прежде всего бросается въ глаза необыкновенно быстрое и широкое направленіе, какое сразу приняла мѣстная обрабатывающая сельско-хозяйственная промышленность почти со дня прибытія гениальнаго монарха. Имъ учрежденныя, или имъ вызванныя къ дѣятельности фабрики и заводы коснулись всѣхъ трехъ царствъ природы и этотъ періодъ поэтому настолько интересенъ, что не считаемъ возможнымъ продолженіе нашего очерка, не обозрѣвъ предварительно вкратцѣ Петровскій періодъ.

Дѣятельность гениальнаго монарха въ этомъ отношеніи на Воронежѣ и заботы его о развитіи той или другой отрасли сельско-хозяйственной промышленности имѣютъ два совершенно независимыя направленія. Одно изъ нихъ стремилось къ созданію условий, облегчающихъ кораблестроеніе и вообще военнаго дѣла и слѣдовательно преслѣдовало исключительно общегосударственные интересы, другое имѣло въ виду лишь чисто мѣстныя. Къ учрежденіямъ первой категоріи относятся, напримѣръ, мѣднотавильныя и пушечныя заводы, дѣйствовавшіе въ Воронежѣ и Павловскѣ, военныя верфи и проч., ко второй — все остальное; поэтому, мы учрежденія первой категоріи разсмотримъ вскользь, лишь настолько, насколько они имѣли вліяніе на дальнѣйшую судьбу мѣстной сельско-хозяйственной промышленности.

Каменоломни и кирпичныя заводы. До 1695 г., т. е. до прибытія на Воронеж Петра I, воронежскій край не имѣлъ каменныхъ зданій, не только частныхъ, но и казенныхъ. Весь городъ Воронежъ былъ деревянный, какъ и стѣна, его окружавшая, и церкви и монастыри. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи можно было бы сдѣлать въ пользу мѣстнаго Благовѣщенскаго собора, который св. Митрофанъ засталъ въ самомъ ветхомъ состояніи и поэтому рѣшился выстроить его вновь, не деревяннымъ уже, какъ было до него, а каменнымъ строеніемъ. Но такъ какъ сооруженіе каменныхъ зданій было еще въ тѣ времена для воронежцевъ дѣло незабывное, то постройка собора была настолько неудачна, что 30 лѣтъ спустя, при митрополитѣ Шпановскомъ,

считали опаснымъ въ немъ жить, такъ ветхи были кельи и даже самыя церкви. Если поэтому не примемъ во вниманіе это каменное сооруженіе, то придется признаться, что виновникомъ появленія каменныхъ зданій на Воронежѣ былъ Петръ I; изъ сохранившихся письменныхъ памятниковъ видно, что по его указу розыскивали на Дову твердый камень (подъ Гремячемъ, въ Еядовищѣ и при с. Дѣвцѣ) были устроены громадныя кирпичныя заводы (за г. Воронежемъ съ сѣв. стороны) во многихъ мѣстахъ, по берегу р. Дона готовили известь изъ мѣла; устроили заводы кафельный и черепичный. И по нынѣ существуютъ еще въ Воронежской губерніи нѣсколько зданій, уцѣлѣвшихъ отъ времени Петра, съ несомнѣнными признаками древности, заключающимися не только въ характерной архитектурѣ той эпохи, но и въ массивныхъ желѣзныхъ дверяхъ, огромныхъ и тяжелыхъ дубовыхъ пластинъ, коими устланъ полъ и въ старинныхъ изразцовыхъ печахъ, преимущественно свѣтлозеленаго или голубаго цвѣта. Подобныя зданія построены изъ громадныхъ кирпичей.

Мѣдно-литейный заводъ, открытый царемъ на Воронежѣ и переведенный впоследствии въ Павловскъ, хотя и предназначался исключительно для надобностей арміи и флота, такъ какъ онъ отливалъ пушки и разныя принадлежности военнаго дѣла, но имъ положено было основаніе совершенно новой отрасли заводской промышленности. Дѣло въ томъ, что ученики—воронежцы, по закрытіи этого завода, а нѣкоторые и даже ранѣе того, завели въ Воронежѣ *колокольные* заводы, которые и по настоящее время не потеряли своего прежняго значенія. Заводы эти скоро приобрѣли себѣ такую громкую извѣстность, что заказы на колокола поступали не только изъ смежныхъ, но и изъ отдаленныхъ городовъ. Изъ сохранившихся документовъ видно, что въ началѣ XVIII в., колокола для церквей сельскихъ и незначительныхъ городовъ отливались небольшіе, обыкновенно фунтовъ въ 20, 30, а колоколъ пудовъ въ 10—20 считался большою роскошью. Интересенъ славъ тогдашнихъ колоколовъ. Для двухъ колоколовъ, напримѣръ, одинъ 20, другой 30 ф., заказанныхъ городомъ Старо-Осколомъ воронежскому заводчику Лазарю Антиповичу Котельникову, въ мартѣ 1707 г., было употреблено мѣди—1 пудъ 3 ф., олова 12 фунт. и двѣ четверти; *угару* полагалось славу по 4 ф. на пудъ. Плата полагалась съ фунта литья по 10 денегъ, а съ металлами заводчика—по 8 алтынъ по двѣ деньги.

Желѣзные заводы также предназначались вначалѣ исключительно для удовлетворенія нуждъ флота и арміи; липецкіе заводы были устроены въ помощь тульскимъ, не поспѣвавшимъ исполнять многочисленныя заказы, но когда вслѣдствіе находженія прекрасной желѣзной руды въ разныхъ мѣстахъ, Петръ завелъ желѣзные заводы въ Бѣлоколודцкѣ и на р. Толучѣвкѣ, то послѣдніе значительно расширили свою дѣятельность, стали изготовлять работы по частнымъ заказамъ и разныя предметы, необходимыя въ хозяйственномъ быту, и эта дѣятельность продолжалась до тѣхъ поръ, пока упомянутые заводы не истребили весь лѣсъ, жившійся по близости ихъ, а затѣмъ, вслѣдствіе наступившей дороговизны топлива, заводы эти стали закрываться одинъ за другимъ. Первый прекратилъ свою дѣятельность Толучѣвскій, нѣкогда знаменитый заводъ (*), а за нимъ Бѣлоколудскій, уже въ самомъ концѣ прошлаго вѣка.

(* Подробности о Толучѣвскомъ заводѣ см. въ приложеніяхъ къ 2-му выпуску.

Кромѣ того, по указу царя, горныя развѣдчики розыскивали повсюду залежи и руды, но къ сожалѣнію, кромѣ желѣза, впрочемъ довольно высокиихъ качествъ, никакого другаго металла не было найдено. Царю Петру особенно хотѣлось отыскать здѣсь какую нибудь мѣдную руду, столь вужную ему для пушекъ, мозжеръ, пицалой и пистолей. Царь самъ вѣрилъ въ возможность отыскать на Дову мѣдь; къ тому же эту надежду почему-то поддерживали въ шемъ знатцы-иностранцы; мѣдь однако не отыскалась. Кстати замѣтимъ, что въ возможность открыть мѣдную руду на Дову твердо вѣрилъ и знаменитый въ свое время ученый Самуиль Георгъ Гмелинъ, посѣтившій воронежскую губернію въ срединѣ прошлаго вѣка.

Несравненно обширнѣе была дѣятельность гениальнаго монарха по сельскому хозяйству, въ области царства растительнаго; полный обзоръ котораго завлечь бы насъ слишкомъ далеко, мы ограничимся поэтому лишь наиболѣе примѣчательныя.

Десятинная пашня. Огромныя незаселенныя степныя пространства, изъ которыхъ впоследствии образовались уѣзды Павловскій, Бобровскій, Новохоперскій и Богучарскій, обратили на себя вниманіе Петра еще въ первый прѣздъ его въ Воронежъ. Царь, вѣроятно, еще тогда рѣшилъ воспользоваться заселеніемъ этой громадной и плодородной площади. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ Азовскаго похода, по его указу, дворянинъ Бехтѣевъ заселялъ эту площадь, главнымъ образомъ тѣ мѣстности, которыя находились по теченію рр. Ватюка и Икорца, сходящими, кои платили въ государеву казну подати хлѣбомъ; но, какъ выше уже было сказано, кораблестроеніе на Воронежѣ заставило многихъ крестьянъ бѣжать на Югъ, — опустѣли поэтому и Бехтѣевскія поселенія. Вѣроятно, дѣло не ладилось еще и по другимъ причинамъ, какъ напримѣръ, вслѣдствіе подчиненности этихъ поселеній разнымъ Приказамъ; это видно изъ того, что сохранился указъ отъ 4 ноября 1699 г., по которому предписывалось воронежскому воеводѣ, стольнику Еремѣю Назарьевичу Хрущову: «рѣки Икорца жителей, которые по дозору и по перепискѣ дьяка Никиты Пояркова, по той рѣкѣ на лицо явились, приписать, и которые по той рѣкѣ Икорцу и по рѣкѣ Ватюку будутъ селиться, впрелю доходами и пашенными дѣлами и во всякихъ дѣлахъ вѣдать въ Приказѣ Большаго Дворца, *а въ иныхъ Приказахъ и въ городехъ нигдѣ не вѣдать.* А который хлѣбъ по той р. Ватюку пожалъ Ив. Бехтѣевъ и склазъ по юртамъ въ кладн, и тотъ хлѣбъ обмолотить и устроить въ житницы, поберечь до нашего, великаго государя, указу...» Подчиненіе переселенцевъ вѣдѣнію одного только Приказа Большаго Дворца, безъ права вмѣшательства со стороны другихъ, нѣсколько улучшило дѣло заселенія. Въ дѣйствительно же широкихъ размѣрахъ началось заселеніе этой громадной площади лишь послѣ отлятія турками Азова, — послѣ неудачнаго Прутскаго похода. Желѣзная воля Великаго Петра не могла примириться съ свершившимся фактомъ; не имѣя возможности вернуть потерянное военною саюю, гениальный монархъ рѣшилъ завлечься мирнымъ завоеваніемъ прибрежья Азовскаго моря. Съ этою цѣлью было приступлено къ усиленной колонизаціи степей. Переселенцевъ, выведенныхъ изъ вновь возвращенныхъ Туркамъ Азова и Троицка, однако не распустили по домамъ на прежнее мѣстожительство, а переселяли въ воронежскую губернію, для чего были построены новыя крѣпостцы и городки,

Павловскъ, Новохоперскъ, Бобровскъ, Бирючь и Богучаръ, — в послѣдствіи уѣздные города.

Переселенцев переводили и переписывали воронежскіе дворяне, какъ видно изъ дѣла о переписи Павловскихъ посадскихъ людей въ 1711 г. воронежца Фаддея Веневитинова, назначеннаго немного поздѣе на должность судьи въ Борисоглѣбскъ. Независимо отъ этого состоялся указъ о разрѣшеніи охочимъ людямъ, сходящимъ изъ разныхъ мѣстъ селиться на порозжихъ земляхъ въ воронежской провинціи. Вслѣдствіи почти совершеннаго прекращенія кораблестроенія на Воронежѣ и, слѣдовательно, связанныхъ съ нимъ тягостей, охотниковъ селиться по Битюку и Икорцу явилось очень много; сохранилось довольно объемистое дѣло начала XVIII в. съ приложеніемъ челобитень и реестровъ сходцевъ, сотнями устремившихся въ привольныя степи придонскаго края. Этотъ громадный наплывъ народа, заливаемаго казенными степями, навелъ Петра I на мысль, воспользоваться массой свободныхъ рукъ, лишенныхъ пока заработка, для обработки огромныхъ казенныхъ степей, все еще остававшихся *пусты* и слѣдовательно не доставлявшихъ казѣ никакой пользы, — короче, царь рѣшилъ вновь возстановить *десятинную пашню*, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ она была при дѣдѣ его; не 200, — какъ было тогда, а сотни тысячей десятинъ, рѣшилъ онъ превратить въ пашни. Моментъ для этого былъ имъ избранъ чрезвычайно удачно, охотниковъ пахать десятинную пашню нашлось очень много, а для облегченія сбыта хлѣбовъ и для лучшей охраны Украйны, царь сосредоточилъ огромныя войска на Дону, какъ напрямѣръ, въ 1724 г. (Павлов. д. № 1104) требовалось провіанта на 70.000 человекъ. Для развитія этого дѣла и болѣе разумаго веденія его царь вытребовалъ въ Воронежъ изъ Азова извѣстнаго уже ему своею опытностію, мѣстнаго дворянина Антона Лаврентьевича Веневитинова, поручивъ ему въ іюль 1711 г. «быть на Битюкѣ для отправления государевой десятинной пашни». Кромѣ посѣва хлѣбовъ, десятинники обязаны были *косить государево сѣно*. Сколь значительны были эти *укосы*, видно изъ того напрямѣръ, что пшвымы косаремъ Григоріемъ Свонитининовичемъ съ товарищи, по неосторожности, было сожжено шесть сотъ копень сѣна, изъ числа 5700 копень, собраннаго ими въ скирды около Бѣлянскаго юрта.

Многимъ охочимъ людямъ отводились земли съ условіемъ разведенія бахчей и огородовъ, или же съ обязательной культурой льна и конопли. О виноградникахъ, разведенныхъ царемъ собственноручно въ Воронежѣ, на Чижовкѣ, и по его порученію въ Павловскѣ, было уже упомянуто раяѣе. Не будемъ также распространяться о заводахъ и фабрикахъ, каватныхъ, парусныхъ, лѣсопильных, смоляныхъ и др., потому что они предназначались исключительно для надобностей арміи и флота и потому здѣсь не привились — исчезли вслѣдъ за творцомъ ихъ.

Большой интересъ представляетъ судьба воронежскихъ *лысовъ*, въ Петровскую эпоху, довольно подробно описанную въ трудѣ М. А. Веневитинова («Изъ Воронежской старины», 1887 г.) куда мы отсылаемъ желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ предметомъ.

Не менѣе велико было вліяніе Петра I на развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства въ области царства животнаго.

Коннозаводству принадлежить здѣсь главнѣе мѣсто. Раяѣе было упомянуто, что улучшеніемъ мѣстной породы занимались не только мѣстные помѣщи-

ки, но и монастыри, что еще задолго до Петра I здѣсь умѣли отличать званика отъ иноходца, турскаго коня отъ ногайца, а послѣдняго отъ кизильбашскаго, или горскаго коня, но всѣ эти случившія конюшни были частныя; ни одна изъ нихъ не имѣла цѣлью служить интересамъ общества и страны, поэтому коннозаводство, какъ специальная отрасль сельскаго хозяйства, преслѣдовавшая общественную пользу, должно считаться также въ числѣ благодѣяній, оказавшихъ великимъ преобразователемъ Россіи воронежскому краю. Причина, побудившая царя немедленно заняться коннозаводствомъ, заключалась главнымъ образомъ въ непригодности большинства лошадей, набранныхъ для конницы азовскихъ походовъ. У насъ въ рукахъ находятся списки этихъ лошадей съ подробными описаніями примѣтъ и возраста каждый изъ нихъ; рѣдкая изъ этихъ лошадей не имѣла пороковъ или не была *сросла*, т. е. уже въ лѣтахъ; про рѣдкую изъ нихъ не сказано: *поздры пороты и уши пороты* или *ухо правое отръзано, а лѣвое вырѣзано*, съ неизбѣжною прибавкою — *коню 10 лѣтъ*; понятно, съ подобными лошадьми кѣнница трудно было и наступать и отступать; быть можетъ, въ этомъ главнымъ образомъ и кроется причина удалства и ловкости, обнаруженныхъ донскими казаками подъ предводительствомъ Фрола Минаева во второмъ Азовскомъ походѣ. А между тѣмъ воронежскій край, откуда главнымъ образомъ брались эти калѣки-лошади, уже до азовскихъ походовъ славился своими лошадьми, но *по воинскому случаю* (походы) *и отъ корабельнаго и брегантирнаго дѣла* воронежцы *обезлошадѣли и обезконили*, и когда поэтому пришлось выставить известное число лошадей они и вывели что было похуже. Слѣдовательно, начало мѣстному коннозаводству должно было быть положено царемъ въ исходѣ XVII в. — въ 1697—1700 гг.; но когда собственно и какъ, откуда взяты были породистые производители? Сохранилось дѣло о конфискаціи громаднаго имущества бывшаго полковника Изюмскаго полка, генералъ-маіора Фёдора Шидловскаго, изъ котораго видно, что знаменитые, чистокровные арабскіе, горскіе и англійскіе жеребцы конюшенъ этого крупнаго богача не были отданы Волошскому князю, какъ прочее имущество его, а по именному указу государя были распределены частью въ Воронежъ, частью же въ Скопинь (*), гдѣ и послужили такимъ образомъ основаніемъ будущимъ двумъ знаменитѣйшимъ разсадниковъ отечественнаго коннозаводства. Въ Воронежской губерніи коннозаводство, поощряемое всячески правительствомъ, привилось очень скоро. Въ царствованіе Екатерины I, когда уставлено было ремонтнирование посредствомъ покупки и вошли въ славу знаменитые воронежскіе заводы графа Орлова-Чесменскаго, Зубова и другихъ, коннозаводство сдѣлалось, такъ сказать, промышленнымъ занятіемъ мѣстной аристократіи. Конскіе заводы стали открываться одинъ за другимъ; ими щеголяли, гордились, и въ то же время богатѣли. Заводы учреждали одни, какъ охотники или знатоки дѣла, другіе же изъ простаго подражанія или тщеславія. При всеобщемъ стремленіи къ развитію мѣстнаго коннозаводства,

(*) Въ 1712 г. состоялся указъ о томъ, чтобы изъ числа лошадей Ф. Шидловскаго, кои были присланы въ Скопинь, оставить стоялыхъ, кобылицъ и жеребятъ, а вѣшалыхъ всѣхъ и цуковыхъ (дуговыхъ) отослать къ Волошскому государю. Но доставившіи этихъ лошадей въ Скопинь, офицеръ Иванъ Карѣевъ, донесъ, что приведенныя имъ лошади всѣ стоялыя, кобылицы и жеребята, а вѣшалыхъ и цуковыхъ межъ ними нѣтъ.

вошла въ практику мѣстныхъ заводчиковъ система улучшения мѣстныхъ породъ посредствомъ покупки чистокровныхъ англійскихъ производителей, за которыхъ платили огромныя суммы, отъ 10 до 75 и до 100,000 рублей за голову. Въ Острогжскѣ улучшение мѣстной породы лошадей шло своимъ чередомъ; но тамъ, кромѣ знаменитаго завода полковника Тевяшова, коннозаводствомъ занимались также и рядовые или полковые черкасы. Къ концу царствованія Петра I коннозаводство Воронежской губерніи находилась въ блестящемъ состояніи.

Изъ причинъ, постоянно тормазившихъ какъ коннозаводство, такъ и въ особенности конноводство, укажемъ какъ на главнѣйшія: 1) близость кочевниковъ, — въ началѣ, 2) весьма сильно распространенное здѣсь конокралство, коимъ занимались хорошо организованныя шайки и даже цѣлыя селенія — въ среднѣ и 3) тяжелое положеніе коневодства въ періодѣ кораблестроенія — въ исходѣ XVII в., когда дороги бывали устланы трупами лошадей, падавшихъ отъ изнуренія, отъ чрезмѣрныхъ работъ.

Скотоводство. Заботы о крупномъ рогатомъ скотѣ, также какъ и о свиноводствѣ, кажется, не особенно занимали, столь заботливаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, царя. По крайней мѣрѣ, мы не отыскали ни одного документа, который свидѣтельствовалъ бы объ этомъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что свиноводствомъ изстари занималось самое аселеніе, а разведеніемъ крупнаго рогатаго скота, какъ уже было сказано выше, занимались мѣстные землевладѣльцы, лишившіеся большинства рабочихъ рукъ, отвлеченныхъ кораблестроеніемъ, или же бѣжавшихъ отъ него. За то, тѣмъ большее вниманіе посвящалъ царь мѣстному *овцеводству*. Обширныя овчарни построены имъ съ этой цѣлью въ Битюцкихъ селахъ, гдѣ разводились овцы разныхъ иностранныхъ породъ подъ руководствомъ опытныхъ иностранцевъ овцеводовъ, но овчарни не имѣли въ виду размноженіе овецъ какъ бойнаго скота, а какъ шерстянаго. Шерсть же была пужна для суконыхъ фабрикъ, введенныхъ царемъ въ Воронежскомъ краѣ. Съ тѣхъ поръ въ Воронежѣ появились три новыхъ предмета сбыта мѣстной сельскохозяйственной промышленности: сукно, шерсть и продажа овецъ на племя. Племенное овцеводство особенно быстро привилось и широко развилось у Острогжскихъ черкасовъ, занимавшихся этимъ впрочемъ еще въ до-петровскую эпоху.

Въ числѣ мѣропріятій Петра I къ развитію мѣстной фабрично-заводской промышленности слѣдуетъ упомянуть также открытіе въ Воронежѣ, на Чижовкѣ, близъ шлюза кожевеннаго завода, гдѣ русскіе люди, воронежцы, обучались выдѣлывать кожу на *англицкій манеръ*. Необходимо замѣтить, что всѣ подобныя учрежденія гениальнаго монарха, напоминали собою благоустроенныя школы, гдѣ русскіе, подъ руководствомъ опытныхъ иностранцевъ, изучали ту или другую специальность. Разница та, что въ учоніе, которое было для извѣстныхъ лицъ, по выбору или жребію, обязательно, посылались не малолѣтніе, а взрослые и нерѣдко даже пожилые люди, которые практически изучали дѣло. Такихъ учениковъ было множество разсыяно на разныхъ фабрикахъ и заводахъ.

Въ чемъ заключалось искусство обработки кожи на *англицкій манеръ*, намъ отыскать не удалось, но за то сохранился способъ обработки кожъ воронежцами въ допетровскую эпоху, представляющій также большой интересъ. Передаемъ со словъ подлинника почти дословно:

«Кожу обрабатывают воловьёю, коневью и козью, вмѣсто коей съ такимъ же успѣхомъ употребляютъ и овечью. Подошву выдѣлываютъ изъ коневьихъ хвостовъ.

Сперва мочатъ кожу въ простой водѣ двѣ ведѣли. Потомъ, для согнанія шерсти, которую еще соскребаютъ, мочатъ въ щелокъ изъ извести и зола въ котлахъ. Послѣ чего кладутъ ее въ хлѣбную кислотоватую воду, или въ растворъ овсяныхъ отрубей, дабы ее, какъ говорятъ, проквасить; при чемъ требуется однако великая осторожность.

Предуготовивъ кожу такимъ манеромъ, кладутъ ее въ дубильной щелокъ въ большихъ чавахъ, раскладываютъ кожу а дубъ слоями, и содержатъ въ семъ положеніи отъ 6 до 7 дней, или дубятъ отъ 6 до 7 разъ. Послѣ того относятъ оную въ *мялицу*, то есть махицу, оборачиваемую лошадыми, гдѣ просовываютъ ее чрезъ многіе цилиндрическіе вертикально стоящіе палки, между коими въ самой серединѣ находится обрашающійся вертикально цилиндръ, посредствомъ коего кожа здѣсь размывается. По окончаніи сего дѣйствія, переносятъ ее въ особый сарай, гдѣ размываютъ ее еще ногами. Послѣ чего ее красятъ, и въ особомъ сараѣ сглаживаютъ на большемъ дикомъ камнѣ шероховатую деревянную гладилкою, и еще на столѣ или верстакѣ желѣзною гладилкою. Потомъ пробиваютъ ее колѣномъ чрезъ, такъ называемую, *колодку*, которая состоитъ изъ двухъ дровковъ, укрѣпленныхъ съ исподи въ деревянномъ чурбанѣ, разстояніемъ одно отъ другаго не много болѣе толщины человѣческаго колѣна. По окончаніи сего дѣйствія, соскребаютъ еще на станкѣ скребкомъ между съ лѣвой стороны кожи, и потомъ идетъ она въ продажу.

Подошвенную кожу, по окончаніи работы, кладутъ въ воду для того, чтобы она разбухла и казалась толще.

Лучшую кожу, козловую и также яловочную обрабатываютъ нѣсколько инымъ манеромъ. Дѣлаютъ изъ нея мѣшокъ, которой наполняютъ *толоконникомъ* (*Arbutus uva ursi*), которой для сего въ большемъ количествѣ покупаютъ здѣсь же на Украйнѣ, и паливаютъ водою, которую, когда съ низу вытечетъ, то доливаютъ свѣжою.

Вообще, при всякомъ дубленіи теплая вода сему дѣйствию пособствуетъ, чего ради сдѣланы на дворѣ въ ямѣ печь, въ коей вмазаны большой желѣзной котелъ для согрѣванія подливаемой туда воды.

Самую же величайшую осторожность надлежитъ наблюдать, когда кожа къ дубленію предуготовляется, и требуетъ безпрестаннаго присмотра, особливо, когда она лежитъ въ вышеупомянутой кислой хлѣбной водѣ; ибо отъ нерадѣнія при семъ обработываніи получаетъ она дырѣя.

Дубовую кору сперва сунуть въ особый вабъ, гдѣ съ низу проведена печь, потомъ толкутъ ее въ особой толчеѣ, гдѣ толчейныя песты снабжены съ низу четырьмя на крестъ расположенными рѣзцами. Махица сія обращается посредствомъ лошадей. Такимъ же способомъ толкутъ и вышеупомянутый толокняникъ.

Яловочную неокрашенную кожу послѣ дубленія съ лѣвой стороны, какъ уже сказано, оскребаютъ; но прежде сего ватираютъ ее еще съ той же стороны дегтемъ, дабы она была мягче.

Крашеніе кожи въ красной цвѣтъ производится савдаломъ съ малою частью извести. Въ черной цвѣтъ красятъ не купоросомъ, ибо говорятъ, что онъ ѣдокъ,

но настоякою желѣзныхъ опилокъ въ кислой хлѣбной водѣ, къ чему прикладываютъ старыхъ обломковъ отъ бочекъ, въ коихъ производилось дубленіе.

На вса обработку кожи проходитъ шесть мѣсяцевъ. Содранною въ щелокъ шерсть обмываютъ и продаютъ для набиванія кожаныхъ подушекъ и пр. дубъ отъ дубленія остающійся на забучиваніе мокрыхъ низменныхъ мѣстъ; обрѣзки кожъ на клеовареніе. На вышепомянутыхъ правилахъ производится также и обработываніе юфти.

Очевидно, выдѣлка кожъ по англійскому способу должна была значительно сократить эту операцію и дать въ результатъ товаръ, болѣе высокихъ достоинствъ; судимъ такъ потому, что кожевенное производство воронежцевъ еще недавно сравнительно находило себѣ спросъ не только на югъ и востокъ, но даже во Франціи.

Кожи составляли предметъ и внутренней и вывозной торговли. Преимущественно сбывали ихъ въ Польшѣ и Цесарской землѣ; въ торговлѣ различали кожи коневыя, оленья, лосиные, овечьи, козлиныя (исключительно въ Острогжскѣ) яловичныя, бычачьи и *буйволовыя*. Также самое и *рога* продавались двухъ сортовъ: бычачьи и *буйволовыя*. Откуда придонская Украина добывала буйволовъ, намъ доискаться не удалось; предположить можно, что подъ этимъ названіемъ былъ въ XVII в. извѣстенъ *зубръ*, который въ настоящее время, кромѣ Бѣловѣжской пуши, встрѣчается еще на Кавказѣ.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе мѣстнаго сельскаго хозяйства, въ какомъ его оставилъ Петръ I.

Намъ остается еще ознакомиться съ мѣрами Петра I, клопившимися къ обезпеченію процвѣтанія мѣстной промышленности.

Отъ гениальнаго ума великаго монарха не могъ укрыться тотъ важный фактъ, что основа процвѣтанія всякаго рода промышленности заключается прежде всего въ удобствахъ путей сообщенія, въ возможности легкаго сбыта произведеній промышленности. Воронежскій край имѣлъ олянъ лишь водной путь — р. Донъ, посредствомъ котораго сообщеніе шло какъ съ югомъ, такъ и съ востокомъ, благодаря близости Волги къ Дону у Качалина. Но Воронежъ не имѣлъ удобныхъ путей сообщенія съ торговыми пунктами, находившимися въ другихъ направленіяхъ. Попытки Петра Великаго утилизаціи сѣвернаго теченія р. Воронежа и Дона, какъ оказывается по древнимъ актамъ, не увѣщались успѣхомъ: суда слегка нагруженныя могли быть сплавлены только въ половодье; притомъ зимою рѣками вовсе нельзя было пользоваться; сухопутныя же дороги находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что сообщеніе по нимъ въ дурную погоду дѣлалось совершенно невозможнымъ. Обходя разныя препятствія, какъ озера, болота, горы и большіе лѣса, дороги эти чрезвычайно удлиннялись и тѣмъ значительно увеличивали цѣнность провоза. Рѣки также нуждались въ разныхъ исправленіяхъ для свободнаго плаванія судовъ, въ особенности же донскія гарлы. Все это позаботился исправить Петръ I и ему Воронежскій край долгое время обязанъ былъ своими благоустроенными торговыми дорогами.

Къ числу наиболѣе интересныхъ мѣръ относительно облегченія плаванія по Дону принадлежатъ закрытіе двухъ гарлъ Кутюрмы и забивка ихъ сваями, о чемъ сохранилось цѣлое дѣло, сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей въ которомъ, полагаемъ, небезынтересно будетъ для читателя, хотя бы для ознакомленія

съ гидротехникой того времени. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Весною 1702 года Петръ I приказалъ запрудить два гирла рукава Дона, называемаго *Кутерьмого*, съ цѣлью поднятія уровня воды въ другихъ гирлахъ. Для этой работы были вызваны острогожскіе черкасы, мельники, Дмитрій Михайловъ съ товарищи, которые проработавъ лѣто, явились въ Азовъ и заявили думному дворянину и воеводѣ Степ. Богд. Ловчикову, что «по указу Великаго Государя, велѣно имъ подѣ Азовомъ въ рѣкѣ Кутюрнѣ запрудить той рѣки два гирла и въ томъ же мѣстѣ побилы они свай триста тритцать, длиннику на то на семидесять на дву саженьяхъ, воды къ тому валобно прибавить берегу сажень по десяти и болши и всего той плотины будетъ на дву стахъ саженьяхъ и въ которыхъ мѣстехъ вода, на тѣхъ мѣстахъ надобно ставить ящички дощатые вышиною на осмидесять на дву саженьяхъ, по двѣ сажени на осмидцати саженьяхъ, по полторы сажени, на семидесять на дву саженьяхъ по сажени; а тѣ ящички ставить ихъ возлѣ свай, а въ нихъ класть камень безъ известя, а отъ ящичковъ вверхъ по рѣкѣ выстилать травомъ камышемъ и засыпать землю сажень на десять, а сверхъ земли для укрѣпленія пошвъ осыпать мелкимъ каменемъ вышиною на аршинъ, а на ту плотину землю возить изъ за рѣки Кутюрны съ береговъ и изъ иныхъ мѣсть, гдѣ въ близости сышетца, а камышъ надобно готовить заравѣе, вязать въ снопы большіе и склать въ груды возлѣ той плотины въ близости, для того: какъ ящички будутъ насыщаны каменемъ и въ то время тѣми снопами чинить отъ ящичковъ въ рѣку Кутюрму отсылку и засыпать землю вскорѣ, безовсякїа остановки и замедленія, и для того тѣ снопы надобно приготовить заравѣе, такъ же и земля бѣ была въ то время вся въ готовности, а если тому дѣлу учинитца продолженіе и зачѣмъ остановка и которой камышъ будетъ положенъ въ постылку, а не закрѣпленъ, и ту землю водою вымоетъ, а камышъ разнесетъ; а на то дѣло вынѣ возить камень толко на дватцати бударехъ, а на нихъ камени по сажени и менши и которые будары приходять съ Чулика и тѣ обарачиваютца въ двои сутки по одинажды, а которые приходять съ Темерника, и тѣ обарачиваютца въ недѣлю по одинажды и оттого чинитца великая мѣшкота и для привозки того камня надобно бударь прибавить многое число, чтобъ за тѣмъ тому дѣлу остановки не учинилось. Да для готовленія камышу и земли надобно людей тысяча человекъ, а имъ надобно для копанья и иошеня земли сто лопатокъ желѣзныхъ, двѣсти лопатъ деревянныхъ, три ста мѣшковъ, да для кошеня и рѣзавья камышу пятьдесятъ серповъ, пятьдесятъ косъ».

Познавія скромныхъ мельниковъ, вѣроятно, показались воеводѣ недостаточными, потому что онъ послалъ за помощникомъ главнаго инженера М. Симунта, за Герардомъ Тиріономъ, и просилъ его высказать свое мнѣніе. Тиріонъ, какъ специалистъ, счелъ себя обязаннымъ не согласиться съ мнѣніемъ простыхъ мельниковъ и поэтому высказалъ: «будетъ де въ той плотинѣ ставить ящички, надобно въ нихъ класть камень съ известью, также какъ и въ гавани, и тѣ ящички укрѣпить сваями, такъ же какъ и въ гавани» но доморожденные острогожскіе мельники—инженеры, увѣренные въ правотѣ своего дѣла, также не сдавались, они обижено заявили, «что де каменемъ де съ известью они класть не умѣютъ и того дѣла не знаютъ, а хотя де въ тѣхъ ящичкахъ камень съ известью будетъ и положенъ, и тѣми ящичками той плотины ут-

вердять будетъ не возможно для того: подъ тѣ ящики и межъ ящиковъ пойдетъ вода».

Выслушавъ спокойный, но насмѣшливый отвѣтъ черкасскъ, инженеръ Тиріонъ, не удостоивъ ихъ болѣе взглядомъ, пустился разъяснять воеводѣ свои ученыя соображенія; онъ говорилъ: «Будетъ де въ тѣ ящики камня безъ извести не власть и чтобъ отъ воды пошву утвердить, надобно де подѣлать ящики свайныя, такъ же какъ и у гавани, толко тѣ ящики были бь шириною четырехъ сажель, а въ нихъ насыпать камня безъ извести и тѣ ящики надобно укрѣпить, также какъ у гавани, позади свай съ обѣ стороны власть брусья дубовыя и поперекъ власть брусья дубовыя жь, а по концамъ укрѣплять желѣзомъ, такъ же какъ и у гавани, остилка камышемъ и землею такъ, какъ и мельники сказали. Слушавшіе безмолвно ученую рѣчь Тиріона, рекомендовавшаго имъ все дѣлать «также какъ и у гавани», т. е. по его методѣ, мельники опять спокойно, но рѣшительно заявили: «будетъ де отстылка такой быть, какъ мы выше сего сказали, и такимъ свайнымъ ящикомъ и лѣсу напрасно издержкѣ быть не для чего: та де плотина, буде она построена будетъ, какъ мы выше сего сказали, и безъ того будетъ тверда и будетъ де камень будетъ навезенъ и камышъ и земля будетъ приготовлена, мы де ту плотину симъ лѣтомъ въ отдѣлѣ поставимъ». Побѣда осталась за Острогожскими мельниками...

Не менѣе интересны заботы монарха объ улучшеніи сухопутныхъ дорогъ и о сокращеніи протяженія ихъ. Черезъ овраги и рѣчки были перекинуты мосты; вдоль расширенныхъ и укороченныхъ дорогъ разставлены верстовыя столбы, а для устраненія столь часто повторявшихся случаевъ гибели путниковъ зимою, сбывавшихся въ ятели съ путя, по обѣимъ сторонамъ дорогъ были посажены деревья, такъ что дороги походили на аллеи.

Главныя торговыя пути или шляхи получили слѣдующія направленія:

Торговый шляхъ на Саратовъ.		Сколько версть.
Отъ города Воронежа до села Усмани	— — —	15
» Усмани до Московскаго поселка	— — —	25
» Поселка до села Средняго Икорца	— — —	35
» Икорца » Шестакова	— — —	35
» Шестакова » Казловки	— — —	27
» Казловки до слободы Великихъ Хуторовъ	— — —	20
» Великихъ Хуторовъ до слободы Васильевской	— — —	16

По Саратовскому намѣстничеству.

» Васильевской до села Еланскаго Колѣвна	— — —	30
» Еланскаго Колѣвна до города Новохоперска	— — —	29

Итого отъ Воронежа до Ново-Хоперска — 232

» Новохоперска до села Калмыка	— — —	24
» Калмыка до рѣчки Свицовой	— — —	29
» Свицовой до слободы Ильмена	— — —	19
» Ильмена » Макашевки	— — —	24

» Макашеви	» Засецкой	—	—	—	—	25
» Засецкой до города	Балашова	—	—	—	—	15

Итого отъ Новохоперска до Балашова — 136

А отъ Воронежа (через Новохоперскъ) до Балашова	—	—	—	—	—	368
» Балашова до села Катавраса	—	—	—	—	—	30
» Катавраса до деревни Ельшанки	—	—	—	—	—	21
» Ельшанки до Григоровки	—	—	—	—	—	25
» Григоровки до села Колѣна	—	—	—	—	—	20
» Колѣна до села Маматова	—	—	—	—	—	27
» Маматова до Земляныхъ хуторовъ	—	—	—	—	—	16
» Хуторовъ до города Актарска	—	—	—	—	—	21

Итого отъ Балашова до Актарска — 160

А отъ Воронежа до Актарска	—	—	—	—	—	528
» Актарска до села Корякина	—	—	—	—	—	24
» Корякина до деревни Кувыковки, Разуваевка тожъ	—	—	—	—	—	16
» Разуваевки до села Курдюма	—	—	—	—	—	15
» Курдюма до города Саратова	—	—	—	—	—	25

Итого отъ Актарска до Саратова — 80

А отъ Воронежа до Саратова — — — — 608 верстъ

1.

Отъ города Воронежа въ столичные города, Санктъ Петербурхъ и Москву.

1) Отъ Воронежа до Старо-Животинного постоялыхъ дворовъ	—	—	—	—	—	—	25	
2. До Вестужевки	—	—	—	—	—	—	17	
3. » села Хлѣвнаго	—	—	—	—	—	—	14	
4. » города Задонска	—	—	—	—	—	—	26	
Итого							—	82

2.

Отъ города Воронежа въ городъ Тамбовъ.

5. Отъ Воронежа до Усмани Собакина	—	—	—	—	—	—	12
6. До города Орлова	—	—	—	—	—	—	20
7. » Большой Приваловки	—	—	—	—	—	—	21
Отъ Приваловки до границъ Тамбовской губернии	—	—	—	—	—	—	1
вер. — 73 саж.	—	—	—	—	—	—	1

Итого отъ Воронежа до границы 54 в. 73 с.

3.

Отъ Воронежа въ городъ Астрахань.

Отъ Воронежа до Усмани Собакина	—	—	—	—	—	—	12
8. До поселка Московскаго	—	—	—	—	—	—	25
9. » Можайскаго	—	—	—	—	—	—	13

10.	»	Средняго Икорца	—	—	—	—	—	—	27
11.	»	села Шестакова	—	—	—	—	—	—	34
12.	»	слободы Отрошки, Козловка тожь	—	—	—	—	—	—	31
13.	»	Великихъ хуторовъ	—	—	—	—	—	—	23
14.	»	Васильевки	—	—	—	—	—	—	18
15.	»	Еланскаго Колѣва	—	—	—	—	—	—	31
16.	»	города Новохоперска (245 1/2)	—	—	—	—	—	—	31 1/2
17.	»	Таволожной	—	—	—	—	—	—	24
18.	»	»	которой подлѣ границы	—	—	—	—	—	21
Итого									290 1/2

Отъ Воронежа въ войско Донское.

Отъ Воронежа до Усмани Собакиной	—	—	—	—	—	—	—	—	12
До Московскаго поселка	—	—	—	—	—	—	—	—	25
» Можайскаго поселка	—	—	—	—	—	—	—	—	13
» Средняго Икорца	—	—	—	—	—	—	—	—	27
» села Шестакова	—	—	—	—	—	—	—	—	34
» слободы Мосѣвой	—	—	—	—	—	—	—	—	14
» города Павловска (146)	—	—	—	—	—	—	—	—	21
» хут. Кавинскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	24
» села Нижняго Мамова	—	—	—	—	—	—	—	—	23
» слободы Выча	—	—	—	—	—	—	—	—	27
» вновь учрежденной почтовой станціи	—	—	—	—	—	—	—	—	23
» границы Войска Донскаго	—	—	—	—	—	—	—	—	4-445
Итого									247-445

Отъ Воронежа въ города Курскъ.

Отъ Воронежа до Ендовица	—	—	—	—	—	—	—	—	15
До села Турова	—	—	—	—	—	—	—	—	32 1/2
» города Нижнедѣвица (64)	—	—	—	—	—	—	—	—	16 1/2
» Умликсини пески, Нового Роговаго тожь	—	—	—	—	—	—	—	—	31 1/2
» Курской границы	—	—	—	—	—	—	—	—	5 1/2
Итого									101

Отъ Воронежа въ городъ Бобровъ.

Отъ Воронежа до Усмани Собакиной	—	—	—	—	—	—	—	—	12
До Московскаго поселка	—	—	—	—	—	—	—	—	25
» Можайскаго поселка	—	—	—	—	—	—	—	—	13
» села Средняго Икорца	—	—	—	—	—	—	—	—	27
» города Боброва	—	—	—	—	—	—	—	—	16 1/2
Итого									93 1/2

Отъ Воронежа до города Землянска.

Отъ Воронежа до слободы Ендовице	—	—	—	—	—	—	—	—	15
До города Землянска	—	—	—	—	—	—	—	—	26
Итого									41

Отъ города Землянска до города Нижнедвѣнца.

Отъ Землянска до села Нижней Вѣдуги	—	—	—	14
До села Турова	—	—	—	20
» города Нижнедвѣнца	—	—	—	16 ¹ / ₂
Итого				50 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа въ городъ Валуйки.

Отъ Воронежа до слободки Алексѣевки	—	—	—	15
До села Оленья Колодезя	—	—	—	19
» Старой Хворостани	—	—	—	23
» города Коротояка (78)	—	—	—	21
» Острогожка (94)	—	—	—	16
» села Олшавки	—	—	—	17
» Иловскаго	—	—	—	19
» города Бирючья (148)	—	—	—	18
» бывшаго города Ливенска	—	—	—	25 ¹ / ₂
» слободы Мандоровой	—	—	—	17
» города Валукъ	—	—	—	18
Итого				208 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа до города Старобѣльска.

Отъ Воронежа до слободки Алексѣевки	—	—	—	15
До села Оленья Колодезя	—	—	—	19
» Старой Хворостани	—	—	—	23
» города Коротояка (78)	—	—	—	21
» Острогожка (94)	—	—	—	16
» Евлаково	—	—	—	25
» слободы Сагуновъ	—	—	—	29
» слободы Сапринной	—	—	—	27
» города Калитвы	—	—	—	27
» хутора Ципинова	—	—	—	20
» слободы Таловъ	—	—	—	35
» Константиновки	—	—	—	24
» Каменки	—	—	—	33
» Студенца, Писаревки тожъ	—	—	—	25
» города Старобѣльска	—	—	—	25 ¹ / ₂
Итого				364 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа до города Богучара.

Отъ Воронежа до слободки Алексѣевки	—	—	—	15
До села Оленья Колодезя	—	—	—	19
» старой Хворостани	—	—	—	23
» города Коротояка (78)	—	—	—	21
» Острогожка (94)	—	—	—	16
» слободы Евлакова	—	—	—	25
» Сагуновъ	—	—	—	29
» Сапринна	—	—	—	27

» бывшего города Калитва	—	—	—	—	—	27
» хутора Ципнова	—	—	—	—	—	20
» города Богучара	—	—	—	—	—	29

Итого — — — 251

Отъ города Богучара до города Старобѣльска.

Отъ города Богучара до слободы Таловъ	—	—	—	—	—	35
До слободы Константиновки	—	—	—	—	—	24
» Каменки	—	—	—	—	—	33
» Студенца Писаревка тожь	—	—	—	—	—	25
» города Старобѣльска	—	—	—	—	—	25 1/2

Итого — — — 142 1/2

Отъ города Боброва до города Павловска.

Отъ города Боброва до села Шестакова	—	—	—	—	—	35
До слободы Лосевой	—	—	—	—	—	14
» города Павловска	—	—	—	—	—	21

Итого — — — 70

Кратчайшія проѣзжія дороги суть слѣдующія:

Отъ города Воронежа въ городъ Липецкъ.

Отъ города Воронежа по Большой Московской дороги до села Старо-Животинное	—	—	—	—	—	25
До села Воронежской Лазовое	—	—	—	—	—	30
» деревни Грузное	—	—	—	—	—	22 1/2
» границы Тамбовской губерніи Липецкаго уѣзда	—	—	—	—	—	9 1/2

Итого — — — 87

Отъ Задонска въ городъ Лебедянь.

Отъ города Задонска до деревни Черниговки	—	—	—	—	—	15
До села Казина	—	—	—	—	—	9 1/2
» деревни Варваровки	—	—	—	—	—	4 1/2
» села Пружинокъ	—	—	—	—	—	10 1/2
» границы Тамбовской губерніи Лебеданскаго уѣзда	—	—	—	—	—	6

Итого — — — 45 1/2

Проходящей черезъ Задонскій уѣздъ Орловской губерніи отъ города Ельца въ Липецкъ.

Отъ села Попернаршева состоящей на самой границы до села Студеняго	—	—	—	—	—	5
До села Малаго Сворлекова	—	—	—	—	—	3
» Базина	—	—	—	—	—	3 1/2
» границы Тамбовской губерніи	—	—	—	—	—	8 1/2

Итого — — — 20

Отъ города Валукъ Слободской Украинской губерніи
въ городъ Купенскъ.

Отъ Валукъ до села Богородицкаго	—	—	—	—	—	6 1/2
До деревни Шелаева	—	—	—	—	—	1 1/4
» слободы Уразовой	—	—	—	—	—	5
» слободы Двучубной	—	—	—	—	—	3 1/2
» деревни Догачевка	—	—	—	—	—	7
Итого						23 1/2

Отъ города Бирюча въ городъ Нижнедѣвицкъ.

Отъ города Бирюча до деревни Прудковъ	—	—	—	—	—	19
До села Хмелеваго	—	—	—	—	—	11
» Круглаго	—	—	—	—	—	5
» Сетища	—	—	—	—	—	4 1/2
» Потудань	—	—	—	—	—	12 1/4
» Краснаго	—	—	—	—	—	21
» Синихъ Длбеговъ	—	—	—	—	—	26
» Першина	—	—	—	—	—	14
» города Нижнедѣвицка	—	—	—	—	—	8
Итого						121

Отъ города Бирюча въ городъ Коротоякъ.

Отъ Бирючя до прудковъ	—	—	—	—	—	19
До села Хмелеваго	—	—	—	—	—	11
» Круглаго	—	—	—	—	—	5
» Сетища	—	—	—	—	—	4 1/2
» слободы Сасовки	—	—	—	—	—	17 1/2
» Колбиной	—	—	—	—	—	2
» города Коротояка	—	—	—	—	—	18
Итого						—

Отъ Землянска въ Ливны.

Отъ Землянска до деревни Круглаго	—	—	—	—	—	9
До границы Орловской губерніи Ливенскаго уѣзда	—	—	—	—	—	14
Итого						—

Отъ Землянска въ городъ Елецъ.

Отъ Землянска до села Большой Поляны Каманника тожъ	—	—	—	—	—	25
До села Нижняго Ломовца	—	—	—	—	—	13
» деревни Долгуши	—	—	—	—	—	5
» границъ Орловской губерніи Елецкаго уѣзда	—	—	—	—	—	3
Итого						—

Отъ Землянска въ городъ Задонскъ.

Отъ Землянска до села Веряна	—	—	—	—	—	18
До деревни Крещенской	—	—	—	—	—	5
» села Дмитрашевки	—	—	—	—	—	15

До села Хлѣвнаго — — — — — — —	3
» города Задонска — — — — — — —	26
Итого — — — — —	—

Отъ города Коротояка въ городъ Бобровъ.

Отъ города Коротояка до села Старо-Покровскаго — — — — —	13 1/2
До села Средняго Икорца — — — — —	22 1/2
» города Боброва — — — — —	16 1/2
Итого — — — — —	52 1/2

Отъ города Валукъ въ Старобѣльскъ.

Отъ города Валукъ до слободы Венденевки — — — — —	20
До сала Вѣлаго Колодезя — — — — —	22 1/2
» слободы Ровеньковъ — — — — —	20
» Вѣлоуцкой — — — — —	26 1/2
» Осиновки — — — — —	16 1/2
» Студенца Писаревка тожь — — — — —	6
» города Старобѣльска — — — — —	25 1/2
Итого — — — — —	115 1/2

Отъ города Богучара въ городъ Новохоперскъ.

Отъ города Богучара до слободы Бычекъ — — — — —	17
До слободы Петропавловки — — — — —	11 1/2
» Старой Мѣловой — — — — —	20 1/2
» Шириевой — — — — —	8
» Калача — — — — —	12 1/2
» хутора слободы Воробьевки — — — — —	11
» слободы Березовки — — — — —	6
» Васильевки — — — — —	24
» Еланскаго Колѣна — — — — —	31
» Новохоперска — — — — —	31 1/2
Итого — — — — —	—

Къ городу Черкаску.

Отъ Воронежа по вышеназванной Саратовской дорогѣ до села Шестакова.

Отъ Шестакова до города Павловска — — — — —	37
» » » до слоб. Николаевки — — — — —	23
» слободы Николаевки чрезъ село Барабуть до города Калитвы — — — — —	16
» города Калитвы на слободу Калитву до Савчина хутора — — — — —	25
» хутора Савчина до города Богучара — — — — —	20
» города Богучара до слободы Бычка — — — — —	15
» слободы Бычка до границы Войска Донскаго — — — — —	23
» границы до Казанской Станицы — — — — —	13

Отъ города Калитвы до города Вѣловодска.

Отъ города Калитвы на слободу Нону Калитву до слободы Таловъ	— — — — —	27
» слободы Таловъ до слободы Константиновки	— —	25
» Константиновки до слободы Марковки	— —	27
» Марковки до слободы Куречевки	— —	15
» Куречевки до города Вѣловодска	— —	21

Изъ городу Харькову.

Отъ Воронежа по вышесказанной Тамбовской дороги до слободы Придачи, отъ которой до села Оленья Колодезя	— — — — —	33
» села Оленья Колодезя до села Старой Форостани	24 в. 350 с.	
» Старой Форостани до города Коротоояка	22 » 200 »	
Итого	— —	80 в. 300 с.

Отъ города Коротоояка до города Острогожска	— —	15
» Острогожска до города Ольшанска	— —	17
Отъ Ольшанска до села Иловскаго	— — —	18
» Иловскаго до города Бирюча	— — —	20 ¹ / ₂
» города Бирюча до города Ливенска	— — —	25
» Ливенска до слободы Мовдаровой	— —	17 ¹ / ₂
» слободы Мовдаровой до города Валукъ	— —	16
» города Валукъ чрезъ деревню Пристѣнную до деревни Бабки	— — — — —	25
» деревни Бабки чрезъ слободу Казинку до слободы Ольховатки	— — — — —	23
» слободы Ольховатки до границы Харьковскаго вѣстанничества	— — — — —	14
» границы жь до червой ставци хутора Еглова	— —	11

Отъ города Валукъ до города Куинска.

Отъ города Валукъ до слободы Двулучной	— —	21
» слободы Двулучной до слободы Каменки	— —	16
» Каменки » Двулучной	— —	19
» Двулучной до города Куинска	— —	19

Впослѣдствіи, въ царствованіи Екатерины II, когда дороги получили новую распланировку, они почти всё сохранили направленіе, данное имъ въ царствованіе Петра I.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о характерѣ и размѣрахъ мѣстной торговли за первую половину XVIII в.

Выше уже было сказано, что воронежцы еще въ исходѣ XVII в. начали пользоваться сами и сбывали въ другія мѣстности не мало произведеній мѣстной фабрично-заводской промышленности. Въ началѣ XVIII в. главными торговыми центрами края являются два города, Воронежъ и Острогожскъ, сосредоточившіе въ себѣ почти всю мѣстную торговлю. Отличительная черта ихъ та, что въ Воронежѣ преобладаетъ торговля привозная, а въ Острогожскѣ

преимущественно производится сбытъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ произведений. Второстепенная роль выпадаетъ на долю новаго города Павловска и старинныхъ — Валуйскъ и Коротояка. Послѣдній изъ упомянутыхъ городовъ, нѣкогда опасный соперникъ въ торговомъ отношеніи Воронежу, вѣдѣствіе близости цвѣтущаго города Острогоска, начинаетъ терять свое прежнее значеніе. Изъ двухъ соперничающихъ главныхъ торговыхъ центровъ, Острогоская промышленность и по характеру своему и по размѣрамъ одерживаетъ сначала несемѣнный верхъ надъ Воронежскою и это потому, что первая шла своимъ историческимъ ходомъ, развивалась болѣе самостоятельно, вторая же долгое время поддерживалась и питалась, какъ мы уже ранѣе видѣли, казенными подрядами; но Воронежъ, какъ административный центръ, сосредоточившій въ себѣ всѣ мѣстные капиталы, мало по малу взялъ верхъ надъ своимъ опаснымъ соперникомъ.

Характерная особенность мѣстной торговли была та, что она даже въ среднѣе прошлаго вѣка производилась болѣею частью не на наличныя деньги, а путемъ обмѣна. Быть можетъ въ этомъ случаѣ воронежцами руководили экономическія соображенія, такъ какъ для таможенного сбора требовалось *имѣть* капиталъ, предназначенный торговымъ человѣкомъ на покупку товаровъ, причѣмъ выгадывалось отъ умыленно пониженной цѣнности товаровъ, при обоюдномъ согласіи покупателя и продавца. Таможенные сборы высказывались: 1) съ продажи всякихъ товаровъ по выписямъ, съ цѣны (т. е. съ оцѣнки) — по *пяти* денегъ съ рубля. 2) Съ прибылые цѣны (т. е. съ чистой прибыли) по *десяти* денегъ съ рубля. 3) Съ продажи вещей товаровъ и съ перекупныхъ по $1\frac{1}{2}$ деньги съ рубля. 4) Мелочной сборъ, носившій особенное названіе на языкѣ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ — «лицинной высылки», и, наконецъ, сборъ съ нѣкоторыхъ предметовъ производился натурою, а затѣмъ пролавался въ таможи, какъ напримѣръ, лубья, конхъ въ 1711 г. было собрано въ одной только воронежской таможи 560 штукъ и затѣмъ продано за 28 руб.

Другая особенность заключалась въ необычайно широкомъ развитіи кредита, такъ что не только частныя лица между собою, но даже правительственная таможня кредитовала мелкимъ купцамъ и посадскимъ людямъ, не говоря уже объ извѣстныхъ таможи своимъ торговыми оборотами капиталистовъ, причѣмъ кредитъ распространялся не на однихъ только мѣстныхъ жителей, но и на прѣѣзжихъ изъ дальнихъ городовъ. Изъ того же таможенного отчета за 1711 г. видимъ, что изъ всего сбора воронежской таможи за этотъ годъ — 4047 р. 21 алтынъ и 3 деньги, въ долгахъ оставалось на воронежцахъ — 449 руб. 8 алт. и полшеста ($5\frac{1}{2}$) денегъ; кромѣ того, не мало на Москвичахъ, Суздальцахъ и другихъ.

Кабалы (росписки) писались лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда лицо, бравшее деньги, казалось подозрительнымъ, или же когда имѣлось въ виду его *закабалить*. Часто довольно крупныя счета велись простой помѣтой мѣломъ на дверяхъ, по числу рисуемыхъ крестовъ и палочекъ, количество слѣдующихъ рублей и мелкихъ денегъ, а внѣ дома — надрѣзами на пальцѣ кредитора. Еще недавно сошли въ могилу старики, по разсказамъ которыхъ, угроза кредитора неаккуратному должнику, стереть эти мѣломъ черченныя палочки съ дверей

или соскоблить ихъ съ палки, приводили въ отчаяніе послѣдняго и заставляли его умолять объ отерочкѣ и набавить отъ предстоящаго «срама и позору».

Третья особенность заключалась въ томъ, что торговля распадалась на лѣтнюю и зимнюю; весною и осенью она бывала крайне ограничена. Первая велась главнымъ образомъ *плавнымъ путемъ*, вторая, сухопутная, гужевымъ порядкомъ, преимущественно съ Москвою и другими болѣе сѣверными городами; во зимняя, по разбѣрамъ оборота, значительно уступала лѣтней. Позднѣе, когда Донъ значительно обмелѣлъ, такъ что судоходство производилось лишь весною и осенью, то и самая сплавленная торговля передвинулась къ этому времени.

Наконецъ, четвертая особенность торговли глубокой старины заключалась въ томъ, что лавокъ съ такъ наз. специальными товарами не было, а въ каждой лавкѣ можно было найдти самые разнородные предметы.

Самые важные предметы сбыта мѣстныхъ рынковъ были хлѣба, продукты скотоводства, хлѣбное вино и рыба. Чтобы дать понятіе о промышленности края, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ воронежскихъ и острогожскихъ таможенныхъ книгъ за 1706—1710 года. Таможни вели торговые книги, куда ежедневно вносились званія, имена, отчества и фамиліи пріѣзжихъ промышленныхъ людей, указывалось число явленныхъ денегъ или перечислялись привезенные для продажи и явленные ими предварительно въ таможнѣ товары, затѣмъ отмѣчалась купля-продажа и количество изысканныхъ съ нихъ таможенныхъ денегъ.

Такъ, наприимѣръ, явилъ, 30 сентября 1706 г., въ воронежской таможнѣ мѣстный посадскій человекъ Вас. Елисеѣвъ запасу и товары, бывшіе въ его бударѣ:

- Пшеничной муки—173 куля, а цѣна за ста—13 руб.
- Гречишной муки—250 кулей » » » —10 »
- Сѣмя—50 кулей, цѣна 5 рублей.
- Овса—150 кулей, цѣна за ста—12 руб.
- Пшева—255 кулей » » » —12 »
- Гороху—135 кулей » » » —7 »
- Цыновокъ—465 » » » —5 »
- Аленой холстины 1900; цѣна за ста (аршинъ?)—60 алт.
- Хрешу—5050 аршинъ; цѣна за ста—36 алт. 4 ден.
- Аленой холстины сельской—350 аршинъ; цѣна за ста полтара рубля 5 алтынъ.
- Сермяжнаго сукна 315 арш.; цѣна за ста 3 р. 26 алт. 4 д.
- Нетертаго сукна—55 арш.; цѣна 1 руб.
- 5 юфтей товару; цѣна 5 руб.
- 16 шубъ; цѣна *десятиакъ*—6 руб.
- 300 вершковъ брановыхъ и урѣшчатыхъ; цѣна за ста 5 р. 16 алт. 4 д.
- 250 варегъ; цѣна за ста—3 р.
- Пишеш бумаги 16 дестей; цѣна 8 гривенъ.
- Поллуда восковыхъ свѣчей; цѣна—2 руб.

- 15 борашневыхъ роговъ; цѣна за десятакъ 1 руб. 16 алт.
- 4 дельги съ гривною.
- Холста крапивоны хрешова 350 арш.; цѣна за ста—1 руб.
16 алт. 6 д.
- 15 тагановъ; цѣна за десятакъ—20 алтынъ.
- 2 связки желѣза; цѣна связки—20 алтынъ.
- Смола 43 *ляжки*; цѣна за десятакъ—1 р. 13 а. 2 д.
- Лаптей 400; цѣна за ста—16 алт., 4 д.
- 30 ситъ; цѣна за десятакъ—9 алтынъ.
- 100 рѣшотъ; цѣна 20 алтынъ.
- 13 цѣнагъ съдельныхъ; цѣна за десятакъ—15 алтынъ.
- Ковшей и чаракъ 500; цѣна за ста—13 алт. 2 д.
- Мясъ 25; цѣна за десятакъ по 2 алтына.
- 10 хамутивъ; цѣна за десятакъ 15 алтынъ.
- 20 хамутивъ мачалныхъ; цѣна за десятакъ по 2 алтына.
- Горшковъ, кушниковъ и корчагъ—на 2 рубля.
- Меду 48 кадей, а въсу въ нихъ 443 пуда; цѣна за пудъ
по двадцати по два алтына.
- 300 тарелакъ; цѣна за ста—6 алтынъ 4 д.
- Гребней и гребенакъ 50; цѣна за десятакъ по 2 алт.
- Чюлковъ 130; цѣна за ста—5 руб.
- Вечовъ большой и средней и малой руки 86; цѣна 7 руб.
- Желѣзнаго всякаго мелкаго дѣла на 4 р.
- 200 мылъ; цѣна 1 руб.
- 23 скляницы; цѣна 5 алтынъ.
- Хмѣлю 11 четвертей; цѣна 4 руб. 6 алт.
- Хрещу 2515 аршинъ.
- Всѣ эти товары помѣщались въ одной бударѣ, что можеть
дать въкоторое понятіе о размѣрахъ бударь того времени; впро-
чемъ, объ нихъ будетъ сказано ниже.
- Или, напримѣръ, 29 сентября 1709 г., явилъ въ таможиъ воронежець,
посадской человекъ Дорощей Масалитиновъ въ довской отпускъ, въ бударѣ,
занасу и товару:
- 800 кульковъ пшеничной муки—по 10 алтынъ.
- 160 мещерокъ аржепой муки — по 10 "
- 200 кулей гороху — — — по 2 гривны.
- 60 кульковъ пшена — — по 10 алтынъ.
- 53 кулька гречныхъ крупъ — по 2 гривны.
- 40 " " муки — по 10 алтынъ.
- 400 мещерокъ овса — — — по 2 гривны.
- 3000 аршинъ холста хрещу по полтара рубля за сто.
- Въ той же бударѣ товаръ Меркула Масалитинова:
- 200 рогожъ цыновакъ -- 12 рублевъ.
- 100 пудъ нити—90 рублевъ.
- 600 аршинъ холста хрещу по полтара рубля за сто.
- 3 куля хмелю въсу 3 пуда—60 алтынъ.

9 мещерокъ солоду арженого — по 10 алтынъ.

Всего на 690 руб. 3 алт. 2 д.

Зимнею порою отправки бывали въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, отпущено было воронежцами сухимъ путемъ, 30 ноября того же 1709 г., Е. Сияицынымъ — въ Симбирскъ: 25 кумачей красныхъ, плохихъ, толстыхъ — 15 р. М. Сахаровымъ — въ Москву: 2100 кожъ говьяжихъ Д. Климовымъ — въ Орелъ: 180 осетровъ коренныхъ — 54 р. Имъ же, въ Волховъ: 180 осетровъ коренныхъ — 54 р. Имъ же въ Бѣлевъ: 180 осетровъ коренныхъ — 54 р. Силой Русиновымъ — въ Шую: 500 кожъ яловочныхъ, — 200 руб. К. Харинимъ въ Москву: 850 кожъ яловочныхъ, 275 кожъ опойковъ, 190 зайчиныхъ чалыхъ. П. Ключковымъ въ Москву: 100 пудъ сала говьяжяго, 880 кожъ яловочныхъ, 100 опойковъ, 2 медвѣдни. С. Сахаровымъ — 1350 кожъ яловочныхъ, 30 опойковъ, 1320 зайчиныхъ-русаконъ. П. Ключковымъ, въ Москву: 220 пудъ сала говьяжя, 100 телятинныхъ кожъ, 2 лосины, 70 сайгачиныхъ. С. Колесниковымъ къ Москвѣ. 1485 кожъ яловочныхъ, 52 телятины, 33 сайгачины, медвѣдня и т. д.

Отправки на Довъ товаровъ случались также и зимою, по, повидимому, не часто. Такъ было отправлено 31 декабря того же года, М. Тулиновымъ въ Донскіе городки, на 6 подводахъ: 95 сапогъ Касимовскихъ, цѣна 24 р. съ полтиною, 6160 аршинъ холстины льняной — 184 р. и 8 гривень. 3500 аршинъ хрену — 57 руб. 13 юфтятокъ телятинныхъ и коневыхъ малыхъ — 13 руб., 350 аршинъ пестреди сандальной — 130 руб. съ полтиною, 120 аршинъ сукна сермяжнаго — 7 руб. 2 гривны, 830 аршинъ крашенны ровной — 24 р. 30 алт. 6 ден., шапки съ черною овчинкою да мелочнаго товару на 7 руб. на 30 алт. Всего по цѣнѣ на 337 руб.

Въ Острогжской промышленности рыба играла первенствующую роль; количество рыбы, продававшейся ежегодно въ Острогжскѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, легко могло бы показаться въ наше время певѣроятнымъ, если бы объ этомъ не свидѣтельствовали сохранившіеся таможенныя книги. Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ изъ таможенной книги 1710 года:

2-го января, сурженецъ Герас. Тютюниченко купилъ за 13 рублей 40 осетровъ коренныхъ, по 2 руб. за десятокъ, я. 5000 сухой тарани, по 1 руб. за 1000.

Старосколецъ М. Измайловъ продалъ 45 лисицъ, по 7 р. за десятокъ, 1000 зайчиныхъ бѣлыхъ и сѣрыхъ за 25 руб., 30 волковъ, по 7 р. десятокъ.

6-го января Острогжской казакъ И. Филимоновъ продалъ 31 *возз* свѣжей рыбы за 46 руб. и 25 *возовъ* плотвы за 27 руб.

Казакомъ Е. Ивановымъ продано 6 *бочекъ* рыбы *корамону*, по 2 р. съ полтиною за бочку.

19 генваря купилъ житель села Вуда, Глуховскаго уѣзда, Марчихинъ 25,000 тарани сухой, по 30 алт. за тысячу; 10 пудъ якры зернистой, по 20 алт. за пудъ; 90 сазановъ вялыхъ (вяленыхъ) за 6 руб.

Тогожъ уѣзда, с. Ивановскаго житель, И. Степановъ купилъ 25,000 тарани сухой, по 30 алт. за 1000; *возз* рыбы *синги* свѣжей — 40 алтынъ и бочку плотвы за 1 р.

21-го января купилъ бѣлевецъ А. Атражей: 3 воза свѣжей рыбы щукъ, лещей, карасей за 7 руб. съ полтиною; 2 бочки рыбы *карамону* щукъ, цѣною бочка по 2 р. по 10 алт.; 2 бочки саливъ, цѣна 4 р., 4 бочки плотвы, — 4 руб. и 8 гривенъ, вадка окуней, цѣна 10 алтынъ, двѣ бочки икры, цѣною бочка по 7 р.; возъ стерлядей свѣжихъ, цѣною 4 р. 20 алт.

Бѣлевецъ С. Девулинъ купилъ 58 возовъ рыбы свѣжей всякой, по 2 р. по 20 алт. за возъ, 5 бочекъ рыбы *карамону* всякой, цѣною бочка по 2 р., вадка рыбы *карамону* — плотвы, цѣною рубль.

Января 28 продано мѣстнымъ жителямъ Алитовымъ 1000 сомовъ вялыхъ за 40 руб., а донскимъ казакомъ, Григорьевской станицы, М. Кирилловымъ продано 3300 стерлядей свѣжихъ, цѣною за 1000 по 8 р.; прибыль объявилъ 6 р. 20 алт.

Одоевецъ Т. Тарковъ купилъ 4 воза свѣжей рыбы всякой, по 3 руб. за возъ, 3 воза стерлядей и карасей, 90 бѣлугъ коренныхъ по 1 р., бочку икры зернистой, вѣсомъ 10 пудъ, цѣною пудъ по 20 алт.; 10 *омоховъ* сомовыхъ, цѣною 1½ руб., 200 осетровъ коренныхъ, цѣною 72 руб., 10 возовъ свѣжей рыбы *ласкирю*, цѣною 1½ рубля возъ.

Орлянинъ Кир. Грибачевъ купилъ 12,000 стерлядей коренныхъ по 40 алтынъ за 100, рыбы бѣлужины звеной 150 пуд., цѣною по 20 алт. пудъ, 3000 *сулы* вялой, по 26 алт. за сотню и 30,000 чебаковъ вялыхъ, по 4 руб. за тысячу.

Приведенныя цифры объясняютъ лишь размѣры мелкой торговли, а вотъ нѣсколько примѣровъ болѣе крупныхъ сдѣлокъ.

1-го сентября отправилъ острогожщанинъ Кондрать Долгополовъ на бударь въ донской отпускъ проданной имъ рыбы: 2000 сомовъ сухихъ, проданы по 20 руб. за тысячу, 100,000 тарани сухой, по 20 алт. тысяча, 10,000 щуки и 10,000 сулы сухой по 5 руб. за тысячу, 100,000 чебаковъ сухихъ — по 2 руб. и 1200 сазановъ вялыхъ по 1½ руб.

Житель города Сѣвска Д. Халзинъ отправилъ въ донской отпускъ купленную имъ рыбы 3000 сомовъ сухихъ, 280,000 тарани сухой по вышеуказанной цѣнѣ и 60 пудъ икры зернистой, по 20 алтынъ за пудъ, и т. д.

Продажа скота и продуктовъ скотоводства была сравнительно незначительная вѣроятно потому, что помѣщики вели торговлю съ Дономъ или у себя въ помѣстьяхъ, или же непосредственно съ козачьями городками, на своихъ бударахъ, но во всякомъ случаѣ, минуя городовъ и городскихъ таможенъ. На подобныхъ судахъ весь экипажъ состоялъ изъ крѣпостныхъ людей помѣщика. Почему на городскіе рынки, понадало лишь незначительное сравнительно количество продажнаго скота или продуктовъ скотоводства, необходимое для мѣстнаго потребленія. Напримѣръ:

21-го августа продалъ казакъ Я. Ивановъ пригонной скотины рогатой, 35, овецъ старыхъ и молодыхъ 50, цѣною крупный скотъ по 1 р., а овцы по 2 гривны. Цѣна такъ дешево скотъ, воронежцы однако дорого цѣнили продукты скотоводства. Такъ 1 пудъ свиного сала стоилъ 1 рубль, а пудъ коровьяго масла — отъ 30 алтынъ и до 1 руб., очевидно, что воронежцы не испытывали нужды, если такъ дорого оцѣнивали свой трудъ.

Конскіе хвосты употреблялись, какъ выше было упомянуто, частью на выдѣлку подошвъ, частью же на приготовленіе ситъ, цѣдѣлокъ и разныхъ предметовъ украшеній; люди состоятельные набивали ими туфляки, кресла и диваны. Въ Острогожскѣ хвосты продавались *хитлами*; за кипу платили по 3 руб. 33 алт. и 2 д. Кожа продавалась яловочныя — по 40 р. за сотню, козлиныя — по 8½ р. за сотню, телячьи — по 3 руб. за сотню. Юфтяная кожа черная, за юфть по 1½ руб.; сафьянъ — по 1 руб.; юфтяныя хозы подошвенныя — по 20 р. за сотню. Сапоги говяжьи мужскіе — по 25 руб. за сотню; высшаго качества сапоги русскіе и черкесскіе, по 30 р. за сотню; галицы барановыя и жеребковыя — по 2 руб. и 12 алт. за сотню. За десятокъ овчинъ платили по 8 гривель; за сотню рувъ волны овечьей 5 р. 6 алт. 4 ден. Сотня овчинъ мерлужатыхъ — 5 р. За 100 сурковъ — 1 р.; лисица да куница за десятокъ по 8 р.; недолиски — по 5 руб. десятокъ; десятокъ волковъ — по 7 руб.; десятокъ волковъ — осеншинъ — 5 р. Сотня хорьковъ — 1 р.; десятокъ медвѣдней — 9 руб.; сотня хорсовъ — 3 руб. Сто паръ лисьихъ лапъ — отъ 4 р. до 4½ р.

Продажа звѣринныхъ шкуръ производилась преимущественно въ Валуйкахъ.

Вобровые ожерелья продавались по 30 р. за сотню, но они очевидно были привозные, а не мѣстного происхожденія; 1000 зайчичъ — 54 р.; 1000 бѣлокъ — 5 р.; десятокъ тулуцовъ бѣлыхъ мерлужатыхъ — 5 р. Сукна продавались по слѣдующимъ цѣнамъ: сукно сермяжное — за 100 аршинъ 4 р.; аба — за 100 штукъ 100 руб.; суконце манатейное — за 10 аршинъ 2 р.; шиптухъ — за 100 арш. 18 р.; сукно коруновое — по 16 р. за половинку; шпанское — по 1 р. аршинъ. Полотно Битюцкое цѣною 3 рубля за *бунтъ*.

Прочіе предметы, употреблявшіеся какъ въ хозяйствѣ, такъ и для разныхъ производствъ, продавались: гвоздики за фунтъ 1½ р., корица — 1 р. 16 алт., перецъ за пудъ 8 р., ладанъ за пудъ 9 р., квасцы пудъ 2 р., стали пудъ 3 р. Бѣлое листовое желѣзо за 100 листовъ 4 р., сѣра за фунтъ алтынъ; свинецъ за пудъ 20 алтынъ; огнестрѣльный порохъ за пудъ 5 р., тростниковаго сахару головного за пудъ 6 р., сандалъ за пудъ 1½ р., золото за полъ литры — 7 р. 6 алт. 4 ден., краска брусковая за пудъ 60 р., за 100 аршинъ холста — хришу — 9 руб., крашенна выбойчатая хришевая за 100 арш. 2½ р., крашенна красочная — 3 р. Сто сковородъ 10 руб., 100 сѣтей 30 руб., сто хомутичъ обшвтыхъ — 5 р., сто сѣделокъ лошадиныхъ — 5 р., сто нагалищъ пищальныхъ — 8 руб., сто черезовъ — 2 руб., вуль кремня — полтина. За 10000 гвоздей скобныхъ — 2½ р., за 6000 добочныхъ 40 алтынъ, сто косъ сѣвкосныхъ — 30 р.; котлы: бражной желѣзной — 1½ р., ивоваренной — 1 р. 6 алтынъ 3 ден., путной — 8 алт. 2 ден., сковороды блинныя за 100 — 10 р., сто топоровъ дровосѣчныхъ — 26 р., сто ножей — 2 руб. Огородныя, садовыя и лѣсныя овощи и плоды продавались: чеснокъ за 100,000 — 20 р., арбузы за сотню — полтина, яблоки, по 3 алтына и 2 деньги за *мѣхъ*, лѣсныя орѣхи, по 1 рублю по 10 алтынъ за четь.

Соль употреблялась трехъ сортовъ: *Маноцкая*, *Торская* и *Бахмутская*. Первая продавалась по 6 алтынъ по 4 деньги за пудъ, вторая — по два рубля за бочку (въ 10 пудовъ) а третья — по два рубля съ полтиною

за бочку. Маноцкая — ниспій сортъ употреблялась для соленія рыбы и сала въ прокъ, а также для овецъ; Торская, называвшаяся бузуномъ, считалась среднимъ сортомъ, Бахмутскую же употребляли болѣе зажиточные люди. Дѣготъ продавался бочками, мѣрою каждая по шести ведеръ; такая бочка съ дегтемъ продавалась какъ въ Воронежѣ, такъ и въ Острогжскѣ, по 8 гривенъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о стоимости провоза, о цѣнности снаряжавшихся бударь и во что обходилось воронежцамъ славить подобную будару на югъ въ казачьи городки и обратно.

Еще Петръ I, въ виду упорядоченія способовъ взиманія и увеличенія государственныхъ доходовъ, очень интересовался этимъ вопросомъ. Было извѣстно, что сельско-хозяйственная промышленность представляетъ собою почти всю торговлю придонскаго края; далѣе, что промышленники, ведя очень прибыльную торговлю, богатѣютъ однако не отъ большихъ прибылей на продаваемые товары, не превышающихъ за нѣкоторыми исключеніями 10 — 15%, но главнымъ образомъ отъ того, что имъ удается сдѣлать 4—5 торговыхъ оборотовъ въ теченіи года и такимъ образомъ они наживаютъ по 4 гривны и до 20 алтынъ на рубль въ теченіи года. Чтобы имѣть возможность болѣе правильно распредѣлять новые налоги, царю необходимо было еще собрать свѣдѣнія, во что промышленнымъ людямъ обходится постройка и снаряженіе въ путь и обратно будары вмѣстѣ съ гребцами. Подобный запросъ былъ имъ сдѣланъ воронежской земской избой бурмистрамъ 20 октября 1703 г., и вотъ что они отвѣтили на это „Намъ велѣно въ Приказъ Адмиралтейскихъ Дѣлъ подать письмо: у кого бывають въ Черкасскомъ торговые промыслы и для того строятъ будары, по чему тѣ будары на ходу со всѣми припасы и снастями цѣною ставятся и кормшиковъ и гребцовъ по сколку человѣкъ на бударѣ бывають и въ ходъ до Черкасского, по сколку человѣку за работу денегъ и запасовъ дается?

И по справкѣ въ Воронежской земской избѣ съ воронежцы, посадскими людьми, которые будары строятъ для вышенисаныхъ промысловъ, воронежцомъ посадскимъ людямъ такіа будары съ принадлежащими припасы и съ снастями на ходу ставятся рублевъ по шестьдесятъ и по семидесятъ и по осмидесятъ. А на тѣ будары съ Воронежа до Черкасского нанимають въ кормшики рубля по четыре и по пяти человѣка, а гребцовъ по полтора и по два рубля съ полтиною человѣка, а на кормъ тѣмъ людямъ исходить съ Воронежа до Черкасского запасу рублевъ по шесть и на восемь и на десять и на двѣнадцать рублевъ на будару. А которыхъ такихъ работныхъ людей нанимають на такіа жъ будары съ Воронежа до Черкасского назадъ до Воронежа, и тѣмъ даютъ кормшикамъ рублевъ по осьми и по девяти и по десяти рублевъ человѣку, а гребцомъ рубли по три и по четыре и по четыре съ полтиною и по пяти рублевъ человѣку. А запасовъ тѣмъ гребцомъ исходить на кормъ рублевъ на двадцать и на двадцать на пять и на тридцать рублевъ на будару. А на бударѣ бывають кормшиковъ по одному человѣку, гребцовъ съ Воронежа до Черкасского по шти и по семи и по осьми человѣкъ на бударѣ, а отъ Черкасского до Воронежа — по двѣнадцати и по тринадцати и по четырнадцати и по пятнадцати и по шестнадцати человѣкъ на бударѣ“.

Съ тѣхъ поръ прошло около восьмидесяти лѣтъ. Самъ по себѣ богатоодаренный природою, юный Воронежскій край, благодаря заботамъ о его благоденствіи великаго монарха, вскорѣ сдѣлался одною изъ богатѣйшихъ житницъ Россіи, снабжавшей хлѣбомъ не только сѣверъ, но и югъ; послѣдній преимущественно, благодаря своей „водяной коммуникаціи“. Но за эти восемьдесятъ лѣтъ, вслѣдствіе усиленнаго лѣсоистребленія и увеличенія народонаселенія, процентное отношеніе между угодьями въ прошломъ столѣтіи уже значительно измѣняется: пашни оказывается—въ круглыхъ цифрахъ, 3.000.000; луговъ 2.400.000, а лѣсовъ около 600.000 десятинъ, при числѣ жителей 800.000 душъ, что составляетъ на душу пашни $3\frac{3}{4}$ десят., луговъ 3 десят. и лѣса $\frac{3}{4}$ десят., тогда какъ изъ 6.000.000 десятинъ всей площади ея въ 17 лѣтѣ приходилось, приблизительно: пашни 1.000.000 десят.; луговъ и лѣсовъ—по 2.500.000 десятинъ, при населеніи, едва превышавшемъ 100.000 душъ, или 17.766 дворовъ, такъ что на душу приходилось около 10 дес. пашни и по 25 десят. луга и лѣса. Въ Воронежской губерніи вслѣдствіе этого хлѣбонашество начало преобладать надо всеми другими отраслями сельскаго хозяйства. Въ 1783 году управительству вторично понадобились свѣдѣнія о цѣнности рѣчныхъ судовъ и стоимости снлага.

Сравненіе отвѣта воронежскаго магистрата въ 1783 г. съ тѣмъ, который былъ имъ данъ восемьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ, настолько интересенъ, что приводимъ его цѣликомъ:

„Воронежскому намѣстническому правленію потребны съ воронежскаго городского магистрата свѣдѣнія: 1) Будары, на коихъ отъ здѣшнихъ купцовъ отправляется водяною коммуникаціою хлѣбъ, какой пропорціи и въ какую цѣну готовыя и гдѣ именно покупаются? 2) Ежели здѣсь строятся, то лѣсъ и все принадлежащее къ тому матеріалы откуда и по какимъ цѣнамъ получаютъ? 3) Канаты разной толщины и смолу на канаты и на будары откуда и по какимъ цѣнамъ получить можно удобнѣе? 4) Буде можно, показать, во что точно стать могутъ постройкой на мѣстѣ будары, одна длиною 21 аршинъ, а шириною 9, другая длиною 15 арш., а шириною 7 арш., то объ ономъ, подписавъ на семь, возвратитъ къ просителю сего числа. Марта 31, 1783 года.

Воронежскій магистратъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

По сему запросу, по освѣдомленію съ имѣющими промыселъ въ снлавѣ съ хлѣбомъ будары, оказалось: на строеніе оныхъ лѣсъ, сосновый *топорный*, получаемъ бываетъ Тамбовскаго намѣстничества изъ г. Моршанска, а *пильной*—съ Волги.

Какковыя будары строятся въ Воронежѣ мѣрою въ длину отъ сорока восьми до пятидесяти пяти, шириною отъ десяти до двѣнадцати, вышиною два съ половиною аршина, цѣною становятся отъ 350 до 450 руб.

На оныя покупаются потребныя матеріалы въ Воронежѣ, желѣзныя гвозди разныхъ сортовъ, привозятъ оныя изъ г. Касимова, по одному рублю по десяти коп. пудъ.

Мачалы на конопатку оныхъ привозятся Тамбовскаго намѣстничества изъ села Чирикова, по 25 коп. пудъ. Смолы на оныя здѣсь не употреляется.

Готовыя будары покупаютъ въ крѣпости Св. Дмитрій и, разбивъ овны, на будары жъ, вывозятъ въ Воронежъ, гдѣ и собираются въ вышесписанную мѣру; цѣною овны обходятся по 300 руб.

Потребныя къ овнамъ канаты и веревки привозятъ изъ орловскаго намѣстничества и отъ разныхъ мѣстъ въ Воронежъ.

Покупаютъ цѣною за пудъ несмоленные: толстыя — по одному рублю по двадцати коп. за пудъ, тонкій восемьдесятъ коп. пудъ.

Смоленные толстыя канаты получаютъ воронежскаго намѣстничества въ г. Павловскѣ, съ завода, по 2 руб. пудъ. На каждую будару нужно по 25 пуд.

Показанныя же малой той мѣры изъ сосноваго лѣсу здѣсь не дѣлаются.⁴

Читатель видитъ, что эпоха Петра миновала: воронежцы выписываютъ многое изъ того, что ранѣе приготовлялось воронежскими заводами. Тѣмъ не менѣе, мѣстная сельско-хозяйственная промышленность находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Благосостояніе мѣстныхъ жителей бросалось въ глаза. Простые казаки и посадскіе люди одѣвали своихъ женъ и дочерей въ шелкъ и бархатъ, украшали ихъ жемчугомъ. Что же сказать о мѣстныхъ помѣщикахъ, дворянахъ? До середины прошлаго вѣка они не только не ѣздили за границу, но даже неохотно на время покидали свои имѣнія, и то — ради государственной службы. Опытные и трудолюбивые хозяева, при необычайно плодородности земли, они наживали громады, по тому времени, состоянія. Вѣдя скромную жизнь у себя дома, они, появляясь въ свѣтъ, однако любили блеснуть своимъ богатствомъ. Такъ наприимѣръ, когда мѣстному помѣщику Антону Лаврентьевичу Веневитинову служившему въ Азовѣ, было поручено лѣтомъ 1711 г. вѣдать на Битюгѣ десятинную пашню, то сынъ его Фаддей Антоновичъ билъ челомъ объ отпускѣ въ Азовъ особую будару для взятія отца его дворовыхъ людей и домовою рухляды. Какъ многочисленна должна была быть эта дворня, видно изъ того, что только на прокормленіе ея въ пути Ф. А. Веневитиновъ отправилъ хлѣбныхъ запасовъ 100 четвертей ржаной муки и отдѣльно 50 мешерокъ этой же муки, 50 кульковъ пшеничвоу муки, 100 кульковъ гречневыхъ крупъ, 60 кульковъ гречицовой муки, 48 кульковъ ишена и пр., и этотъ значительный запасъ Ф. А. назвалъ въ своей челобитной „небольшой хлѣбъ“.

Закончимъ нашъ очеркъ сельско-хозяйственной промышленности краткимъ обзоромъ запаса практическихъ свѣдѣній, коими еще въ глубокую старину обладали воронежцы какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ равно и въ тѣсно связанныхъ съ ней медицинѣ и ветеринаріи.

Изучая исторію Воронежскаго края въ этомъ отношеніи, мы наталкиваемся на поразительные факты. Многое, что казалось намъ открытымъ лишь въ текущемъ столѣтіи, или въ крайнемъ случаѣ въ самомъ концѣ прошлаго, оказывается давнымъ-давно извѣстнымъ Воронежцамъ. Даже такія животрепещущія новости, какъ открытіе сдѣланное въ 1882 г. Пастеромъ, Рено и Ланделонгомъ, что зараза собачьяго бѣшенства заключается въ слювѣ — было торжественно подтверждено воронежскими домогосподними эскулапами предъ воронежскимъ намѣстникомъ за сто лѣтъ до открытія, сдѣланнаго фран-

цусскими знаменитостями¹⁾. Воронежцы отличались замѣчательно вѣрнымъ пониманіемъ характера заразныхъ болѣзней; не сомнѣвались, что они причиняются особыми специфическими ядами, изъ коихъ одни заносятся воздухомъ, *по-вѣтру* (морозное повѣтріе) и уничтожаются дѣйствіемъ высокой температуры („черезъ огонь“) или обеззараживающихъ средствъ; знали они, что послѣднія легче всего добыть какъ продукты окисленія и перегонки дѣрева (дымъ, уголь, дѣготъ, древесный уксусъ.) Повнимали важность изоляціи зараженныхъ больныхъ и еще въ XVII в. спѣшили отдѣлать заболѣвавшихъ людей и животныхъ отъ здоровыхъ; ставили заставы крѣпкія, т. е. устраивали карантинны, ничѣмъ не отличавшіяся отъ современныхъ. Лѣчили сифилисъ азотнокислою закисью ртути, которую сами приготавливали, растворяя ртуть въ азотной кислотѣ, а послѣднюю сами добывали изъ мѣстной селитры. Такимъ образомъ и леченіе сифилиса ртутными препаратами, и самыя препараты эти были извѣстны воронежцамъ по меньшей мѣрѣ, лѣтъ за сто до Ганнемана, Фанъ-Свигтена и другихъ *открывателей*. Знали также воронежцы, что нѣкоторыя яды могутъ быть съ успѣхомъ привиты и прививали оспу дѣтямъ, опять таки не жепѣ, чѣмъ за сто лѣтъ до *знаменитаго* Эдуарда Дженнера. Мастерски справлялись съ страшною въ наше время водобоязней, простымъ прокалываніемъ прыщиковъ („Зиньски щинята“, какъ ихъ называли по мѣстному, въ Острогжскѣ) и выполаскиваніемъ рта; съ большимъ успѣхомъ лѣчили сибирскую язву и однородныя съ нею эпидемическія болѣзни табачнымъ настоємъ, вылѣчивали самыя упорныя лихорадки подсолнухомъ и т. д. Имѣли прекрасное понятіе объ огнеупорномъ матеріалѣ и еще въ срединѣ прошлаго столѣтія покрывали сельскія постройки глино-соломенными крышами; удабривали тощія почвы навозомъ и костями; истребляли саранчу, не давъ ей открыться.

Вѣдми почти позваніями этими Воронежскій край обязанъ Острогжскимъ черкасамъ.

Въ особенности народная медицина находилась въ XVI и XVII в. в. у Малоросовъ въ несомнѣнно болѣе цвѣтущемъ состояніи, нежели у какого бы то ни было другаго европейскаго народа. Причиной тому полагать можно то, что Малороссы всегда отличались, какъ способностями, такъ главнымъ образомъ любознательностью. Отправляясь *громить* крымскій улусъ, турецкій или польскій городъ, малороссы никогда не упустили случая завладѣть мѣстными произведеніями человѣческаго ума: фоліантами, книгами, предметами искусствъ, картинами и математическими инструментами.²⁾ Безпрестанно сталкиваясь съ западною и восточною культурою, умъ малоросса постепенно

¹⁾ О лѣченіи водобоязни и вообще о народной medicinѣ см. статьи мои въ „Медицинск. Бесѣдѣ“ за 1888—90 г.

²⁾ Во время войны съ Польшею, въ срединѣ XV столѣтія, наши ратные люди вывели оттуда великое множество книгъ и рукописей, которыя сиустя пятнадцать лѣтъ, Польша, воспользовавшись ослабленіемъ Россіи Разинской смуты, энергично потребовала обратно. Въ силу состоявшагося договора съ Холмскимъ воеводою Яномъ Глинскимъ, Царь Алексій Михайловичъ въ 1672 г. указалъ Бѣлгородскому воеводѣ, кн. Ромадновскому, учинить заказъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобы польскія и латинскія книги и всякія письма, которыя во время войны въ Польскихъ городахъ Великаго Государя ратные люди поймали, у себя никуда въ домѣхъ въ тая и явно не держали а передавали бы Воронежскому воеводѣ для отправленія ихъ въ Смоленскъ. (См. собр. нами Матер. по исторіи Вор и сосѣд. губ. стр. 277, т. I).

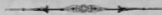
развивался на счет той и другой; и этому обстоятельству, повидимому, нельзя не приписать и столь ранне возникновение Киевской академіи, сравнительно съ другими высшими школами тогдашняго славянскаго міра. Почти поголовная грамотность, не исключая женщинъ, любовь къ поэзи и музыкѣ были отличительною ихъ чертою, но особенно высокаго развитія, достигла у нихъ народная медицина, перенесенная въ Воронежскую губернію Малороссами, при переселеніи ихъ съ береговъ Днѣпра на Донъ. ¹⁾

Въ заключеніи нашего очерка укажемъ еще на одну особенность мѣстнаго сельскаго хозяйства, насколько намъ извѣстно, не имѣющая себѣ приѣра ни въ одной изъ остальныхъ губерній за прошлое столѣтіе, это—культура *картофеля*, занесенная сюда нѣмецкими колонистами, переселенными, на Тихую Сосну Императрицею Екатериною II въ 1766 г. и основавшими здѣсь двѣ колоніи: на Соснѣ—Сусендорфъ, а на р. Рыбной—Рыбендорфъ. Картофель сначала туго прививался къ мѣстному сельскому хозяйству,—его избѣгали, но когда колонисты начали его продавать по дешевой цѣнѣ на городскихъ рынкахъ, картофель вошелъ въ употребленіе, на первый разъ у мѣстныхъ дворянъ. Названія „картофель“ здѣсь не знали, а называли его *землянымъ яблокомъ*.

Таково было состояніе сельско-хозяйственной промышленности Воронежской губерніи, въ которомъ засталъ ее указъ Императрицы мѣстному губернатору—уговорить мѣстныхъ *коммерсантовъ* учредить акціонерное общество и построить торговый флотъ.

Л. Вейнбергъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ВЪПУСКА.

¹⁾ См. „Ист. оч. санит. сост. Ворон. губ.“ втора, стр. 23.

А Ф Т О П И С Ъ

Сельско-хозяйственной и заводской промышленности придонского края.

(Составлена преимущественно по местным архивным документам).

Годы отъ
Рожд. Хр.

1389. Митрополитъ Пименъ проѣзжалъ р. Дономъ въ Царьградъ:

„Висть же сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничто же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію жъ пусто жъ все и не населено: нигдѣ бо видѣти челоуѣка, точію пустыня велія и явѣріе множество“... (Ник. Лѣт. IV, 159).

1476. Венеціанскій посолъ Контарини и Московскій посланецъ Марко Руфъ, на возвратномъ пути изъ Персіи въ Москву, проѣзжали чрезъ пустынные Донскія и Воронежскія степи, гдѣ не видали ничего, кромѣ пѣса и земля, не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты при переправахъ черезъ рѣки, и восхваляли милость Божію, когда достигли до Рязанскій области. Карамз. Ист. Гос. Рос., V, примѣч. 354).

1499. Великій князь посылалъ дьяка Голохвастова къ султану

Баязиту посломъ; сопровождавшіе его въ Танау (Азовъ) многіе купцы грузили свои товары на барки у *Камениаго Коя*, на р. Красной Мечѣ, владающей ниже г. Лебедяни съ правой стороны въ Донъ (Штукенбергъ. Нудгоу. d. Rus. Reich. Bd. III. S. 178, 179 или Рос. Мерк. годъ III, стр. 285.)

1501. Анна Васильевна, Великая княгиня Рязанская, пожаловала

Ермола Стерлегова вотчиною на Пониковцѣ, на старомъ Анавинскомъ городищѣ. (Вор. акты, нами изд., вып. XV).

1514. Первый посолъ Турецкій, князь Мавгуицкій Феодоритъ

Камаль, отправленный въ Москву вѣстѣ съ бывшимъ въ Царьградѣ посломъ дворяниномъ Алексѣевичемъ, проѣзжали изъ Азова

въ Москву, терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ, лишались всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, (г. Рязка) гдѣ ждали ихъ люди, высланные къ нимъ отъ великаго князя. (Ист. Гос. Рос. VII, 38).

1571.

Въ октябрѣ, по государеву указу, кн. Воротынской съ товарищи приговорили жечь степь, осенью, по заморозкѣ, въ октябрѣ или ноябрѣ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, сѣговъ не дожидаясь, въ недренную и сухую пору, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону. Станицамъ для зажженія степи выѣзжать изъ Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Крапивны, Новосила, Миенска, Орла, Рыльска и Путивля, жечь на пространство степи отъ верховьевъ Вороны до Дѣпра и Десны. (Чтенія Моск. Ист. Об. № 4, ст. Вѣяева).

1585.

Въ Рязанскихъ въ писцовыхъ книгахъ Михайла Пушкина съ товарищи 93 году написано: Рязанского уѣзду села Ворыщъ за бортики Демки Айдарова сына Панина да Игнатки Ивютина сына Кочанина да Ивашки Олексѣева сына Лярилонова, за ними на оброкъ бортовыхъ ухожеевъ да рыбныхъ ловель: Ивашко Олексѣевъ сынъ Милкинъ, Оехоска Ооонасьевъ сынъ Каргинъ ходятъ лѣсъ бортовой на Воронежѣ, Радчинской ухोजей да Сѣкинской два знамени, знамя крестъ косой на верху двѣ рубежа да знамя крестъ косой же, въ споди рубежъ, на верху рубежъ же; оброку съ тѣхъ знаменъ пять пудъ меду.

Демка да Гришка Ооонасьевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ сынъ Степанова ходятъ лѣсъ бортовой на рѣкѣ на Устьмани, знамя соха внизъ, на правой сторонѣ два рубежа; оброку два пуда меду.

Игнатко Ивютинъ сынъ Полянскій ходятъ лѣсъ бортовой ухोजей въ Хамѣхъ Капановской; знамя соха въ сохѣ, промежи дву рубежевъ; оброку четыре пуда меду.

Демка же да Гришка Ооонасьевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ ходятъ лѣсъ бортовой на Устьмани, Брудастной ухожей, на рѣкѣ на Хавѣ; знамя курья нога съ отинкомъ, оброку три пуда меду. Ивашко Милкинъ да Ивашко Корыгинъ ловятъ въ рѣкѣ въ Воронежѣ тою Радчинскую съ устья рѣки Усмани, что впала въ Воронежъ до озера Затепного; оброку 30 алтынъ безъ гривны.

Демка Айдаровъ ловитъ тою въ рѣкѣ въ Усмани жъ да въ Хавѣ; оброку рубль.

Игнатко Ивютинъ сынъ Кочанинъ ловятъ тою Домажировъ, да рѣчку протокъ верхней узголовьи да по нижней, отъ Чертовницкой поляны на нязъ по Воронежю по Черкасской бродъ; оброку двѣ гривны.

Оялатко Тимофеевъ да племянникъ его Оедька Карловъ

сынъ Лукьяновъ ходять лѣсъ бортной ухожей на Усмани, знами соха въ сохѣ, подѣ изподомъ рубежъ; оброку полтретья пуда меду.

Да тотъ же Филатко ловить тою въ рѣкѣ въ Усмани отъ рѣки отъ Воронежа съ Усмани оба берега Верганевымъ большихъ плесъ по притоки; оброку полтина.

Въ 93-мъ году били челомъ государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии Резанского уѣзду, села Ворыщъ, бортники Демка Айдаровъ сынъ Панинъ да Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ да Ивашко Олексѣевъ сынъ Дарвионовъ, а сказали: *были* де за ними на оброкѣ въ Резанскомъ уѣздѣ бортные ухожи и рыбные ловли и тѣ де ихъ бортные ухожи и рыбные ловли *отписаны къ новому городу, къ Воронежу*, и тѣми ихъ угоды Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впередъ де имъ оброку добывать негдѣ, а нынѣ на нихъ того оброку правять. (Прик. дѣл. ст. лѣтъ, св. 2, № 1).

1594.

„А хлѣбъ, государь, на Воронежѣ дорогъ: четверть ржи купили по 20 алтынъ з гривною и вполтретьятцать алтынъ, и дворовъ, государь, ставить не чимъ: нужны и голодны . . . , а въ твоихъ государевыхъ житницахъ на Воронежѣ твой государевъ хлѣбъ, рожъ и овесъ и всякой запасъ, есть...“ (Изъ отписки казачьяго сотника Фролова. Ibidem.)

„Приходятъ, государь, ко мнѣ, къ холопу твоему, *старые* откупщики, которые откупали на Воронежи твои государевы воды и лѣса 102-го году, а просятъ у меня, у холопа у твоего, тѣхъ же моихъ ухожьевъ и водъ и лѣсовъ изъ твоего государева оброку на 103 годъ *съ Семени дни*, а у меня у холопа у твоего государева указу о тѣхъ водахъ и лѣсахъ на новой годъ нѣтъ. (Изъ отписки И. Кобякова. Ibidem.)

Августа 29 „ . . . писалъ еси къ намъ, что приходятъ къ тебѣ старые откупщики, которые откупали на Воронежѣ воды и лѣса въ нынѣшнемъ 102-мъ году, а просятъ тѣхъ ухожьевъ, водъ и лѣсовъ на откупъ на 103 годъ, а у тебя о томъ нашего указу нѣтъ, и тыбъ тѣ воды и лѣса отдалъ въ откупъ изъ наддачи, хто будетъ предъ прежнимъ наддастъ. А будетъ болши прежняго откупу не дадутъ, и тыбъ отдалъ прежнимъ откупщикомъ и откупъ на нихъ взялъ по прежнему, а кому на откупъ дашь и что откупу возьмешь, и тыбъ о томъ къ намъ отписалъ, а денегъ бы еси къ Москвѣ не присылалъ до нашего указу. (Изъ грамоты царя Федора Иоанновича Кобякову. Ibidem.)

„ . . . и стрѣльцомъ, государь, обида великая отъ дѣтей боярскихъ и отъ черкассъ . . . стоятъ черкассы въ (у) стрѣльцовъ да *сытятъ медъ* на продажу и пють въ день и

въ. ночи и зервлю играютъ и Иванъ (Кобяковъ), государь, тѣхъ черкассъ отъ поровства не уимаеть “ (Изъ отписки стрѣлцкаго головы Арсеньева. Ibidem).

— „ іюля въ 21 день пришли на Воронежъ ко мнѣ, къ холопу твоему, твои государевы бортники, Рязанскаго уѣзду, села Воринъ, Васька Ерохинъ да Еюмка Зуевъ да Васька Михайловъ да Петрушка Князевъ да твоего государева боярина князя Тимофея Романовича Трубецкаго крестьянинъ села Пустотина Карпъ Матеѣевъ сынъ Поповъ, да твоего государева боярина Ивана Васильевича Годунова крестьянинъ села Поплевина Ивашка Бутиновъ, и подали мнѣ, холопу твоему жалобницу на воронежскихъ казаковъ Борисова приказу Хрущева а сказали: что пріѣзжали тѣ казаки Милованъ Вѣтровъ съ товарищи да Черкашенинъ Иванъ Коштевъ въ ихъ ухожьи и на ихъ станъ разбоемъ и лошади, и платья, и медь и все ихъ животы. статки у нихъ на стану пограбили и ихъ де, государь, били и на пытки мѣтали и Борисъ Хрущовъ на тѣхъ казаковъ и на Черкашенина суда не далъ, а тѣхъ государь казаковъ и Черкашенина Коштева отпустилъ опять по вотчинамъ *добуватца* (наживаться) (Изъ отписки Кобякова. Ibidem.)

— „ мнѣ, холопу твоему, на Черкассъ сказывали, что многіе Черкассы медь ставятъ на продажу, и язъ холопъ твой къ Борису къ Хрущеву посылалъ чтобъ Борисъ Черкассъ отъ воровства унималъ (Борисъ) отказалъ: „Черкассы медь ставятъ съ моего доклада; тебѣ де до Черкассъ дѣла нѣтъ — Черкассы де мнѣ приказаны“ и по вотчинамъ, государь, Борисъ Хрущовъ съ Воронежа Черкассъ отпускаетъ веретъ по 30-ти и по 40.“ (Изъ другой отписки Кобякова. Ibidem.)

— „... Писалъ къ тебѣ, къ государю, Иванъ Кобяковъ на мепя ложно буттося и у своемъ приказа въ козакѣхъ и въ захребетникахъ *бѣглыхъ крестьянъ* не смыскаю, и я холопъ твой у своемъ приказа съ Иваномъ съ Кобяковымъ смыскавалъ и *сыскавъ* бѣглыхъ крестьянъ, дѣтемъ боярскимъ отдавали Да велѣлъ ты, государь, брать *посохи* съ Рязани и съ Рязскаго уѣзду, а на Воронежъ лѣсу возить и города дѣлать 150 человекъ, 100 конныхъ, 50 пѣшихъ а посоха на Воронежъ пришла съ твоимъ государевымъ посланникомъ на сборной недѣли Великаго поста и твой государевъ посланникъ посоху Ив. Кобякову отдалъ всю сполна 150 чел. и Ив. Кобяковъ посоху распустилъ, а лѣсу, государь, посоха на городъ мало возила Да пріѣзжалъ государь на Воронежъ съ твоею государевою грамотою Широкой Муромцевъ для своихъ *бѣглыхъ крестьянъ*, Понкратка Шишлова да Тимошка Мож-

ринова. И Понкратка, государь, Шишловъ на Воронежѣ *старой* казакъ, и отдалъ мнѣ его въ списку служилыми козаки Козарякъ Крюковъ прошлаго 101 году, а Тимошка, государь, Можариновъ написался въ твою государеву службу . . . въ прошломъ 101 году, а сказываютъ, государь, что жили за Широкимъ два года *не на пашни* . . . сказали, что въ ихъ дворахъ за Широкимъ жилицы остались . . . “ (Изъ отписки В. Хрущова. Ibidem.)

— „... Черкасы, стоячи въ стрѣлцкой слободѣ, *корчмы* у себя медвенны держуть . . . у Коптева Гришки меду сыченого пудъ съ пять вынесли . . . “ (изъ отписки Кобякова. Ibid.)

— 27 Сент. „ . . . и тыбъ тѣмъ плотникомъ и которне съ Воронежа не бѣгали далъ для ихъ нужи изъ *Воронежскихъ доходовъ* по полушотинѣ человѣку да на 5 человѣкъ по 2 чети муки да по полусеминѣ круцъ, по полусеминѣ толокна человѣку“ (изъ грамоты царя Ѳедора Иоанновича князю Василью Щетинину. Ibidem.)

— „ . . . Борисъ же, государь, Хрущовъ отпущаетъ тѣхъ козаковъ по твоимъ государевымъ вотчинамъ по бортикамъ . . . и тѣ, государь, козаки и черкасы, ѣздячи по бортичьимъ вотчинамъ, бортниковъ грабать и меду деруть и лошади емлютъ и за тѣми, государь, черкасы и козаки бортники прѣвзжаютъ на Воронежъ бити челомъ (изъ отписки Воронеж. казак. сотниковъ Сыдавнаго Марина съ товарищи. Ibidem.)

— „ и стрѣльцы которыхъ я выбралъ на твою государеву службу подъ Азовъ съ твоимъ государевымъ посланникомъ в Даниломъ Исленьевымъ да съ Турскимъ Чаушомъ, и тѣхъ лучшихъ стрѣльцовъ оставилъ Ив. Кобяковъ, а иналъ у нихъ наймитовъ и на *поля* тѣхъ стрѣльцовъ отпущаетъ Ив. Кобяковъ и на рыбную ловлю и на звѣри ночью и на Русь“ (Изъ отписки стрѣлцкаго головы Арсеньева. Ibidem.)

— „Сотники, государя, Кондрать Жаворонковъ да Сыдавный Маринъ со мною, холопомъ твоимъ, на твоей государевя службѣ на Воронежѣ не живутъ, а живутъ государь *въ себя*, по домашъ *въ деревняхъ*, а съхавъ, государь, . . . съ Воронежа С. Маринъ *у себя въ-деревнѣ* годовалъ и сотникъ, государь, Михайло Спыльный напившиися пьянъ, застрѣлялъ изъ пищали Воронежскаго *торговаго* человѣка Ковшею Подсѣкина и платья, государь, на немъ изъ пищали пробилъ и тѣла занелъ и я писалъ на сотникъ къ государю не однажды, что они на твоей государевѣ службѣ на Воронежѣ не живутъ а живутъ, государь, *въ себя, въ деревни*...“ (Изъ отписки В. Хрущова. Ibidem.)

Сентября 9. „По государеву цареву и В. К. Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу, память дьяку Василью Щелканову: Въ прошломъ во девяносто третемъ году били челомъ государю . . . Ревальскаго уѣзду села Ворницъ бортвики Демка Айдаровъ сынъ Панинъ да Игнатко Ииютинъ сынъ Бочапинъ да Ивашко Алексѣевъ сынъ Ларивоновъ, а сказали: были де за ними на оброкѣ въ Ревальскомъ уѣздѣ бортные ужожи и рыбные ловли и тѣ де ихъ бортные ужожи и рыбные ловли отписаны къ новому городу къ Воронежу и тѣми ихъ угоды Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впередъ де имъ оброку добивати негдѣ, а нынѣ на нихъ того оброку правятъ. . . . и дьяку Василью Щелканову велѣти выписать изъ книгъ: тѣ бортные ужожи и рыбные ловли, которыя въ сей памяти писаны, къ городу къ Воронежу отписаны ли? И будетъ отписаны, и кому онѣ на оброкъ даны ли? И будетъ даны, и что съ нихъ велѣно оброку платить? И на колко верстъ около города Воронежа, Воронежскимъ всякимъ жильцомъ всякихъ угодей дано владѣти и по которыя урочища; да то выпишь прислати ему въ Приказъ Большого Дворца къ боярину и къ дворецкому къ Гр. Вас. Годунову, за своею приписью, для справки медвенныхъ и денежныхъ оброкъ (Ibidem).

Сентября 11. „...Принесъ трубникъ Захаръ Звягинъ всего 16 пудъ съ полупудомъ (меду?) а денегъ 2 рубля 30 алтынъ; сказалъ воронежскій казакъ Рудачко: „дано имъ за половину жалованья ужожаевъ по Воронежу яверхъ верстъ съ 30 по рѣчку Излегощъ, а тѣ ужожи въ томъ мѣстѣ есть рѣчка Усмань, отъ Воронежа верстъ съ десять, а по Дону яверхъ до Кривого Бору, а внизъ до Коросани.“ (Ibidem.)

1604. „А съ 112 г., какъ почеза быть отъ Ростриги смута, и на Ельцѣ съ того межусобья по 124 г. государевы десятинные пашни не пахали за войною и за смутою“. (Опис. Док. и бум. Моск. Арх. М. Ю., кн. 4., стр. 364).

1613. Заруцкій повоевалъ села и вотчины: (Писц. кн. 1615 г.).

1615. „Во 123-мъ году прислана государева грамота на Воронежъ къ воеводѣ ко князю Никитѣ Борятинскому, велѣно тѣ (исѣ откупныя) вотчины вѣдать и отдавать ему князю Никитѣ“ (Писц. кн. В., 614. Арх. Мин. Юст.)

1616. Изъ грамоты царя Михаила Ѳедоровича Ворон. воевод. В. Пронскому и А. Лодыгину: „велено игумену Ѳеодосію съ братією . . . въ руги мѣсто, собирать съ вотчинъ проходную и мытную, приставную и съ рыбы и всякаго звѣря пошлину и перевозъ, буде тѣ пошлины собирають откупщики безъ указа. (Матер. по Ист. Вор. и сосѣд. Губ. т. I., № 8, 1887., над. авт.).

— Въ Ельцѣ въ 124 г., на 100 д. взято ржи 200 чети, ужато 582 копны, а по опыту умолоту 1124 чети съ осьмяною въ московскую мѣру. (Ibidem).

1617. Изъ другой грамоты, по челобитью игумена Феодосѣя: „вельно на ослушникахъ, которые . . . игумену Феодосѣю съ братією пошлннъ имать и платити не учнуть,—имать заповѣди по указу и отдавать игумену съ братіеш.“ (Ibidem).

— Въ 125 г. на (тѣхъ же) 100 д. высѣяно 200 чети ржи; на другихъ 100 д. посѣяно 400 чети овса, ужато 430 копень, а по опыту умолоту 831 четверть съ полусмяною. (Ibidem).

1618. Во 126 г. на тѣхъ же 100 д. вновь высѣяно 400 же четвертей овса. (Ibid).

1619. „Сколько у нихъ на Воронежѣ таможенной голова К. Мартемьяновъ съ товарищи собралъ было насильствомъ . . . пошлнвъ на 127-й годъ, и то вельно игумену Феодосѣю съ братією отдать. (Ibidem.)

— Въ 127 г. Государевой десятиной пашня на 100 десятиныхъ посѣяно 200 чети ржи и на 100 десятиныхъ 300 чети овса. (Ibid).

1620. Изъ грамоты осадному головѣ П. Шишкину: „Игумену Феодосію съ братією на р. Дону вотчиннымъ проходомъ и мытомъ . . . въ руги мѣсто вельно владѣти по прежнимъ грамотамъ. (Ibidem.)

1622. „Середцвой и Битюцкой ухоженъ сданы въ откупъ изъ Разряда за 31 руб.“ (Акты изд. Второвымъ, кн. III, стр. 13).

1623. „Во 131-мъ году, на Воропажѣ, кобакъ и томга даны въ откупъ крестьянину Савинскія слободки, что на Москвѣ, Левкѣ Кострикину на полтора года и на одинадцать день откупу и цѣлой годъ старого, 1035 рублей, 11 алт., 5 денегъ да наддаци 231 рубль. (Мат. по исг. Вор. и сосѣд. губ. Т. I, изд. авт.)

— „Тѣже ухоженъ сданы за 54 р. 18 алт. 4¹/₂ д. (Ibidem.)

— „И во 131-мъ году откупщику Л. Кострикину, противъ его челобитья, дана таможенная уставная грамота съ Курскія Уставная грамоты 128 года, а мытная пошлина написана въ уставную грамоту съ уставные грамоты Коломенской, а собирать вельно мытная пошлины противъ Коломенской . . . (Ibidem.)

1624. „Тѣже ухоженъ сданы за 56 р. 32 алт. 1¹/₂ д. И билъ челомъ прежней откупщикъ Гришка Побѣжимовъ: „онъ де, Гриша, въ томъ ухоее по нашей откупной грамотѣ рыбу ловилъ по прежнему и какъ де онъ, Гриша, вѣхалъ съ рыбоной ловли и тѣ

де казаки (повные откупщики) его били и грабили, а взяли . . . грабежомъ рыбъ: 103 *сазана*, да *щуки* и *лещей* и всякія рыбы 10 возовъ . . . да 25 *кунницъ*, да 25 *лисицъ*. (Ibid.)

— „Во 131-мъ и во 132-мъ году на Воронажъ варила селитру сохитреной мастеръ Матусъ Лазовскій изъ кургановъ; для чего выдано на расходъ изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ 200 рублей, и они (воеводы) прислали къ Москвѣ 49 пудъ и 30 гривенокъ. А какъ онъ, Матусъ, опытъ сварилъ, и онъ сказалъ, что будетъ де варенья изъ тѣхъ курганомъ три яѣта, а селитры часть выварить пудъ съ 500. (Второвъ, кн. I, стр. 127).

1625. „А тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, на чьей хто земли сколько ржи сѣялъ, велѣли дать на землю *стѣмена* по указу (Второвъ, кн. I, стр. 148).

— Грамота Михаила Ѳедоровича о выдѣлѣ на повопожалованное помѣстье *стѣмни* изъ житницъ прежняго помѣщика (Ibidem. 162).

— „а 170 чети овса (на Валуйкѣ) не приняли, что тотъ овесъ худъ и гниль, въ запасы ни пригодитца . . . и какъ къ вамъ ся Наша грамота придетъ, и выѣ къ намъ тотчасъ отписали, какими обычаи и сколь давно таковъ худой овесъ на Воронежѣ за *десятичную пашню* взять и много ли выѣ тако-го худого овса на Воронежѣ въ нашихъ житницахъ? . . .“ (Ibidem. кн. II, стр. 22—23).

— „На Воронажѣ кобакъ и тамга на нынѣшней 133-й годъ въ откупъ, . . . а въ откупной грамотѣ у откупщика написано: . . . велѣно беречь накрѣпко, чтобы опрѣчь кобака никакого питья на продажу никто не держалъ, . . . а кому будетъ *про себя* меду поставить или пиво сварить и брагу пьяную сдѣлать, и они бѣ являлись на кобакъ откупщику, а явки велѣно съ нихъ имать: съ меду—съ пуда, а съ пива—съ чети Московскія по алтыну, а съ браги съ пьяня—по 2 деньги съ чети, а хто учнетъ на продажу корчемное питье держати и по тѣхъ людей на Воронажѣ и въ уѣздѣ *верстѣ по десяти* и болши посылати и . . . заповѣди имать по указу. (Втор. кн. II, стр. 38).

— „Билъ Намъ челомъ Воронажець Прокофій Шишкинъ на . . . атамановъ, ихъ братью и крестьянъ, а сказалъ: „вотчина де за нимъ откупная Потуданской и Лисогорскій ухожен въ откупъ . . . а платитъ де онъ . . . по 39 рублей в гривною на годъ. И въ прошломъ 132 и нынѣшнемъ 133-мъ ту откупную вотчину пустошатъ другой годъ насильствомъ и украдомъ: *рыбу* ловятъ, *звѣря* бьютъ и *земль* дерутъ. (Ibid. 159).

— Въ нынѣшнемъ во 133-мъ году писалъ къ Намъ . . . Лодыженской . . . въ роспросѣ ему сказали . . . въ осень передъ Покровомъ Святой Богородицы въ Роздорскомъ городѣ было Донскихъ козаковъ 400 ч. и тѣ де козакъ повѣтріемъ померли, только де осталось 7 чел. . . . а многіе люди сказывали что повѣтрея нѣтъ, . . . и выбѣ Ворожажскія заставы, которыя поставлены отъ Дону для береженья отъ морового повѣтрія, велѣли свести. (Втор. II, 26—29).

1626. „. . . А въ обыскѣхъ съ Ворожажа обыскныхъ людей . . . всего 132 чел. сказали . . . на рѣкѣ на Ворожажѣ изъ Дону и изъ вотчинъ проходные и мытные и съ судовъ береговое пристанище и съ рыбы и съ звѣря и со всякого товару пошлина и перевозъ прежь сего *въ откупъ не бывало*, а плачивали пошлины товару *въ таможахъ*, а со 124-го Успенского монастыря игумень Ѳедосей . . . ималъ мыто по царевой грамотѣ. Въ обыску же 465 чел. сказали: на Ворожажѣ, на р. Дону, изъ вотчинъ проходная и мытная и съ судовъ пристанная и съ рыбы и со всякого звѣря пошлина и перевозъ, что во 124-мъ году дано съ Ворожажа . . . игумену Ѳедосію съ братією . . . въ руги мѣсто, въ откупъ бывало за Московскимъ торговимъ челоувѣкомъ за Ѳ. Хамойниковымъ да за Воронежскими жильцы . . .“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт.)

1627. (Изъ челобитной Воронежскаго казака Д. Даншина) „побилъ де у него Микитка Усковъ *двадцать* свиней супоросныхъ да кроша (хрѣка)“ (Ibidem. № 10).

1631. (Изъ грамоты воеводѣ, кн. С. П. Львову) „указали есмь съ Ворожажа денежныя Наши доходы: дворовой и лавочной оброкъ и съ рѣкъ и съ лѣсовъ и съ угодей откупные и оброчныя деньги . . .“ (Ibidem. № 13).

— (Изъ челобитной сына боярскаго Алтухова) „передъ Филиповымъ заговѣнемъ пожгли де у него крестьяне 7 стоговъ сѣна, а въ стогахъ де было *30 копенъ*.“ (Ibidem. № 14).

1639. (Изъ грамоты царя Михайла Ѳедоровича воеводѣ Вельяминову) „и тыбѣ тою рѣкою Усманью велѣлъ владѣти атаманомъ Сукочеву съ товарищи съ Воронежскими помѣщики . . . вопчѣ съ одного, потому что они въ нашу казну оброкъ платятъ вмѣстѣ, *а въ захватъ ни кому и ни кто бы ни владѣлъ*“. (Ibidem. № 16.)

— Поселены въ Воронежской уѣздѣ Черкасы: 2 атамана, 2 ясаула и 162 чел. пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ, съ вадѣленіемъ „для ихъ иноземства“ денежнымъ жалованьемъ и съ наказомъ: чтобы они Государю служили, Русь отъ бусурманъ оберегали, Государевымъ жалованьемъ въ своихъ слободахъ на вѣч-

ное житье строились и *пашни пашали и хлѣбъ сѣяли.* (Вор. Ак. II. 181).

1640. (Изъ грамотъ Михаила Ѳеодоровича Вельяминову) „и на томъ дикомъ полѣ велѣно переписать присады и урочища, а дикое поле измѣрить въ десятины, а десятину велѣно мѣрить вдлину по 80 сажень, а поперегъ по 30 с. и изверстать въ томъ дикомъ полѣ четвертию пашню гораздо, чтобъ ту четвертию пашню во все три поля въ книги равно написать, а сѣнные покосы и лѣса пашенные и непашенные велѣно измѣрить въ десятины же. А гдѣ будутъ лѣса большіе, а мѣрить ихъ десятины нельзя, и тѣ лѣса велѣно писать, запрашивая тутошнихъ и стороннихъ людей и самому смѣчать на крѣпко, сколько гдѣ какого пашеннаго и непашеннаго и бортнаго лѣсу *верствъ* или десятинъ и что рѣкъ и озеръ и рыбныхъ ловель и бобровыхъ гононь и бортовыхъ ухажьевъ и спудей и перелѣсей...“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 18).

— (Изъ грамоты Михаила Ѳеодоровича воеводѣ Сонцову, по челобитью Рязнца Хирина) „бѣжалъ отъ него, Хирина, старинаой его крестьянинъ съ женою и дѣтьми, а бѣгючи живутъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ с. Излегощѣ за разными помѣщики *переходя* и тыбъ (Хирину) далъ пристава, а велѣлъ ему гдѣ истецъ укажетъ, тѣхъ бѣглыхъ людей съ понятными людьми вынять, *опричь* Нашихъ дворцовыхъ . . . патриаршихъ и митрополитч. (и архіерейскихъ?) вотчинъ и иноземцовъ помѣс(тій) (Ibidem. № 19).

— „И какъ къ тебѣ сея Наша грамота придетъ, и тыбъ у Воропажскихъ у торговыхъ людей межъ ихъ лавокъ провѣзжихъ крестцовъ, для провѣзду и для береженья отъ пожарнаго времени, лавками и инымъ ничѣмъ занимать невелѣлъ, чтобъ утѣшенія не было, а по конецъ ихъ лавокъ велѣлъ Воропажцамъ *устроить мясной и рыбный рядъ* изъ оброку жъ, а оброкъ положилъ прииѣрся къ инымъ оброчнымъ мѣстамъ“ (Ibid. 60).

— Отправлены изъ Москвы на Воронежъ *судовые мастера* Логиновъ и Ивановъ, для постройки судовъ, а Воронежскому воеводѣ велѣно, какъ вода вскрыется, отпустить на судахъ 5 т. четь. хлѣбныхъ запасовъ въ Азовъ, занятый въ то время Донскими казаками. (Вор. Ак. II. 182.)

1641. „Вилъ челомъ Воропажецъ посадской человекъ Ѳ. Кулешовъ на К. и Ѳ. Корчагинныхъ, а сказалъ: „какъ де онъ Ѳедька въ нынѣшнемъ во 149-мъ году ѣхалъ изъ за Донья съ покупнымъ медомъ и съ хмѣлемъ и тотъ де К. и Ѳ. . . грабежомъ взяли у него денегъ 150 рублей да 30 пудъ меду—

цѣна 27 руб. съ полтником, меринъ сѣръ 7 л., цѣна 8 руб. съ полт. Сняли платья: зыпуяъ лазоревъ цѣна 3 руб., кафтанъ шубной, цѣна 2 р.; пищаль—4 р., шапка съ пухомъ—1 р. 50 к., двѣ телеги, два хомута—3 р., всего на 209 рублей” (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 20.)

— „Билъ челомъ г. Щеголеватый—Макаровъ, а сказалъ: въ 148 г. былъ онъ, по указу, на заставѣ въ Ворон. уѣздѣ въ Боршевомъ монастырѣ, и Авг. въ 5 день прѣѣхалъ снизу рѣкою Дономъ, на судиѣ, Рязского уѣзду поплъ Безсонъ, а съ нимъ на судиѣ 7 чел. И онъ де Гришка тѣхъ людей и борошень ихъ и рыбу послалъ на Воронежъ къ (воеводѣ) Вельяминову и Вельяминовъ прислалъ на заставу В. Куликовского съ товарищи и они Безсона и гребцовъ и рухледь и рыбу съ судна взяли съ собою на Воронежъ. И нынѣ де въ той рухледи бьетъ челомъ на него, Гришу вдова Анница“ (Ibid. № 21).

— Грамота Михаила Федоровича воеводѣ Сонцову, о розмыскѣ крестьянъ, бѣжавшихъ на Воронежъ въ 1611 году (Ibidem. № 22).

1643. „Билъ челомъ житной целовальникъ И. Микитинъ, а сказалъ на третій день послѣ Николина дня пришелъ де онъ къ стрѣльцу М. Чеботарю повѣщать для *житного* сбора и тотъ де . . . съ братомъ . . . грабежомъ у него взяли *сборныхъ* денегъ 75 рублей...“ (Ibidem. № 27).

1644. „Билъ челомъ Ворон. казакъ А. Гудковъ, а сказалъ: былъ де его шурявъ В. Ванниковъ съ О. Сторожевнымъ на *зетриной* ловаѣ и тотъ де Оська его шурина Васку изъ пищали убилъ.“ (Ibidem. № 29).

1651. По осени сего года, на Донъ, въ бударахъ, для промысловъ и съ запасы, ходили небольшіе (немногіе) люди, и по зимнему пути изъ городовъ, съ солью и къ хлѣбомъ и со всякими товары, на Воронежъ прѣѣзду не было, потому что всякихъ чиновъ промышленные люди изъ городовъ, съ солью, хлѣбомъ и со всякими товары, ѣздили въ новые города въ Сокольской, на Усмань, на Уривъ, на Коротоюкъ, на Ольшанскъ; а городъ Воронежъ, передъ прежними лѣты, всёмъ оскудалъ, и люди обнищали, и стало безлюдно, и на кабакахъ питуховъ стало мало, не противъ прежняго, и изъ Дону и изъ откупныхъ вотчинъ торговые и промышленные люди на Воронежъ никакихъ товаровъ не привозили, продавали всякіе товары въ новомъ городѣ Коротоюкъ безпошлявно, таможенные пошлины сбирато было не съ чего, всякіе промыслы отстали къ городу Коротоюку (Вор. Ак. III. 33.)

— „Били Намъ челомъ Воронежцы В. Михневъ да Ѡ. Филиповъ: въ прошломъ де во 158 году дана имъ на откупъ рѣчка Икорецъ со всеми угодами *безъ перекупки*, а въ нынѣшнемъ во

160-мъ году та рѣчка Икорецъ отдана въ откупъ Воронежцу М. Прибыткову *изъ наддачи*, и Намъ бы ихъ пожаловать велѣть р. Икорецъ дати имъ въ откупъ *изъ наддачи безъ перекупки*. (Втор. Кн. II, стр. 27).

— „. . . . Въ разрядѣ въ окладной въ приходной книгѣ пѣнѣшняго 160-го году написано: въ Воронежскомъ уѣздѣ юртъ Бѣлозатовской въ откупъ Алексѣевского монастыря за игуменомъ Павломъ; откупу на вещь на 159 г. взято 20 р. 20 а. 2 д. И нынѣ билъ Намъ челомъ Воронежецъ Ѳ. Филиповъ: тотъ де игуменъ Павелъ умеръ, а нынѣ де юртомъ владѣеть тогожь монастыря строитель старецъ Иона, и тотъ де строитель Иона никакого монастырскаго строенія не строить, безпрестанно пьеть и отъ его де безпрестанного питья монастырь оскудѣлъ, братья, вкладчики и бобыли—все разбрелись . . . И по нашему указу тотъ юртъ Бѣлозатовской давъ въ откупъ Воронежцу Ѳ. Филипову на три года *безъ перекупки*, а откупу велѣно ему платить съ новою наддачею по 23 р. на годъ. (Втор. кн. III, 28).

1652. Учрежденъ на Воронежѣ кружечный дворъ съ продажнымъ виномъ, и oprичъ того двора, на Воронежѣ и въ уѣздѣ, кабакамъ и винокурнямъ быть не велѣно (Вор. Ак. III. 18.)

— Въ августѣ приходили къ Усманскимъ крѣпостямъ Татары, раскопали валъ, пришли на Усманскія городскія поля и людей побили и въ половъ поимали, и стада конскіе и животинные отогнали (Вор. Ак. I. 54, II. 133.)

— Воевода Ѳедоръ Юрѣв. Арсеневъ устроилъ на Острогскомъ городищѣ новый Острогской острогъ; а въ томъ острогѣ устроилъ, на вѣчное житье, нововыѣзжихъ Черкасъ: Полковника Ивана Дзинковского, обознаго писаря, сотниковъ, ясуловъ, знаменщиковъ, поповъ и рядовыхъ, 1000 чел., дворами, гумнами, пашенною, подгородною и отъѣзжею землею, сѣнными покосами и всякими угодами. (Острог. Ак., вып. V, изд. нами.)

— „Воронежскихъ таможенныхъ и кобачкиихъ доходовъ велѣно собрать противъ прошлаго 158 году 1765 рублей полчетверти деньги, а голова Петръ Толмачовъ и цѣловальники въ 159-мъ году собрали 1397 рублей 2 алт. полпята деньги, . . . недобрали 367 руб. 31 алт. съ деньгою, и тѣ недоборные деньги на Толмачовъ велѣно доправить. И Толмачовъ билъ челомъ, что „въ прошломъ-де въ 159-мъ году по осени на Донъ въ бударахъ для промысловъ и съ запасы ходили не большіе люди и съ Воронажского кобака вина не имали, и по зимнему пути изъ городовъ съ солью и съ хлѣбомъ и со великими товарами на Воронежъ прїѣзду не было, потому что всякихъ чиновъ промышлен-

ные люди . . . ѣздить для промысловъ мимо Воронежа въ новыя города: въ Сокольской, на Усмань, на Урывъ, на Коротожкѣ, на Олшанескѣ, а городъ де Воронежъ предъ прежними лѣты всеѣмъ оскудаль . . . и съ Дону и изъ откупныхъ вотчинъ торговые и промышленные люди на Воронежъ никакихъ товаровъ не привозятъ *для таможенныхъ пошлинъ*, продаютъ всякіе товары въ новомъ городѣ на Коротожкѣ *безпошлинно* . . . всякіе промыслы отстали . . . (Ibid. кн. III, стр. 32).

— „Въ городѣхъ и въ уѣздахъ, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ и по дорогамъ кобакаемъ и винокуреннымъ поварнямъ нигдѣ быть не велѣно, oprичъ тѣхъ поварей, на которыхъ поварняхъ, по Нашему указу, *сидятъ подрядно* вино уговорщики къ Москвѣ на Отдаточнои дворъ и въ города на кружечные дворы и ты бѣ на Воронежѣ . . . сю Нашу грамоту у Приказныи Избы велѣлъ прочесть и биричемъ въ торговые дни велѣлъ прокликати не по одинъ день, что по Нашему указу велѣно на Воронежѣ быть *одному кружечному двору* съ продажныхъ виномъ, а oprичъ кружечного двора на Воронежѣ и и въ селехъ и деревняхъ кобакомъ и винокурнямъ быть не велѣно и вина на продажу никому николи не держать.“ (Ibid. кн. III, стр. 18.)

1655. „Писали къ Намъ изъ Асторохани . . . князь Пронскій съ товарищи, что де волю Божію учинилось моровое повѣтріе. И какъ къ тебѣ ся Наша грамота придетъ, и ты бѣ велѣлъ по Воронежской чертѣ, съ степную сторону, учинити заставы крѣпкія...“ Акт. изд. авторомъ, вып. III).

1658. (Изъ грамоты Алексѣя Михайловича Ворон. воеводѣ) . . . уѣзднымъ людемъ велѣлъ сказывать, чтобъ они, по нынѣшнимъ вѣстямъ, съ женами и съ дѣтьми однолично бѣжали все въ городъ на спѣхъ, а которые . . . въ городъ въ осаду вскорѣ не поѣдутъ, а только ихъ воинскіе люди въ уѣздѣ побьютъ и въ полонъ исемяютъ, и то разоренье и полонское терпѣніе будетъ имъ самимъ отъ себя“ (Ibidem. № 42).

1659. Приходилъ на Воронежъ Крымскій Ханъ съ Крымскими людьми и съ Черкасы, и у Воронежскихъ яшищиковъ, въ гонбѣ и стадѣ, Татарова поймали гонящими лошади; въ то же время Татарк Корочунскій монастырь разорили безъ остатку и выгнали, строителя взяли въ полонъ, а братью всеѣхъ и крестьянъ поѣкли, а иныхъ крестьянъ, и женъ и дѣтей ихъ, побрали въ полонъ, а уходцевъ, крестьянъ и дѣтей, только осталось 7 чел., и тѣ одиначіе. (Вор. Ак. II. 23, 144, 145.)

— Велѣно Воронежскому воеводѣ послать въ с. Тарбѣево Колозского уѣзда, на пристань р. Лѣснаго Воронежа, струговыхъ

и якорныхъ мастеровъ, которые умѣютъ струги и якоря на морской ходъ Донскимъ казакамъ дѣлать, и плотниковъ, и кузнецовъ, и рабочихъ людей, сколько надобно. (Вор. Ак. III. 58.)

1660.

Велѣно стольникамъ и воеводамъ Симеону и Иваву Хитрово, съ двумя полками солдатъ и шестью приказами стрѣльцовъ, отправиться изъ г. Козлова на судахъ, тамъ устроенныхъ, на Государеву службу, на Довъ и, на пути, взять въ Воронежѣ хлѣбные запасы, которые были въ остаткѣ за отпускомъ донскихъ казаковъ. (Вор. Ак. III. 59.)

„ . . . пожаловали Мы, В. Г., ямскихъ денегъ на нынѣшней на 169 годъ до 170 году съ *сошныхъ* людей имать не велѣли“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 46).

1664.

„Витюцкий и Середскій ухажей отдавъ былъ въ откупъ Воронежцу Московкину за 95 руб. (Второвъ, кн. III, прим. на стр. 16).

„ . . . посланы Наши, В. Г., *многіе* грамоты на Воронежъ къ *прежнимъ* воеводамъ . . . а велѣно указные товары прошлыхъ лѣтъ и 170-го году поташъ, смальюгу, пенки и юети, соболи, сало говяжье съ Воронежа и съ уѣзда выслать всё на Вологду . . . и тыбъ указные товары *прошлыхъ* лѣтъ и 170-го года выслалъ всё на Вологду нынѣшнимъ лѣтнимъ путемъ, чтобъ на нынѣшнюю городскую ярмонку поспѣли . . .“ (Ibid. кн. III, стр. 69).

„И тыбъ въ Воронежѣ и уѣздѣ велѣлъ кликати бирочомъ по многіе дни, чтобъ Воронежскіе таможеню и кабакъ на 173 годъ хто взялъ на откупъ изъ наддачи а будь тое таможни и кабака ко 173-му году на откупъ ни хто не позметъ, и тыбъ тое таможеню и кабакъ во 173-мъ году велѣлъ вѣдать на Нась, В. Г., на вѣрѣ вѣрнымъ головъ и цѣловальникамъ, какъ . . . и въ нынѣшнемъ году.“ (Ibid. III, стр. 75).

1668.

„ . . . (хлѣбъ) не возять, надѣясь на тѣ свои хлѣбныя кладн, которыя у нихъ по лѣсамъ, на ставѣхъ а въ городѣхъ въ осадное время отъ того ихъ непослушанья бываетъ малолюдство и хлѣбными запасы скудно . . . и Мы, В. Г., указала, которой немолоченой всякой хлѣбъ въ Воронежскомъ и въ иныхъ Украинныхъ и Польскихъ городохъ въ уѣздахъ у всякихъ людей по гумнамъ и во полямъ, на пашенныхъ земляхъ и въ лѣсахъ по дубровамъ въ кладѣхъ не молочень, и тотъ хлѣбъ молотить и въ городъ возять тѣмъ людямъ, чей тотъ хлѣбъ. . . . А у которыхъ у градцихъ и у уѣздныхъ людей на Воронежѣ въ городѣ хлѣбныхъ житницъ и анбаровъ нѣтъ, и они бѣ на тѣ хлѣбные запасы устроили бы себѣ житницы и анбары или бѣ

тотъ хлѣбъ сыпали у знакомцевъ своихъ и у друзей. . . . А которыми по самой послѣдней мѣрѣ, въ городъ всего своего хлѣба перевозить, за множествомъ, немочно, и они бы тѣ свои хлѣбные запасы сыпали въ ямы, гдѣ кому пристойно, чтобъ однократно у нихъ въ селѣхъ и въ деревняхъ по гумномъ и по полямъ и по лѣсамъ на ставѣхъ не молоченого хлѣба въ кладѣхъ воинскіе люди не пожгли“ (Изъ гр. Царя Алекс. Мих. воеводѣ Ромодан. Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 50).

1668. Въ нынѣшнемъ во 177-мъ году, октября въ 15 день при-
слана Твоѣ, В. Г., (п. т.) грамота изъ Розряду на Ко-
ротоякъ къ Ив. Палицину: велѣно ему Ивану писать по Чертѣ
и за Черту въ города, къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ,
чтобъ донскихъ казаковъ и торговыхъ людей съ Дону въ Украин-
ные города, въ Черту, не пропускать и съ ними не сѣзжатца и
ничего у нихъ не покупать и даромъ не имать, никакими мѣры,
потому что на Дону, Государь, *на людей завѣтрѣло*. А запасы
велѣно имъ давать хлѣбные и сѣнные, чѣмъ бы имъ мочно
быть сытымъ, и то все велѣно писать въ книги именно и ко мнѣ,
холопу Твоему, Твоего, В. Г., указу и отъ воеводъ изъ городовъ
отписакъ на Волуйку, прежь прїѣзду донскихъ казаковъ, не пи-
сано, что на люди позавѣтрѣло. А (прибывшіе ранѣе до указа на Валуй-
ку) жилецъ, Государь, Герасимъ Евдокимовъ и донскіе казаки
на Валуйкѣ въ роспросѣ сказали, что на Дону де въ Валуйкѣ,
милости Божію и Твоимъ, В. Г., счастьемъ, далъ Богъ здорова,
жорового повѣтрея на людей, октября по 12 число нынѣшняго
177-го году, небывало. И я, холопъ Твой, тѣмъ жильцу Г. Ев-
докимову и донскимъ козакамъ велѣлъ быть на Волуйки на тѣхъ
же дворехъ, на которыхъ поставлены, до Твоего, В. Г., указу
и поставилъ у нихъ крѣпкіе караулы и на поляхъ учинилъ я,
холопъ Твой, у причинныхъ мѣстехъ заставы, чтобъ впредь съ
Дону никто въ Украинные города мимо Валуйки не прошелъ;
а запаса я, холопъ Твой, жильцу Г. Евдокимову и донскимъ ка-
закамъ выдалъ до указу изъ Твоихъ *государевыхъ*
житницъ; и о томъ мнѣ холопу своему, что Ты, В. Г., ука-
жешь. . . .“ (Изъ отписки Валуйскаго воеводы. Ив. Познякова ца-
рю Алексію Михайловичу, Архив. дѣл. Стат. Ком.)

1669. Городамъ Острогожскаго полка, за оказанную Черкасами се-
го полка вѣрность во время Черкасскихъ смуть, предоставлено
право безоброчнаго и безъявочнаго шинкованія виномъ, пивомъ и
медомъ. (*) (Жалов. грамота Острогожскому полку 7178 г. сен-
тября 11 дня).

(*) Привиллегія эта, съ присоединеніемъ права безоброчнаго пользованія нѣко-
торыми земляными угольями, была подтверждена въ послѣдствіи жалованными гра-
мотами 7 марта 1672 г., 8 февраля 1678, 28 февраля 1770 и 23 ноября 1743 г.

1670. „Вѣдомо Намъ, В. Г., учинилось, что стольники и страпчїе и дворяне Московскїе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскїе и всякихъ чиновъ служилые люди владѣютъ вотчинами по купчимъ, и по закладнымъ и по ряднымъ и по даннымъ, не записавъ за собою въ Помѣсномъ Приказѣ. И нынѣ Мы, В. Г., указами . . . тѣ вотчины, которыми они не записавъ владѣютъ по купчимъ и по закладнымъ и по ряднымъ и по даннымъ — записывать Юня съ 21 числа нынѣшняго 178-го году впредь до году до такова жъ числа. А будетъ хто . . . не запишетъ, и тѣ вотчины указали Мы, В. Г., отписывать на насъ, а тѣ крѣпости — не въ крѣпости . . .“ (Втор. III, стр. 142).

— „. . . и торговые бѣ люди ни съ какими товарами и съ *хлебными* и съ *сѣвотными* запасы и съ инымъ ни съ чѣмъ на Донъ никто не ѣздилъ, покаместо отъ его, Степкина воровства Донъ очистилъ . . .“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 51).

— Велѣно Воронежскому воеводѣ, у Донскихъ станичникѣвъ, которые учнутъ прїѣзжать на Воронежъ осматривать: не объявятся ли у нихъ, сверхъ Донскихъ казаковъ, бѣглеы холопы, или инне какїе люди, и такихъ людей имать и сажать въ тюрьму; въ ѣздѣ же, по селамъ и деревнямъ, учинить заказъ: никакихъ людей безъ проѣзжихъ не пропускать. (Вор. Ак. II. 151.)

1671. „. . . Вѣдомо Намъ, В. Г. учинилось, что на Воронежѣ всякихъ чиновъ *люди многїе* убиты строить *копченую* и *вялую* рыбу, а та рыба бываетъ и *впредь прочна* *гораздо* . . . и тыбъ на Воронежѣ выбралъ къ тому рыбному строенью знающаго челѣвѣка и велѣлъ сдѣлать копченой и вялой рыбы сколько доведетца . . . А выбравъ рыбника и построя рыбу и запечатавъ въ чемъ пристойно, прислалъ къ Намъ . . . А сколько какой рыбы послано будетъ и во что та рыба станеть, о томъ отписать, а отписку . . . рыбака и рыбу объявить Приказу Нашихъ Тайныхъ Дѣлъ. . .“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 57.)

— „Въ нынѣшнемъ во 179-мъ году . . . писалъ еси къ Намъ, В. Г., что собралъ ты съ Воронежцовъ со всякихъ чиновъ людей *за десятинную пашню* посолнаго хлѣба и устроилъ въ житницы изъ *доимки* на 177 и 178 годы и на 179 г. . . . всего собрано ржи 976 чети, овса тожъ; обоего — 1955 чети, а *по окладу* донять на Воронежцовъ . . . посолнаго хлѣба ржи 812 чети, овса тожъ . . .“ (Втор. III, стр. 172).

1672. Писалъ съ Усмони Гр. Спѣшневъ: „Воронежцы де всякихъ чиновъ люди переѣзжаютъ черезъ рубежъ, въ Усмонскую сторону, за рѣку Воронежъ безпрестанно и Усмонскїе лѣса рубятъ и пустошатъ и живутъ въ тѣхъ лѣсахъ многое время и всякія издѣлья дѣлаютъ и дороги и стезжки съ стени накладываютъ и

на стѣнь проѣзжаютъ и въ лѣсахъ огни кладуть и пожары пуцають...^а (Изъ грамоты Алекс. Мих. воеводѣ Самарину. Мат. Т. I, изд. авт. № 26).

— Грам. Алекс. Мих. воеводѣ Самарину, велѣно „Воронежскаго уѣзду съ Витюцкого и Серецкаго ухажья оброчныя деньги 355 р., 16 алт., 4 д., да меду 20 пудъ допрavitъ“ (Ibid. № 65).

— „Мы, В. Г., указали Московскимъ стрѣльцомъ на жалованье собрать съ Нашихъ, В. Г., дворцовыхъ селъ и съ патриаршихъ, и съ архіерейскихъ, и съ монастырскихъ, и съ церковныхъ, и съ помѣщичьихъ, и съ вотчинниковыхъ крестьянъ передъ прежнимъ съ прибавкою съ живущіе чети сошнаго писма.

Съ нашихъ, В. Г., *дворцовыхъ* селъ — стараго по осьмивѣ безъ полчетверика да прибавочнаго по двѣ чети безъ четверика и безъ поль-получетверика ржи, овса по тому жъ, всего по двѣ чети съ полуосьминою и по поль-получетверику ржи; овса по тому жъ.

Съ *патриаршихъ* и со архіерейскихъ и съ монастырскихъ вотчинъ, — стараго по двѣ чети съ третникомъ, да прибавочнаго по двѣ чети безъ четверика и безъ поль-получетверика, всего по четыре чети и по полчетверику и по поль-полутретнику и по поль-получетверику ржи; овса по тому жъ.

Съ *помѣстныхъ* и съ *вотчинныхъ* земель, . . . стараго по двѣ чети безъ полуосмины да прибавочнаго по двѣ чети безъ четверика и безъ поль-получетверика, всего по три чети съ осминою и по полчетверику и по поль-получетверику ржи; овса по тому жъ.

А которой хлѣбъ иманъ напередъ сего съ *посадовъ*, и нивѣ того хлѣба и житничныхъ денегъ не имать, а имать съ нихъ деньгами: за четверть ржи да за четверть овса, по два рубли *за ютъ*, для того что они (стрѣльцы) *люди торговые, а не пашенные* и никогда въ городѣхъ воеводы хлѣба съ посадскихъ людей не собирають, а собирають деньгами, *дорогою цѣною* и присылають къ Москвѣ съ выборными цѣловальники тѣхъ городовъ, а они пріѣдутъ къ Москвѣ, дають тѣ деньги подрядчикамъ, а подрядчики емлютъ на нихъ за тотъ хлѣбъ и свыше сборныхъ денегъ дорогою цѣною и отъ того себѣ чинять великія прибыли, а посадскимъ людямъ въ тѣхъ подрядѣхъ великое утѣсненіе и убытки. А иные уговорщики, взявъ деньги, не давъ по себѣ добрыхъ порукъ, проподають и бѣдняють и вмѣсто тѣхъ подрядчиковъ, другой хлѣбъ правятъ на посадѣхъ же. Да изъ тѣхъ же денегъ и сборщики и посадскіе люди, которые ѣздитъ къ Москвѣ съ тѣми деньгами, корыстуютца жъ и на всякіе жъ свои харчи держатъ изъ тѣхъ же денегъ по совѣту съ уговорщики, хотя, гдѣ мочно и дешевле подрадить на

хлѣбъ, а они для своей корысти давали уговорщикомъ дорогую цѣну, и тѣ деньги у посадовъ межъ уговорщиковъ и челобитчиковъ пропадають, *а безъ подрядчиковъ имъ хлѣба взять негдѣ*. А подрядчики, взявъ тѣ деньги, хлѣбъ покупають на Москвѣ жъ, съ возовъ и съ судовъ, *и не въ Украинныхъ горюдахъ*, и отъ тѣхъ подрядчиковъ въ закупкѣ хлѣба на Москвѣ цѣна на хлѣбъ прибываетъ и всего Нашего государства людемъ отъ того утѣсненіе и убытки. И тому впредь отиудъ не бытъ, чтобъ отъ того въ посадѣхъ тягости, а на Москвѣ на хлѣбъ дорогія цѣны и *бѣднымъ людемъ утѣсненіе* не было...“ Изъ грам. Алекс. Михайл. Ворон. воеводѣ М. Ѳ. Самарину, Ibid. № 66).

— ... Бѣлгородскаго полку въ городѣхъ воеводы Наши и приказные люди изъ Рязанскихъ и изъ Украинныхъ и изъ Заозерныхъ и изъ Замосковныхъ городовъ служилыхъ и посадскихъ людей, которые покины прежніи свои службы и тягло, *сбѣжали* и холопей и крестьянъ бѣглыхъ же принимаютъ и пишуть изъ въ службу и втягло . . . самокольтвомъ для . . . многихъ взятковъ . . . и тыбъ . . . ихъ отиудъ не принималъ и въ службу не писалъ и помѣстными и денежными оклады не версталъ *и на усадбу и на пашню земель* имъ не давалъ, которыми дѣлы, чтобъ тѣмъ . . . ни какіе люди отъ службъ и отъ тегла, бѣглые люди и крестьяне отъ холопства и отъ крестьянства не отбывали...“ (Ibid).

1673. „ . . . и какъ къ тебѣ ся Наша, В. Г., грамота придетъ, и ты бѣ на Воронежѣ или гдѣ въ иныхъ мѣстѣхъ купишь *вялой* же рыбы, 500 сомовъ, 1000 сазановъ, а на тое покупку деньги далъ изъ тамошнихъ доходовъ, какіе есть въ сборѣ. А въ какую цѣну та рыба будетъ куплена, о томъ къ Намъ, В. Г., отписалъ и *прежней* и нынѣшней покупокъ рыбу и *Воронежца* Емельку Синиченка прислалъ безъ мотчанья“ (Ibid. № 67).

— Государево жалованье номѣсье, жеребей села Ряднаго 38 чети, продано въ вотчину Воронежцу И. Юрьеву по 1 р. за четь. (Матер. Т. I., изд. нами № 149).

— писалъ къ Намъ, В. Г., изъ Верхососенскаго И. Сепіотовъ: Юня жъ де въ 13 числѣ, въ 11 часу дни, приходили подъ Верхососенской воинскіе люда Татарова, съ 500 человекъ и болши, черезъ Ново-Осколской Прогорѣлой валъ, и у Верхососенцевъ всякихъ чиновъ людей конскія и животинныя стада отогнали и пастуховъ поймали въ полонъ...“ (Ibid. № 72).

1674. По донесенію Валуйскаго воеводы Баскакова, что Валуйчанамъ, требуемаго съ нихъ въ Бѣлгородъ на 1667, 1668 и 1669 г., донмочнаго хлѣба, ржи и овса, по 3 полуосинны съ

двора, заплатитъ не чѣмъ, хлѣбъ не родится, сами ѣдятъ, съ мякиною мѣшавши, племъ и жолуди, племковые кнѹки, и отъ голоду Валуичане бредутъ съ Валуики въ разные города для прокормленія, — вѣлно дать бѣднымъ жителямъ г. Валуекъ, въ займы, хлѣбъ изъ государевыхъ житницъ, а довиочный хлѣбъ, для ихъ бѣдности, хлѣбнаго недороду и частныхъ Татарскихъ приходовъ, съ нихъ не брать. (И. Соб. Зак. 1. № 577.

— „Меринъ чубарь, 8 лѣтъ — данъ 5 руб.; меринъ рыжъ, 6 лѣтъ, правая уха порота, данъ 6 руб. (Арх. дѣл. Стат. Ком.)

— „По грамотѣ В. Г., вѣлно на Воронежѣ въ Донской отпускъ изъ льву дѣлать оетиль . . . а у того оетильнаго дѣла вѣлно быть работнымъ людямъ *противъ прошлаго* 181-го года 109 чел. (Ibid).

— „18 августа нанали калмыки на *пустую* деревню Назаровку за р. Дономъ, Коротояцкаго у. и *пустыя избенки* пожгли. И нанали они на станичника Иова Бычковаго и онъ отсидѣлся отъ нихъ въ Прогорѣломъ, *съ пустыхъ избахъ*; 20 августа 150 чел. татаръ подошли къ Усмони, прокопали валъ, проломали надолобы въ 2 вер. отъ города и угнали конскія и животинныя стада. 5 сентября татары *выдрали* всѣ деревни въ Верхососенскомъ уѣздѣ. (Орл. а. 350 - 4).

1675. „ . . . пожаловали Мы В. Г., Вѣлгородцкаго полку городовъ Новоосколцовъ, Верхососенцовъ, Усмонцовъ, Усердянъ, Коаловцевъ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей за ихъ многія службы и *для хлѣбнаго недороду*, . . . четвериковаго хлѣба . . . на прошлые годы изъ домики, что съ нихъ довелось взять. имать съ нихъ нивѣ и впредь не вѣзли...“ (Мат. Т. I, изд. нами № 75.)

— „ . . . Да хлѣбныхъ запасовъ муки ржанья 7162 чети съ полуосминою, крупъ 2414 чети, толокна 1384 чети, всего 10910 чети съ полуосминою. И изъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, го Нашему, В. Г., указу, вѣлно отпустить съ Воронежа на Донъ . . . войсковому атаману и *казакомъ* 5000 чети. А за тѣмъ на Воронежѣ въ остаткѣ хлѣбныхъ всякихъ запасовъ 5910 чети съ полуосминою.

Да на нивѣшной, на 183 годъ взято съ Воронежцевъ *стрѣльцкаго* хлѣба 550 чети безъ четверика ржи, овса тожь.

Да съ Воронежцовъ же по окладу на нивѣшной на 183 годъ доведетца взять *четвериковаго* хлѣба, ржи 943 чети, овса тожь, и о взятыѣ съ нихъ того хлѣба въ житницы Нашъ Государевъ, указъ посланъ къ тебѣ напередъ сего. Всего на Воронежѣ будетъ хлѣба 8896 чета...“ (Ibid. № 76).

— . . . Вили чоловъ Намъ, В. Г., Донской атаманъ и

казакъ о пропускѣ на Донъ торговыхъ людей. А задержаніе де торговыхъ людей бываетъ на Воронежѣ. . . . и Мы, В. Г., указали: на Воронежѣ и въ Воронежскихъ иригородѣхъ вамъ, воеводамъ, торговыхъ людей, которые изъ верхнихъ городовъ поѣдутъ на Донъ для своихъ торговыхъ промысловъ *съ хлѣбными запасами*, пропускать безъ всякихъ задержаній....“ (Ibid. № 77).

1680. „Лѣта 7188-го училился отъ зажигальщиковъ пожары иногіе писалъ князь П. И. Хованскій, что у него въ полку поймали двухъ лазутчиковъ Черкассъ и одинъ во респрѣ виновилъ: „послалъ де его изъ Немирова Юраска Хмельницкій . . . въ Украинне города для провѣдыванія и приказано имъ города зажигать.“ (Орл. а. 388).

1681. „... Да по указу В. Г. и по грамотамъ послу, окольному Ильѣ Ивановичу Чяриколу дано для Цареградского посольства съ Воронежского кружачнаго двора вина, *взиммы*, 150 ведеръ, 5 ведеръ укеусу, 2 чети муки ржанья, да вмѣсто 2 чети муки пшеничной, дано 4 чети муки жъ ржанья, да вмѣсто 5 полотъ ветчины, дано крупъ гречневыхъ 2 чети, да муки гречневый жъ 2 чети, да двѣ чети солоду ржаного, *для того что въ государевъ казнь муки пшеничной и ветчины на Воронежѣ нтъ.* (Мат. Т. I, изд. нами № 152).

— „И нияѣ Мы, В. Г., пожаловали, — доимочныхъ денегъ прошлыхъ лѣтъ по 166 годъ, *для мороваго поветрія*, имать не велѣли, кроиѣ откупныхъ и что взять на подрядчикахъ за какіе подряды. А со 166 года на комъ что по доимочнымъ книгамъ написано, доимочныя деньги взять, а на ослушникахъ доирать. (Орл. а. стр. 115).

— „И впрямъ ли у нихъ (у цѣловальниковъ) во 189-мъ году тотъ недоборъ учинился, что подъ Орловъ городокъ татарове приходили и годъ стояли, и хлѣбу у нихъ былъ недородъ, и скотина померла...“ (Ibid. стр. 129).

— „Били челомъ Орловцы дѣти боярскіе: вально взять съ нихъ въ Донской отиускъ муки рженые 1181 четверть съ осминою и съ четвериковъ. И они де того четвериковаго хлѣба заплатили на Воронежѣ черевъ великую силу собравшихъ 522, чети съ осминою а въ достальныхъ стоять они на правѣжѣ по се число, а *заплатить нѣчимъ*: года два у нихъ былъ недородъ, и *купить нѣчимъ*: волею Вожіею скотина у нихъ, коровы и овцы *выпдали* безъ остатку. (Ibid. стр. 120).

1682. „1. — Поговорить съ Орловцы и помыслить на крѣпко: по Орловской чертѣ прежніе острожки и надалобы и всякія крѣпости, которыя дѣланы были лѣсомъ и то все огнило, мочно

ли нынѣ вмѣсто тѣхъ крѣпостей, для льсныя скудости, починить дерномъ и землею и вмѣсто . . . деревянныхъ крѣпостей, сдѣлать земляной валъ *безъ осломного льсу?* (Ibid. стр. 120).

„... велѣно про дорогой винной подрядъ розыскать всякими сыски на крѣпко, по тому что въ нынѣшнемъ во 190-мъ году во Приказѣ Наше, В. Г., Большія казны уговариваютца подрядчики вино ставить на Московскій и оддочной дворъ не дорогою цѣною, а въ города на Каширу и на Орель и во ныне уговорились поставить по шти алтынъ по четыре деньги и по *семи алтынъ ведро.*“ (Ibid. стр. 126).

„Вѣдомо учинилось В. Г. подлинно, что въ Польшѣ, Краковѣ, въ Крыму и въ крымскихъ и турецкихъ городехъ, которые по Днѣпру и въ Сѣчи, на людей большое моровое повѣтріе, и (украиннымъ воеводамъ) велѣти бѣ въ городѣ и уѣздѣ по Чертѣ, на проѣзжихъ дорогахъ, гдѣ пристойно, поставить заставы и заказъ учинить крѣпкой, хто и откуда прїѣдутъ . . . и на заставѣхъ тѣхъ прїѣзжихъ и прохожихъ людей велѣти спрашивать съ великимъ подкрѣпленіемъ, вѣтъ ли въ тѣхъ мѣстехъ, откуда они прїѣхали, на люди мороваго повѣтрія? И буде скажутъ . . . что есть, и ихъ спрашивать *черезъ огонь*, на крѣпко, подлинно — въ какихъ мѣстехъ и сколь давно учинилось? И велѣти рѣчи ихъ переписать *черезъ огонь* и прислать къ себѣ въ городѣ. Въ городѣ велѣти тѣхъ распросныя рѣчи переписывать на новую бумагу *черезъ огонь же* и послать въ Козловъ. (Орл. и др. акты).

„... Били челоуѣ Острогожскіе Черкассы . . . ихъ землями и сѣвными покосы и всякими угоды владѣють насильствомъ коротоячєня русскіе всякихъ чиновъ люда, а ихъ бьютъ и грабятъ и на межахъ грани портятъ и лѣсъ сѣкутъ, чинятъ нѣз великое раззореніе, пуше татаръ, и отъ того де дхъ утѣсенія, голодомъ померло у нихъ. Острогощанъ лошадей— 1000 животини рогатой— 1000 жъ, овецъ 5000...“ (Мат. Т. I, изд. нами № 91).

1683. „велѣно . . . учинить мѣры, всѣ равны и съ верхи, подгребло и, заорля, послать во всѣ Приказы и во всѣ города отъ Приказа Воляшого Приходу. И о томъ заказъ учинить на крѣпко, подсмертною казнью, чтобъ тѣхъ новопоставленныхъ подгребенныхъ орленныхъ мѣръ на Москвѣ и въ городѣхъ никто не перемѣняли . . . и тѣмъ велѣлъ вычестъ изъ слухъ . . . чтобъ . . . посадцкіе и уѣздные и всякихъ чиновъ люда, хлѣбъ всякой покупали и продавали въ тое новую мѣру. И для пріему и отдачи стрѣлцкогo и ружникоу и обротчикуу и для продажи всякаго хлѣба въ ряды и на торговую площадьъ съ той мѣдой новой мѣры велѣлъ таможенному головѣ съ товарищи сдѣлать во-

ныя мѣры, слово въ слово, подгребло жь, и гребла тотчасъ и за орля и наложя годъ, раздавать ихъ торговымъ людямъ противъ прежнего. И съ тою образцовою мѣдною мѣрою велѣлъ ихъ пропускать по часту, *чтобы были сходны*; а подлинную мѣру четверикъ и гребло велѣлъ держать для образца и всякого спору въ таможахъ А старыя всѣ верховыя деревянныя мѣры изъ рядовъ и съ площади и гдѣ есть собраны, велѣлъ *переколоть на мелко*...^а (О. а. 144—5).

„На Воронежѣ въ житницахъ хлѣбныхъ запасовъ: въ отдаточную мѣру подъ гребло муки ржаная—526 чети безъ полу-четверика, (ржи) 1382 чети съ полу-четверикомъ четверика, овса—6363 чети безъ полу-четверика, крупъ овсяныхъ и гречневыхъ—1082 чети безъ полу-четверика, толокна и гречневой муки—1023 чети съ полторомъ четверикомъ . . . да выдано Воронежцамъ во молотѣ 579 чети съ осминою. Запасной соли въ рогожныхъ куляхъ—221 пудъ съ полу-пудомъ, пеньки—1308 п.

Хлѣбныя мѣры: Осминая мѣловая съ двоими кольца да мѣры деревянныя (для Донскаго отпуску) осминая, полосьмина, четверикъ приемныя осминая, полосьмина, полосьминныя, четверикъ отдаточныя. (Мат. Т. I, изд. нами № 96).

1684.

Грамота Орловскому воеводѣ о сборѣ четверикового хлѣба: „и которые объявятца сверхъ переписныхъ книгъ съ дворовъ, а не съ службъ и *непоголовно*, ржи по три четверика съ двора на годъ.“ (О. а. стр. 328).

1685.

„Указали Мы, В. Г., Бѣлгородскаго разряду въ города, которые землями вѣдомы по Розрядѣ, для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель послать съ Москвы писцовъ, и впредь въ тѣхъ городѣхъ ни кому ни какихъ земель и всякихъ угодий изъ Курска и изъ Бѣлгорода бояромъ Нашимъ и воеводамъ, безъ Нашихъ государевыхъ указныхъ грамотъ, не давать и никакимъ людямъ въ помѣстьяхъ дикихъ полей и ни какихъ порожнихъ земель и выморочныхъ помѣстей и всякихъ угодий ни кому не давать; и по займамъ и по поступкамъ и по закладнымъ ни кому владѣть не велѣлъ отнюдь, некоторыми дѣлы. (О. а. стр. 151).

„Указами Мы, В. Г., Бѣлгородскаго полку въ городѣхъ Черкаскаго Острогскаго полку въ Землянку, и Сумскаго и Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ въ городѣхъ построить вновь кружечные дворы и на тѣхъ дворѣхъ для продажи держать яно и медъ и пиво и тыбъ о томъ Нашъ, В. Г., указъ вѣдалъ и полку своего Черкаскамъ сказалъ, чтобы они по жалованной грамотѣ . . . шинковали и всякими промыслами промышленля, по прежнему...“ (Изъ грам. Острог. полков. Сасу. Мат. Т. I, изд. нами № 198.)

1686. „По Нашему В. Г., именному указу . . . велѣно Московскаго уѣзду, Нашего, В. Г., села Покровскаго оброчныхъ крестьянъ, которые въ то село записаны, а живутъ въ Орловѣ городкѣ своими дворами и въ наемныхъ, и торговыми промыслами промышленуютъ, а тягла и податей съ тѣхъ своихъ дворовъ и съ промысловъ во Орловѣ городкѣ не платятъ и служебъ не служатъ, а отъ платежу тягла и податей и отъ служебъ отбываютъ, тѣмъ, что оны написаны въ то село Покровское во крестьяне, смыскавъ . . . выслать къ Москвѣ.“ (О. а. 1166.)

— „Вѣдомо Намъ, В. Г., учинилось . . . что Крымскіе и Азовскіе татаровя многолюдствомъ нынѣшнее весною хотять приходить подъ Наше, В. Г., украинне города . . . чтобъ во нынѣшнее работнее время всякіе бѣ люди на поляхъ нашу пахали и сѣно косили и всякую работу работали съ большою осторожностію.“ (О. а. стр. 167—8.)

— По рѣкамъ Икорцу, Витюку и Айдару, для охраненія границъ государства, по Государеву указу, начали селиться переведенцы изъ г.г. Воронежа, Ельца и Коротоояка. (Болх. 15).

1687. „По Нашему, В. Г., указу, во Орловѣ и того города во уѣздѣ въ селехъ и во деревняхъ и гдѣ бывають торжки и ярмонки, на конскихъ площадкахъ конскія пошлинныя деньги ноября съ 1-го числа нынѣшняго 196 г. ноября по 1-е жъ число 199-го году велѣно собирать стряпчему конюху Максиму Ходыреву и ты (воевода) . . . учинился непослушенъ: къ тому конскому пошлинному сбору для засылки разсылщиковъ и на ослушниковъ стрѣльцовъ и пушкарей затинщиковъ и для письма дьячка и для кличи бичряча и конскихъ полтинныхъ денегъ ему, Максиму собирать не велѣлъ, а велѣлъ де ты . . . собирать на себя, не вѣдомо по какому Нашему, В. Г., указу . . . по Нашему, В. Г., указу во всѣхъ городѣхъ конскія пошлинныя деньги денежными сборамъ велѣно вѣдать во Конюшенномъ Приказѣ.“ (О. а. 186).

1688. „Прислано на Вороножъ изъ Вѣлагорода на кормъ Нашихъ В. Г., 135 лошадей . . . и людемъ приказать, чтобъ они тѣхъ лошадей берегли и кормили, чтобъ къ полковымъ подъемамъ всегда тѣ лошади были готовы. А буде изъ тѣхъ лошадей отъ безкормицы падуть или какимъ небереженьемъ пропадуть, и вмѣсто тѣхъ лошадей взято будетъ столько жъ и такихъ же лошадей.“ (О. а. стр. 190—1).

1689. „... Указали Мы, В. Г., . . . въ нынѣшній Донской отпускъ изготовить муки ржаная изъ наличныя . . . да къ тому во прибавку . . . смолоть въ муку изъ наличныя ржи . . . а принимать тое муку съ примоломъ, а примолу по полуосьмигъ съ

чети. Всего велѣно изготовить 12223 чети съ осьминою и съ полчетвериковомъ, а въ Донской отпускъ велѣно послать 6500 чети. И Микиту Головкину тое муку изготовить и устроить въ рогожне четвертине кули. Да велѣно послать 500 ведеръ вина съ Воронежа съ кружечнаго двора въ мѣднее въ заорленное ведро сполна, безъ недомѣру. (Изъ грам. Ворон. воеводѣ, № 100.)

1691. „Били челомъ Намъ В. Г., Орлова городка полковныя службы казаки двъ городавныя службы драгуны: служатъ де они Намъ, В. Г., многіе годы, а живутъ они на дѣдовскихъ и на отцовскихъ помѣстьяхъ, на малыхъ дачахъ, человекъ по два и по три на дворѣ для утѣшенія особыми избами, а инне живутъ въ Орловѣ жъ на драгунской землѣ особъ же дворами по добродѣтели, а пашенныхъ де земель и ни какихъ угодей за ними нѣтъ. А которые живутъ на однихъ же дворахъ порознь избами, а пашенными землями и всякими угодья владѣють они вопчѣ съ родники своими; и съ той пашенной земли хлѣбныя запасы во донской отпускъ и всякія денежныя подати платять на вся годы А ныне де на нихъ, которые живутъ особъ избами, четвериковой хлѣбъ и всякія подати правять съ градскими людьми върядъ а имъ де четвериковога хлѣба и всякихъ податей върядъ съ тѣми съ полными помѣщики платить не вѣмочъ. И Намъ бы ихъ безпомѣсныхъ пожаловать велѣть бы имъ платить по прежнему, межъ себя повытно и по долямъ...“ (О. а. 216—16).

1696. По Государеву указу, въ Воронежскомъ уѣздѣ проведена новая линия селеній до Тамбова и Козлова, до Коротояка и до Донскихъ казачьихъ городовъ изъ Русскихъ людей и Черкасъ, сведенныхъ изъ разныхъ украинныхъ городовъ. (Болх. 15).

1697. „... по челобитью Острожежского полку . . . полковника П. А. Буларта, въ Воронежскомъ уѣздѣ Встюцкой и Середцкой уожды со всѣми угодья, которые были на оброкѣ изъ Козлова Троицкого монастыря за архимандритомъ Корниломъ съ братією, отданы на оброкъ ему . . . Буларту, а оброку ему съ тѣхъ уождевъ со всѣми угодья велѣно платить прежнего по 200 рублевъ да повья наддачи по 2 рубли на годъ.“ (О. а. стр. 256).

1699. „Указали Мы, В. Г., рѣки Икорца жителей, которые . . . на лицо явились, приписать и которые по той рѣкѣ Икорцу и по рѣкѣ Битюку будутъ селитца, впредь доходами и пашенныхъ дѣлами и во всякихъ дѣлѣхъ вѣдать въ Приказѣ Вольшаго Дорца, а въ иныхъ Приказѣхъ и въ городѣхъ ни гдѣ не вѣдать. И которой хлѣбъ по той рѣкѣ Битюку сжалъ Иванъ Вехтѣвѣнъ и сжалъ по юртамъ въ кладѣ, а тотъ хлѣбъ обмолотить и устроить въ житница...“ (Мат. Т. I, изд. нами № 116).

1699. 17 Ноября, по Государеву указу велѣно въ Воронежскомъ уѣздѣ рѣки Витюкъ и Игорець, съ иными рѣками, которыя въ ту рѣку Витюкъ впади, и по тѣмъ рѣкамъ земли и покосы и всякія угодыя, и Игорецкихъ жителей, переписать и вѣдать въ Приказѣ Большаго Дворца, и поселить на той рѣкѣ Витюкъ на прежнемъ селеніи, гдѣ жили Черкасы, дворцовыхъ крестьянъ, а остальные за селитьбою крестьянъ земли и угодыя отдать на оброкъ охочимъ людямъ съ торгу. (Арх. д. Губ. Пр.)
- „Прикази промислить свѣжинькова осетрика, да бѣлужныи свѣжей, или хотя новосоленной . . . а у насъ, на *Воронежѣ* взять и сомины негдѣ“ (Изъ письма св. Митрофана Куколю).
1701. Заведена на Витюкъ Государева дворцовая волость и переведены туда на тягло дворцовые крестьяне изъ дворцовыхъ волостей Ростовскаго, Ярославскаго, Костромскаго и Пошехонскаго уѣздовъ, всего 1021 дворъ, а въ нихъ 4919 муж. и жен. пола людей. (Арх. д. Губ. Пр.)
1703. Царь Петръ Алексѣевичъ занимался устройствомъ шлюзовъ для починки кораблей, и за тѣмъ повѣхалъ осмотрѣть начатый каналъ для соединенія Дона съ Окою. (Голик. II, 118. Доп. VI, 229).
1704. Февраля 21, Царь Петръ Алексѣевичъ далъ повелѣніе Апраксину измѣрить глубину всего Дона и приискать удобнѣйшее мѣсто для верфи и для надобностей флота, устроить на р. Воронежѣ, въ Романовскомъ уѣздѣ, Липскій (Липецкій) желѣзныи заводъ. (Голик. II. 168, 169. Доп. V. 321, 325, 342).
1708. *Цѣны припасамъ:* Сахаръ за 1 ф.—10 алт. Корица за 1 золот. 1 алт. Мыла 10 брусковъ 3 алт. Масло деревянное за око (3 ф.)—6 а. 4 д. Анису за 1 ф. 1 алт. Тимону за 1 ф. 2 а. 2 д. Свѣтильни за 1 ф.—1 а. Огурцы за 100—4 а. Колоточка луженыхъ гвоздей по 6 д. Сурику за 1 ф.—10 к. Бѣлыя за 1 ф.—20 к. Яря за 1 ф.—23 а. 2 д. Желти за 1 ф.—20 алт. Лазори за 1 ф.—20 а. Крашенины за 1 арш. 1 алт. Сулея—10 а. Клей за 1 ф. по 2 а. 4 д. (Второвъ, I, стр. 51).
1708. Марта 30, воровскіе казаки Вулавинцы, прѣхавъ на Витюкъ въ с. Вобровское, на Государевъ дворъ, Государеву казну пограбили, грамоту, указы, книги и всякія письма подрали и пожгли, и воеводу Федора Тивькова били смертнымъ боемъ и покинули замертво; да тѣмъ воры съ конюшеннаго двора Государевыхъ присланныхъ съ Скоинна жеребцовъ и кобылицъ пограбили жъ; и послѣ того во все лѣто въ Витюцкія и Игорецкія села былъ приходъ воровскихъ казаковъ и Калмыковъ, и тѣ казаки и Калмыки въ трехъ селахъ церкви Божіи разорили, а въ с. Шестаковѣ сожгли, да въ четырехъ селахъ крестьянскіе дворы и на гумнахъ хлѣбъ пожгли, и крестьянскіе пожитки во всѣхъ селахъ пограбили, и лошадей отогнали. (Арх. д. Губ. Пр.)

1711. Февраля 19, приговоромъ Министровъ Ближней Канцеляріи, велѣно указное число на Донъ провіанта 4500 чети и 500 ведръ вина на 1711 г. и впредь отпускать съ Воронежа на буларахъ изъ Азовской губерніи. (II. Собр. Зак. IV. № 2320).
1719. По рѣкѣ Рыбной, подъ Острогожскомъ, были выдвинуты *форпосты*, никого не пропускавшіе, и принимавшіе казенные пакеты *черезъ огонь*. (Павлов. дѣла, тетрадь № 6.)
1724. Повелѣно комендантамъ объявить торговымъ людямъ во пожелаютъ ли кто взять на себя доставку провіанта на 70,000 чел. (Павлов. дѣла № 1104).
1726. По опредѣленію Сената, учрежденная въ Тавровской крѣпости казенная суконная фабрика отдана во владѣніе Воронежскимъ дворянамъ Веневитинову, Титову, Лосеву и Плотяникову и купцамъ Гарденину, Сахаровымъ и Тулинову. (Болх. 79).
1728. Чрезвычайною полою водою затопило великую часть г. Павловска и уничтожило цѣлую слободу, а отъ влившейся въ городъ воды сдѣлалось, оставшееся и до нынѣ, озеро. (Болх. 112).
1733. Повелѣно учредить въ кр. св. Анны, въ Изюмѣ, Коротоякѣ, Павловскѣ, Воронежѣ, на устьѣ Хопра провіантскіе магазины, въ каждомъ мѣстѣ по 50 т. четв. муки. (II. Собр. Зак. IX. № 6472 и 6512).
1735. По донесенію вице-адмирала Зябзевича, изъ Таврова, что въ Воронежской губерніи по рѣкамъ Дону, Воронежу, Битюку и Хопру лѣсъ рубать, кто сколько ни захотѣлъ, отъ чего лѣса во умаленіе пришли, — указомъ Правительствующаго Сената 29 августа, подтверждено воспрещеніе рубки въ означенныхъ мѣстахъ лѣсовъ, годныхъ къ строенію судовъ (II. Собр. Зак. IX. № 6798).
1738. Моровая язва въ г. Павловскѣ опустошила болѣе половины населенія, и купцовъ однихъ умерло 700 душъ. (Болх. 113).
1744. Въ Тавровской крѣпости былъ пожаръ, случившійся отъ весенняго *зажиганія степей* и истребившій все деревянное крѣпостное строеніе и за крѣпостью дворецъ и весь *форштатъ* до основанія. (Болх. 98; II. Собр. Зак. XIII. № 9779).
- Выгорѣлъ почти весь г. Павловскъ, со всѣми полковыми церквами. (Болх. 113).
1766. Заведена нѣмецкая колонія (Рыбендорфъ) въ Острогожскомъ уѣздѣ, изъ 72 семействъ, высланныхъ изъ Германіи, преимущественно Виртембергцевъ. (Ворон. акт. вып. XVI изд. нами).
1768. Высочайшее повелѣно Воронежскому Губернатору распорядиться, свозить, куда отъ фельдмаршала графа Румянцева назначено будетъ, провіантъ и овесъ, которые собрать съ губерніи, разложивъ на ревизскія души, съ зачетомъ въ подушный окладъ, по торговымъ цѣнамъ. (Выс. Реск. 14 Ноября).
1769. Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору произвести съ губерніи дополнительный сборъ провіанта, такимъ образомъ, чтобы съ собранымъ уже прежде, приходилось со всѣхъ хлѣбо-

пашцевъ по 1 четверику муки и по $\frac{1}{2}$ гарнцу крупъ съ каждой ревизской души, и провіантъ сей доставить въ Воронежъ или Тавровъ, гдѣ сдавать въ вѣдомство Провіантской Канцеляріи, ябы, при открытіи Дона, хлѣбъ могъ быть доставленъ водою въ лежація на Дону крѣпости. (Выс. реск. 13 Января).

— Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору доставлять въ Азовъ потребный *льсъ*, для произведенія разныхъ строеній, по требованію генералъ-поручика Вернеса. (Указъ Сен. 18 Февраля и Выс. пов. 3 апрѣля).

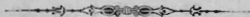
— Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору собрать съ губерніи на продовольствіе войскъ, 50 тыс. четв. муки, да крупъ по числу душъ, и доставить въ крѣпость св. Дмитрія. (Выс. Рес. 15 Декабря).

— Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору принять мѣры къ размноженію посѣва пеньки, потребной для производства по Дону разнаго судового строенія, и разрѣшено употребить на покупку сѣмянъ, для раздачи, до 500 руб. (Выс. Рес. 24 Декабря).

1772. Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору закупить до 20 т. четв. ржаной муки и доставить водою, въ первыхъ числахъ мая, въ крѣпость св. Дмитрія Ростовскаго, для вспоможенія Ногайскимъ ордамъ, отложившимся отъ Турецкаго подданства и перешедшимъ изъ за Днѣпра и изъ Крыма на Кубанскую сторону. (Выс. Рес. 18 Января).

— Октября 18, Высочайше утвержденъ проектъ Воронежской торговой компаніи. (Выс. Рес. 18 Октября. II. Собр. Зак. XIX. № 13886).

— По случаю бывшаго въ разныхъ мѣстахъ Воронежской губерніи *неурожаю* хлѣба, Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору, для доставленія нуждающимся средства къ прокормленію, въ мѣстахъ, гдѣ болѣе претерпѣвали нужду, начать дѣланіе рововъ около уѣздныхъ городовъ за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и воарасту. (Выс. Рес. 2 Декабря).

У К Я З И Т Ъ Ъ

- Аба—70.
- Адмиралтейства—71.
- Адмиралтейскій дворъ и дворець—
62—64.
- Азовскіе походы—86.
- Акціонерное общество—8—17—
109.
- Ахреяне—66.

- Барилька—74.
- Вахчи—6—85.
- Вахчеводство—75.
- Безоброчное шинкованіе—4.
- Безпошлинное винокуреніе—4.
- Битюги—81.
- Благовѣщенскій соборъ—82.
- Благоустройство населенія—107.
- Вобры—20.
- Вобровые горы—стр. 1—6—28
—29.
- Вобровые ожерелки—77—104.
- Вобыли—35—36—38—41.
- Вобыли кормящіе—43.
- Боринскіе жел. заводы—62—67.
- Брага—73.
- Брегантирныя строенія—66.
- Вудары—65—105—106.
- Бѣглые—44—47—49.
- Бѣломѣстные атаманы—32—42.

- Ввозныя грамоты—37.
- Версты—57.
- Верстовые столбы—91.
- Веревки—107.
- Верфь—64.
- Ветеринарія—107.

- Вино—3.
- Вино двоенное—72.
- Вино простое—72.
- Вино хлѣбное—69.
- Виноградники—75—85.
- Виноградъ—6.
- Водобоянь—108.
- Водяной путь—89.
- Водоносные кувшины—62.
- Военныя поселенія—48.
- Волженская соль—62.
- Вотчины—36.
- Вотчинныя грамоты—37.
- Вотчинное право—51.
- Вотчинное владѣніе—51.
- Воскобойное производство.
- Выхода—74.
- Вяленіе рыбы—5.

- Галеры—76.
- Глинобитныя постройки—62.
- Глиносоломенные крыши—62—108.
- Глиняныя издѣлія—62.
- Голодь—18—54.
- Гонка дегтя—6.
- Гонтъ—68.
- Горючій камень—67.
- Гостепрѣимство—79.
- Грошъ—69.
- Губный староста—41.
- Гулящіе люди—39.

- Дворяне—101.
- Деготь—68—105.
- Демшанскіе хлѣбопашцы—54.
- Дерево—68.

Десятинная пашня—33--34—84
—85—107.

Добаны—62.

Дикія лошади—21--79.

Дикія поля—39.

Донскія гирлы—89.

Донскія лошади—80.

Донское козачество—40—61—66
—74—86.

Донскіе хѣса—26.

Донской отпускъ—3—27—40—
41—103.

Дороги—98.

Дошаньки—68.

Драницы—68.

Дрожжи—69.

Древесный уголь—67.

Дрова—67.

Дѣловые люди—36—43.

Дѣтеныши—35—42.

Евдокѣиинъ день—31.

Евваитое вино—74.

Ефяки—75.

Жельзо—62.

Жельзные дороги—21.

Жельзная руда—62—83.

Жельзные заводы—62—83.

Жельзные гвозди—106.

Жемчужная ловля—6.

Жевщины—51.

Житицы Государевы—68.

Заводы—67—82.

Задворные люди—36.

Закладчики—39.

Захребетники—38—41.

Звѣриная ловля—29—77.

Земледѣліе—29.

Земельныя угоды—38.

Земли добрыя, середнія и худыя—52

Земледѣльческія орудія—53.

Земледѣльческія произрастенія—63

Зола—67.

Зубрь—89.

Известь—62—83.

Инженеры—91.

Иностранныя вина—75.

Истребленіе хѣсовъ—24.

Казенныя степи—85.

Казенныя пастбища—65.

Камень жерновный—62.

Камеломни—82.

Каменные строенія—82—83.

Каменный уголь—67.

Каналы—8.

Капатныя фабрики—6—86.

Капаты—107.

Карантинны—108.

Картофель стр.—1—109.

Кафельный заводъ—83.

Квасъ—73.

Кизилбашскіе купчины—40.

Кизилбашскія лошади—86.

Кирпичные заводы—82—83.

Кляматы—20—23—24.

Ковердакъ—73.

Кожа—88.

Кожовепные заводы—6—87.

Козы—53.

Колонисты—109.

Колыбель торговаго флота—3.

Колокольные заводы—6—83.

Колонизація степей—84.

Компанийская контора—11.

Конскіе заводы—86—528.

Коневодство—79—87.

Конскіе хвосты—104.

Копнозаводство—79—82—85—86—87.

Копокрадство—87.

Колееводство—66.

Коношля—76.

Копченіе рыбы—5.

Корчемство—69.

Кормовые люди—69.

Кораблестроеніе—82—84—87.

Крестьянскіе бунты—50.

Крестьяне стр.—1—85—36.

Кружечные дворы—71—75.

Крушной рогатый скоть—87.

Крѣпостное право 39.
Кугеляны—62.
Кучія отниси стр. 1.

Ленъ—76.

Ливенскіе в Елецкіе торговые лю-
ди—45.

Линейныя мѣры—56.

Липскіе ж. заводы—67.

Литовщины—75.

Лихорадки—108.

Локоть—56.

Лошади—21.

Лѣса 2 д.—76.—85.

Лѣсъ хоронной и дровяной—38-53.

Лѣсовстребленіе 21—106.

Лѣсные пожары—23.

Лѣсопильныя заводы—6—85.

Лѣсные орѣхи—76.

Малороссы—108.

Медовареніе—ст. 1.

Медъ—77.

Медицина—107.

Мельницы—3—53.

Мельники черкаскы—90.

Межевщики—53.

Метрологія—55.

Мещерка ржаной муки—64.

Монастыри—27—34.

Моровое повѣтріе—45—108.

Московская волокята—52.

Московскіе стрѣлецкіе приказы 60

Мосты—91.

Мочала—106.

Мѣдь—63.

Мѣдная руда 84.

Мѣль—62—83.

Мѣдноплавильныя заводы—6-82-83

Мѣхъ (мѣра)—60—62.

Мыловаренныя заводы—61.

Набѣги—Крымцевъ, —Кубанцевъ
и Ногайцевъ—4—47.

Наемныя рабочіе—50.

Наливки и настойки—73.

Населеніе—55.

Насильное закрѣпощеніе 15.

Недородъ—7.

Неурожай хлѣба—19—24.

Ногайцы—79—80.

Нѣмецкая колонія—6.

Оброкъ 31.

Оброчное право—51.

Общинныя мѣры—57.

Объемныя мѣры—59.

Обмѣлъ—99.

Обрабатывающая промышленность
—82.

Овцеводство—4—78—87.

Овчарни—87.

Огороды—53—76—85.

Огородничество—4.

Опекунская контора въ Саратовѣ—19.

Орловское намѣстничество—107.

Ордынскіе хищники—4—22—25
—26—29.

Остромокъ—86.

Острогужская промышленность—102.

Отдочная мѣра—55.

Откупныя вотчины—26—51.

Отложеніе Татаръ и Ногайцевъ
отъ Турціи—9.

Парусная мельница—5.

Парусныя фабрики—6—85.

Пашенныя люди—41.

Пашенныя лѣса—53.

Пенька—6.

Пенязи—74.

Перепустъ вина—74.

Перелогъ—35.

Перелись Павловск. посад. людей
—85.

Петровскій періодъ—82.

Пиво—73.

Пиленіе бревенъ—68.

Писцы—38—53.

Плаваный путь—100.

Племенное овцеводство—87.

Плуги—21.

- Побѣги крестьянъ—17—68—66.
 Повинности—18.
 Подряды казенные—6—99.
 Пожары степные и лѣсные—22.
 Пожega степей—24.
 Повомольное владѣніе—32.
 Повомольныя мѣры—56.
 Полковыя лошади—65.
 Полугрошъ—63.
 Помѣстное право—51.
 Помѣстный Приказъ—52.
 Помѣстная система—33.
 Помѣщики—39—50—52—69—
 107.
 Порожня земли—39.
 Поташъ—23—61.
 Пошлинные земли—34—35—38
 Правительственная таможня—99.
 Предметы сбыта мѣстныхъ рынковъ
 —100.
 Приказъ Адмиралтейскихъ Дѣлъ—
 105.
 Приволжскіе казаки—40.
 Приказчики—35—36.
 Приставы—41.
 Приказъ Казанскаго Двора—61.
 Приказная водка—72.
 Пристѣны—75.
 Приказъ Большаго Дворца—84.
 Причина успѣховъ Ворон. промыш-
 ленности—7.
 Приемная мѣра—55.
 Продукты царства ископаемаго—61.
 Продукты царства растительнаго—
 63.
 Продукты царства животнаго—76.
 Промышленность края—100.
 Продовольствіе войскъ—6.
 Прошжая память—70.
 Птицеводство—77.
 Птицеводство—78.
 Публичные торги—26.
 Пустые дворы—35.
 Пустошь—37.
 Пути сообщенія—89.
 Пушечные заводы.
- Пчеловодство лѣсное—стр.—1—4
 —5—6—24—25—26—28—29
 —77.
 Рабочія руки—53.
 Развитие сельск.-хоз. промыш.—7.
 Равнинская смута—49.
 Растенія полевныя—стр. 1.
 ” огородныя—стр. 1.
 ” зонтичныя—стр. 1.
 ” лилейныя—стр. 1.
 Ратные люди—11.
 Регулярное войско—18.
 Рога бычачьи и буйловны—89.
 Рыболовство—стр. 1—4—6—25
 —26—28—29—53—76.
 Рѣвки—89.
 Рябиновый медъ—74.
 Рядныя крѣпости—52.
 Садовое пчеловодство—26—27.
 Садоводство—4—26—76.
 Саранча—108.
 Обитень—73.
 Сбытъ сельско-хозяйственныхъ про-
 дуктовъ—7—99.
 Увеклосахарные заводы—21.
 Свиная ярмарка—75.
 Свиноводство—78—87.
 Своевольство черкассъ и казаконъ
 —26.
 Сельско-хозяйст. промышл.—82—
 105—107.
 Сельское хозяйство—89—107.
 Селитра—23—61—108.
 Сельская упряжь—53.
 Семеновъ день—26—31.
 Сибирская язва—108.
 Скотоводство—4—24—66—77—
 87—103.
 Слюда—62.
 Смоляные заводы—85.
 Соленію кожъ и сала—62.
 Соляная контора—12.
 Соль—60—62—65—104.
 Сошное писмо—35—38—40.

- Средній урожай—34.
 Станъ — 36.
 Статсъ-контора—19.
 Степи — 21.
 Степныя травы—21.
 Стекло—62.
 Строеніе флота—24.
 Судоходство—66.
 Сукно—87.
 Сукопныя фабрики—6—87.
 Сухопутныя дороги—91.
 Суховѣй—23.
 Сходцы—85.
 Сѣнокосъ—53.
- Табаководство—3.
 Таможенныя книги—100.
 Таможенныя сборы—99.
 Толучѣвскій желѣз. зав.—83.
 Торговля Ворон. губ.—7—98.
 Торговныя сношенія—8.
 Торговныя корабли—8.
 Торговая компанія—7—10.
 Торговый флотъ—109.
 Торговныя дороги—89.
 Торговныя центры—98.
 Торфяныя болота—23.
 Тромбачи—75.
 Трубки большой и малой руки—62.
 Турскіе послы—11.
- Увеличеніе народонаселенія—106.
 Угольное жженіе—6.
 Указъ о постройкѣ Ливень и Воронежъ—25.
 Укосы—85.
 Укусъ—69.
 Уставъ Ворон. акціон. общ.—17.
- Фабрики—6—67—82.
 Фабрично-заводская промышленность—87—9.
- Флотъ—62—66.
 Формы незаконнаго землевладѣнія—52.
 Формы поземельнаго права—51.
 Фракціонированная перегонка—73.
 Фуркаты—76.
- Харчи—53.
 Хвойныя лѣса—23.
 Хлѣбныя посѣвы—54.
 Хлѣбный сборъ—6.
 Хлѣбныя запасы—3.
 Хлѣбопашество стр.—1—4—24—53.
 Хмелеводство—4—69.
 Хозяйство крестьянское—стр. 1.
 „ помѣщичье—стр. 1.
 Холопы—39.
- Цимбалисты—75.
 Цѣловальники—91.
 Цѣны, стр.—3—19.
- Червасскія мельницы—4.
 Черепичный заводъ—83.
 Четвертная пашня—32—33.
 Четвертое землевладѣніе—33.
 Число дворовъ—35.
 Чугунолитейныя заводы—6.
- Шеповалы—78.
- Эпидеміи—23—24.
 Эпизоотіи—23—24.
- Юфть—5—56—59—62—64.
- Ямчужное произв.—3.
 Ямчуга—61.
 Ямщики—87.

Замѣченныя опечатки:

- На стр. 59, въ 3 строкѣ снизу, напечатано 20—25 ч., слѣдуетъ читать
4—5 четвертей.
- „ 75, въ 11 строкѣ сверху, „ тросигакей „
тромбачей.
- „ 103, на 14 стр. снизу „ скотоводствѣ „
скотоводства.
- „ 109, вверху 2 стр. „ ранѣе, слѣд. чит. ранее.
- Въ глѣтониси, на первой стр. „ Hydrogv., „ Hydrogr.

